

ПУТЕВКА ВО ВЗРОСЛЫЙ МИР

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

Борис ОЛЕЙНИК,
лауреат Государственной
премии СССР

УРОК КР

Как-то шел я дивным полем,
сам в себе укрывшись немо.
Поле стихло, словно победу,
что за лето отлюбил.

Не заметил, как заплыл я
в голубую заводь неба.
В васильковой теме неба
все дышало голубым.

Голубым я стал, как голубь
среди небесной этой сини,
голубым и невесомым,
реуцимся за окоем.
Все бывшее промелькнуло
смутным призраком пустыни,
и тоска моя и радость
растворились в голубом.

Где-то город подо мною
спал, околицы раскинул,—
там ворочались заводы
и огнем дышала сталь.
В нежный круг арывался угол,
все полутона отринув,
круг со скрипом разгибался,
превращаясь в магистраль.

Думал я, что в этом мире,
где гурлит ветер вольный,
тонко связаны друг с другом
сердце, дерево, металл;
думал: если бы не грохот
круглосуточный, нестройный,
я в тиши округлой поля
ничего б не отыскал.

Думал я, что в этом громе,
выбрав ремесло по нраву,
город, словно драгоценность,
в колдовских своих цехах
тишь земную заключает
в филигранную оправу,
нлнчит нежность, как ребенка,
на больших своих руках.

Думал я, что в каждом сердце
есть сомненье, радость, горе,
есть прошедшие столетья
и грядущий полдень наш.

Думал: вот бы отыскать мне
на учебной карте город,
чтоб имел он тихий, мягкий,
акварельный антураж.

Вот Венеция, к примеру,
как гондола, голубая,
или Рио-де-Жанейро—
поверанец и кумач.
Вот бы съехать с пирамиды,
как в младенчестве—с сарая,
в сказку дивную,
минуя
суету, и смех, и плач.

Вот бы лечь на диком пляже,
как Адам, один, без Евы,
и, забывшись, слушать песни
о Париже и любви...
Иль, обняв за стан гитару,
вдруг нагрянуть в... Крагуевац.
(Стоя! Я ж думал о Мадриде...
Крагуевац? Я ж такого
не просил в стихи свои!)

Или лечь под кроной лавра,
вечного, как слава, древа...
«Кр-рагуевац!»—
словно резкий
и тупой удар клинка.
«Кра-гуевац!»—
словно выстрел
автоматный.
(Кар-ркнул ворон. Хр-рустнул чер-р-реп.
...Пополом строка!)

Память брезжит... Было? Правда?
Назовите год и день!
Карту... Карту! Дайте карту!!
Сердце, тише. Тише, сердце!
(Ты для пули—как мишень).
Ямы... парты... ямы... парты...
Карта:
Париж, Афины, Белград...
Кр-ра-гу-е-вац.
Югославия.
(Будьте ж прокляты вы, карты. И тот... день.)

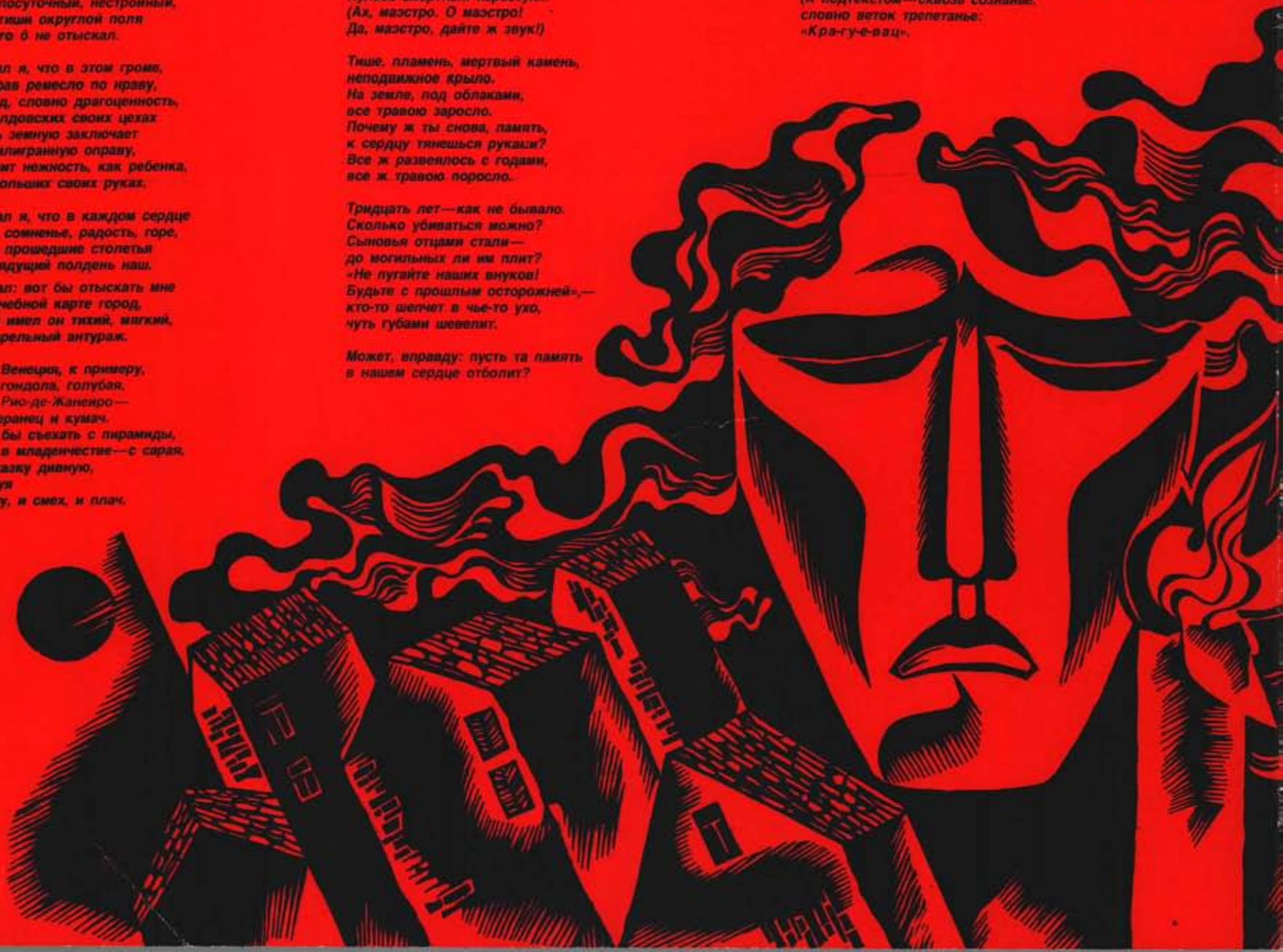
Схоронили без оркестра,
Пульса смертный перестук...
(Ах, маэстро. О маэстро!
Да, маэстро, дайте ж звук!)

Тише, пламень, мертвый камень,
неподвижное крыло.
На земле, под облаками,
все травую заросло.
Почему ж ты снова, память,
к сердцу тянешься руками?
Все ж развеялось с годами,
все ж травую поросло.

Тридцать лет—как не бывало.
Сколько убиваться можно?
Сыновья отцами стали—
до могильных ли им плит?
«Не пугайте наших внуков!
Будьте с прошлым осторожней»,—
кто-то шелчет в чье-то ухо,
чуть губами шевелит.

Может, вправду: пусть та память
в нашем сердце отболит?

Сын пришел из школы.
Шумно полетел под стол портфель.
Перед зеркалом крутнулся,
сбросил куртку с плеч худых.
Посвистел: в окошко свесясь,
в рот заоросил карамель.
И разлегся на диване
в джинсах новеньких своих.
Я сказал педагогично:
«Положи портфель на стол».
Он лениво наклонился, буркнул:
«Начался урок».
«Прежде, чем свистеть в окошко
и гонять весь день в футбол,
ты б нам с матерью поведал,
как с оценками, сынок».
Он сквозь зубы: «Надоело».
«Как с отцом себя ведешь?»
«Я ж сказал, что все в порядке!»
«Ты хотя бы тон смени!»
Ты ж не в классе, понимаешь?»
«Понимаю. Ну, и что ж?»
«Я тебе не одноклассник».
«Ладно, папа. Извини».
Сероглазый. Белобровый.
Рыжая под носом тень.
(Интересно: целовался? Или нет?...
А я в восьмом...)
«Наш географ...»
«Знаю, знаю... Как всегда, заела лень».
«Историчка же...»
«Ты снова мне толкуешь о своем?»
(А подтекстом—сквозь сознание,
словно веток трепетанье:
«Кра-гу-е-вац».

Крагуевца

Перевел с украинского Лев СМЕРНОВ

Как они тогда встречали
день свой тихий, день последний?
О троянках вспоминали
или о войне столетней?

Королевский путь на карте
отмечали стрелкой или
с тайной радостью на карте
что-то имя выводили?)

«Географию,— сказал я,—
знать ты должен наизубок.

Неученье—тьма...
Ученье—ты, конечно, знаешь—свет».

На мои слова скептически
улыбнулся мой сынок:

«Это было в ваши годы...
Нынче ж белых пятен нет!

Взял билет—и до свиданья!
Хоть в Париж, хоть в Кострому!»

Погрозил я пальцем строго:
«Лучше слушай и молчи...»

(Боже, как осточертел я с поученьями ему!)

«А историю, запомни,
основательно учи».

«Как всегда,—вдохнул он,—прав ты:
годы, опыт, кругозор...

Но теперь и мне позвольте
вам задать один вопрос.

Только—чур! Пойдет меж нами
настоящий разговор.

Прозевал меня ты где-то,
я ведь детство перерос...»

Я—к ремню... И от смущенья
и внезапности присел:

идруг заметил я впервые:
он со мною наравне.

Боже, как это случилось!
Верно, вправду я ослеп!—

он совсем уже ведь взрослый!
Как сме протистя мне?!

«Слушаю,—сказал я хрипло,—
Что ж, давай валлий, сынок!»

«Нужно все знать, говоришь ты.
Ну-ка, взвесь и согласишься...

Вот история, к примеру,
Ну, какой мне в этом прок?

Все, что было, то уплыло...
А вперед шагает жизнь!

В космос рвется всей душою
современный человек,

и ракете нету дела
до троянского коня...

Все равно взлетит ракета
и настанет новый век!

Ну, а если я ошибся,
то поправь, отец, меня!»

(А подтекстом—сквозь сознание,
словно бури грохотанье:
«Кра-гу-е-вац!»)

В мире все идет, как надо:
тает мрак, светлеет даль,
всходит солнце, вновь заходит,
тихо по небу скользит.
Как банально!

Как прекрасно
все закручено в спираль!
Ах, гармония какая!
Лучше выдумать нельзя!
Идеальная система:
стук сердец и бег машин.
Мудрое чередованье:
день—за ночью,

ночь—за днем...

Роль сыграл отец—и тотчас
на подмостки рвется сын...
Разве же не справедливо?
День—за ночью,

ночь—за днем...

Идеальный ритм природы:
ты погиб, а я живу.
Ах, какой миропорядок:
ну, поплакал—и забудь!
О, жестокий ритм природы:
люди падают в траву...
Мудрость змея, мудрость круга:
ну, поплакал—и забудь!

Почему ж ты снова, память,
к сердцу тянешься руками?
Все ж развеялось с годами,
все ж травкою поросло.
«Может, не было, сыночек?»
«Может, не было...»

А ты... собственно, про что?..

III

«Да... просто вспомнилось... Постой, а какое сегодня
число?!»
«Ха-ха!—сочно загоготал.—шутить, отец: двадцатое ок-
тября. Ты же завтра именинник».
«Хо-хо!—удивился я в его стиле.—Все же хоть одну дату
ты-таки помнишь. А говоришь: для чего мне эта история!»

Рисунок Владимира Делбы

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 17 (1183) СЕНТЯБРЬ 1976

Наша обложка:
Учащаяся Харьковского
ГПТУ-35,
будущий токарь
Екатерина КОТЯШ.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

- 1** ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
«УРОК КРАГУЕВАЦА».
Поэма Бориса ОЛЕЙНИКА, лауреата Государственной премии СССР.
- 4** МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ.
«ГОЛУБЫЕ ЛЕНТЫ СААРЕМАА». Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 7** НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Владимира ЗИМЫ «ВСЕ БЫЛО СОВСЕМ НЕ ТАК».
- 10** УРОКИ ЖИЗНИ.
Диалог мастера производственного обучения ПТУ № 90 г. Ленинграда, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, делегата XXV съезда КПСС Бориса ЖУРАВЛЕВА и намотчицы ленинградского научно-производственного объединения «Позитрон», депутата Верховного Совета СССР Надежды МАКСИМОВОЙ.
- 12** «ЦЕНТР НА ОКРАИНЕ».
Фотоочерк Анатолия БАРАНОВА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 18** ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Очерк Елены МИКУЛИНОЙ «ЗОЙКА С УЗЛОВОЙ».
- 20** МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
«ЖЕЛАНЬЕ РАССКАЗАТЬ О ДОБРОТЕ».
Поэт Владимир ФИРСОВ о художнике Александре ШИЛОВЕ.
- 22** «БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ».
Роман Богомила РАЙНОВА.
- 26** Документальная повесть Гария НЕМЧЕНКО
«БЫЛО НА ЗАПСИБЕ...»
- 29** ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
«КОММУНИСТ КОРВАЛАН».
Очерк чилийского публициста Эдуардо ЛАБАРКИ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов,
В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко,
В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов,
А. П. Серeda, Г. С. Терзибашьянц (главный художник), Б. А. Фаин,
Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена», 1976 г.

«Вот таким, старик, ты мне нравишься... с юмором!»
«Ну, еще бы! Завтра же день моего рождения. Точнее: в ночь с 20 на 21 октября 1935 года».
«Вот это точность! А ну-ка заглянем в календарь: когда там восходило и заходило солнце? В биографии великих каждая деталь на вес золота». (Он потянулся за календарем, веселый и нагло-юный.)
«Не нужно...» — перехватил я его руку.
Лениво пожал плечами:
«Почему?»
«Там... кровь».
«Да ты что? — Отпрянул от меня ошарашенно. — Какая кровь? Где? Ничего не понимаю».

«Сейчас разьясню, сынок. Документально: «В ночь с 20 на 21 октября 1941 года каратели под командой майора Кенига вторглись в городок Крагуевац и расстреляли семь тысяч человек. Среди них триста гимназистов. Их вели поклассно, во главе с учителями. Во время расстрела школьники пели «Гей, славяне».

«А где он... этот Крагуевац?»

«В Сербии. В сорока верстах от Белграда, сын мой. А ты говоришь: что мне эта география!»

«Ну, при чем тут география?! Не о том речь... Верней, я хочу сказать, что это — случайное совпадение, и то лишь в днях. Ты же родился за шесть лет до ...этого».

«Э, нет, сын мой, в этом мире — ты уже учил — все связано: причина — следствие, день — ночь, рождение — смерть, пуля — указательный палец. День моего рождения, как и ночь смерти Крагуеваца, вошли в вечный круговорот рождений и смертей, стали клеточками мироздания. Ничто не исчезает в этом мире, сын мой. Закон сохранения материи... и памяти. Приглядишься получше: на моей рубашке... кровь».

«Не надо, отец! Это уже... мистика. Мне страшно...»

IV

Не бойся — то Память стоит со свечой...
И ветер играет поземкой ночной,
и тени мятутся, и камни растут,
и роты сапог, словно фатум, идут.
Нет лиц, лишь белеют оскалы зубов,
кривые
ухмылки да стук каблук.
И круг, как петля, завершился рынком.

«Отец, это ветер гудит за окном...»

«Вот Кениг вздымает десницу... «Moment!»
Не поле пылает, а весь континент.
И карта дрожит, как в Освенциме плац,
и глаз оловянный — на Крагуевац».

«Отец, это все показалось тебе:
то гнутся деревья в осенней мольбе».

(Педантичный ариец — в пунктуальности есть своя грация —
с чисто прусскою точностью вывел детей из-за парт

и в колоннах по трое ведет —
«Liebe Kinder, дистанцию!» —
аккуратно,

поклассно
на кладбище

(Идут — словно в школу — в пальтишках своих,
и завтраки стынут в портфелях у них,
и тянется, тянется смертный большак,
и строгий учитель ровняет их шаг.
Поникие травы и глина во рву...»
«Неправда! То ветер сгребает листву...»
«Шесть тысяч семьсот поглотил уже грунт...
А триста — как в школу — поклассно идут.
Географ, на гору рукой показав,
сказал, словно в классе:

«А это Триглав!
И тяжело вздохнула седая гряда:
«Убить можно многих, народ — никогда!»

Шли дети, и ветер за ними бежал...
«Вон Косово поле! — учитель сказал. —
Тут пращуров наших у края могил
султан Баязид ятаганом косил».

И тяжело вздохнула трава-лебеда:
«Убить можно многих, народ—никогда!»

А триста по Сербии молча грядут...
«Отец, это по небу гуси плывут».

И мечется Тисса, рукою своей
мосты, как бинты, отодрав от грудей:
«Куда ж вы, куда ж вы невинных детей?!
Невинных... детей?!»

Комендант Яновского лагеря (это недалеко, во Львове,
сын мой), штурмфюрер Густав Вильгауз в спортивном
азарте, чтобы развлечь жену и дочку, стрелял из автомата
с балкона канцелярии в узников, работавших в мастер-
ских, потом передавал автомат своей жене, и она тоже
стреляла. Иногда, чтобы потешить девятилетнюю дочку,
Вильгауз приказывал подбрасывать сверху двух-
четырёхлетних детей и стрелял в них. Дочка хлопала в
ладони (боже, какая невинность!) и кричала: «Папа, еще,
папа, еще!»—и он стрелял.
С тех пор, сын мой, когда я вижу на древних иконах
белокрылых ангелочков, мне хочется спросить их: «Вы
случайно... не из Яновского лагеря?»

И мечется Тисса, рукою своей
мосты, как бинты, отодрав от грудей.
«Куда ж вы... невинных детей?!»

Все ближе и явственней страшный обман.
По каскам рососою стекает туман.

Финал наступает... И буквою «ф»
убийца топырит свое галифе.

Порядок для Кенига—высший закон:
«Дистанцию, сербы! Не вижу колонн!»

Поклассно, славяне! Хоть здесь, у черты,
Учитесь, учитесь порядку... скоты!»

И в первой колонне замешкались вдруг...
«Отец, я все вижу! Смыкается круг!»

Директор бросает в лицо палачу:
«Пустите! С детьми умереть я хочу!»

А Кениг хохочет: «Куда тебе? Weg!
Мы целимся в завтра. Ты ж—
Plusquamperfekt».

Директор отрезал: «Ты знай свой курок.
У нас же по плану—последний урок.
Ребята! Я с вами! Я ваш педагог!
Я выбрал для вас самый важный урок!»

Пусть страшное поле вокруг, а не класс,—
История, дети, сегодня у нас.
И лишь поднимать вам не следует рук...»

«Отец! Я все слышу! Смыкается круг!»

«Оценка одна у нас с вами на всех.
Ее непременно нам выставит век.

Так вот, под пронзительным взглядом войны
уже вы не дети,
а дети страны.

Уже вы не просто семейный оплот,
а воины, хлопцы, за вами—народ.
Ни слез ваших мир не забудет, ни мук...»

«Отец, я все понял! Смыкается круг!»

«Вам холодно, дети? Так было всегда,
когда с одиноким случалась беда,
и вороны смерти кричали вокруг...»

«Отец! Беспощадно смыкается круг!»

За каждое слово отвечу судьбе...
Герои весь мир умещали в себе.
И каждому было отрадою знать:
Пускай я погибну, но миру стоять!

Лишь в Косовом поле султан Баязид
не ведал, что мир на века устоит.
Лишь Кениг, умеющий жечь и стрелять,
не ведал, что миру стоять и стоять!

И каждый из сербов подумал тогда:
«Погибну, но мир устоит навсегда!
И лишь поднимать мне не следует рук...»

«О, батька! Я чувю: смыкается круг!»

Страдает Триглав, подперев небеса:
куда же девались детей голоса?

Окончен урок... Для тебя же, сынок,
Он лишь начинается, этот урок!

Как-то шел я давним полем,
сам в себе укрывшись немо.
Поле стихло, словно лебедь,
что за лето отлюбил.
Не заметил, как залпыл я
в голубую заводь неба.
В васильковой теме неба
все дышало голубым.

Думал я, что в каждом сердце
есть сомненье, радость, горе,
есть прошедшие столетья
и грядущий полдень наш.
Думал я: вот отыскать бы
на учебной карте город,
чтоб имел он тихий, мягкий,
акварельный антураж.

Думал: есть святое право
отдохнуть от гроз столетья
всем, на той войне хлебнувшим
горя горького с лихвой.
Думал: нам за всех досталось,
так пускай хоть наши дети
не услышат воя смерти
над своею головою.

Но ведь если зарастают
все страданья и обиды,
то уже не помнят внуки
всех прославленных имен,
и тогда для них могилы—
просто каменные плиты,
просто символы минувших,
полусказочных времен.

Ты меня, мой сын, сегодня
за урок прости жестокий.
Ты почувствовал, каков он,
памяти тяжелый меч?
Дело не в долгах, конечно.
Да и где он, счет тот строгий?
Должники и кредиторы—
не о них сегодня речь.

Но ведь память...
Есть же память!
Никуда тебе не деться.
Не умчаться к дальним звездам
на фотонном корабле.
Память веры.

Память рода.
Память знамени и сердца.
Лишь по памяти всем людям
воздается на земле!

У

Встал, красавец. Те же джинсы.
Те же волосы до плеч.

Только, вижу, появилось
что-то новое в глазах.
Стали медленней движенья и раздумчивее речь.
Покачнулись боль и радость на невидимых весах.

— Понимаешь...—Он легонько по плечу провел рукою
и по-взрослому открыто заглянул в мое лицо.—
Я впервые это понял... Как же схожи мы с тобой!
И подумалось нам вместе:
«Дерево и... деревцо».

Он волос моих коснулся
и промолвил: «Седина...»
И слова его как будто возле сердца пронеслись:
— Как же долго шел к тебе я!

Разделяла нас война.
На твои лишь именины в... Крагуеваце сошлись.

Не дрожи: я не сломаюсь. Я пошел давно уж в рост.
Не стели помягче сена ты мне под ноги, отец.
Одному дай постоять мне у фанерных этих звезд,
чтобы все величье жизни мне открылось наконец.

Пусть ударит в крылья ветер. Пусть мороз лицо сечет.
Ты не прячь меня от бури и от боли не таи.
Пусть почувствую, как в жилах кровь отцовская течет,
под грядущий день подставив плечи хрупкие свои.

Я тебя узнал впервые лишь сегодня... Ты прости!
И себя, как бы очнувшись, я впервые узнаю.
Так пронзительно и ново у меня щемит в груди.
То не я ли триста первым... в Крагуеваце стою?

— Не надо, сынок. Я не хотел этого. Мне страшно.

— Не бойся, то Память при свете свечи.
Ты слышишь, как стонут зловеще сычи?

О шорох! О шелест поломанных крыл!
То тени печально встают из могил.
Шевелится грунт... Разверзается твердь...
Все триста встают, превозмогшие смерть!

(Схоронили без оркестра.
Пульса смертный перестук...
Ах, маэстро. О маэстро!
Да, маэстро, дайте ж звук!!!)

Все триста шагают у звезд на виду,
и я с ними вместе сквозь вечность иду.

Учитель пророчески поднял звонок:
«Кто с нами на страшный, последний урок?»

И души ребячьим—сквозь вечный гранит,
я с ними, и сердце о камень гремит.

И все, как тогда... Не во сне, наяву...

— Сынок! Это ветер сгребает листву...

— Нет-нет, это Кениг, палач и садист!
Он знает: последний кончается диск.

И тело предсмертно сжимает мундир,
и триста выходят в пронзительный мир.

А память гремит над сплетеньем дорог:
«Ты помни записанный кровью урок!»

А память свистит ураганом в ушах:
«Последний их шаг—это первый твой шаг!»
Пусть Кениг свое отстрелял до конца—
на всех палачу не хватило свинца,
но что, если кто-то, взглядевшись во тьму,
отстрелянный диск поменяет ему?»

— Как все связано друг с другом,
как все спаяно сурово!
Сын, ты должен твердо помнить,
где начала, где концы.
Если кенги в Сантьяго
автоматы взяли снова,
то в Обуховке от боли
стонут ночью мертвецы.

— Да, все связано на свете
безыскусственно и мудро,
миг и вечность на ладони
нераздельные лежат...
И когда «фантом» на джунгли
вновь в пике заходит круто,
то у нас, как в сорок первом,
в окнах стекла дребезжат!

А память гремит над сплетеньем дорог:
«Ты помни записанный кровью урок!»

А память свистит ураганом в ушах:
«Последний их шаг—это первый твой шаг!»

— Я слышу, как времени мчится поток...
Спасибо, отец, за великий урок!

— Я знаю, что я теперь не одиноко...
Спасибо тебе за науку, сынок!

Маршруты бессмертия

Владислав ЯНЕЛИС. Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ. Специальные корреспонденты «Смены»

Голубые ленты

Сааремаа

История острова Сааремаа — это история его борьбы. Ни на одном другом острове или территории размерами, близкими к Сааремаа, нет такого количества памятников сурового военного прошлого. Об этом прошлом рассказывают руины рыцарских замков, двухметровой толщины стены которых не раз противостояли огню и ядрам неприятеля. Об этом прошлом свидетельствуют железобетонные противотанковые надолбы на полуострове Сырве (часть Сааремаа), километры ржавой колючей проволоки и пехотных траншей, обелиски, вставшие над братскими могилами советских воинов. Тех, кто сначала защищал, а потом штурмовал остров во время последней войны.

На протяжении целого тысячелетия не было ни одного поколения сааремаасцев, которое бы прожило свой век спокойно, без борьбы с неприятелем. Тевтонцы, шведские и норвежские пираты, папские наемники, захватчики всех мастей, пытались покорить остров, сжигали целые селения, сотнями истребляли его жителей. Но шли годы, и новая волна народных восстаний сбрасывала завоевателей туда, откуда они приходили, — в море.

Нам рассказывали, что в старые времена крестьяне прибрежных деревень ходили в церковь, пряча под одеждой топоры или тесаки на случай внезапного нападения неприятеля. С оружием не расставались в поле, в лесу, за праздничным столом, даже выходя в море за рыбой. Искусству владения саблей мальчишки учились раньше, чем грамоте.

Что же влекло хищников с крестом на плаще и мечом в руках на Сааремаа? Сказочные богатства? Нет, земля острова не щедрее любой другой земли прибалтов. Обилие рыбы возле скалистых берегов? Тоже нет. Порой за большим уловом сааремаасцы сами ходили в воды Швеции и Норвегии. Тогда что же?

«Владеющий Сааремаа владеет всеми землями эстов» — так говорили издавна. Остров, вытянувшийся почти на 100 километров с востока на запад, одним своим концом запирает Рижский залив, другим почти вплотную примыкает к матерiku. Словом, его географическое положение выгодно как в экономическом, так и в стратегическом отношении. Идеальный военный плацдарм, с которого можно высаживать десант в любую точку прибалтийского побережья, остров лежал на скрещении морских путей между Скандинавией, Европой и Россией.

Сколь бы грозной и кровавой ни была предшествующая история Сааремаа, ни один из ее отрезков по своему трагизму и мужеству не может быть сравним с годами Великой Отечественной войны. До сих пор численность населения острова ниже предвоенной, ибо тысячи сааремаасцев пали в борьбе с фашизмом или были насильно вывезены в Германию. До сих пор у края поросших травой окопов ржавеет колючая проволока, а местные жители находят в своих садах осколки снарядов, ружейные гильзы, клочья мундиров и солдатские фляги.

Земля и люди Сааремаа. Героическая земля, мужественные люди. Спокойные, рассудительные, очень трудолюбивые. Не так просто было заставить землю острова давать самые высокие урожаи зерновых в республике, добиться значительного увеличения поголовья скота по сравнению с довоенным периодом, создать заново местную промышленность, отстроить добротное жилье. Многие деревни не восстанавливали,

просто расчищали место неподалеку от пепелища и строили все сызнова. А погорелья обнесли колючей проволокой, пусть остаются скорбными памятниками.

5 октября 1944 года с острова Муху на Сааремаа высадились десант советских войск. Особый приказ Гитлера частям, оборонявшим Сааремаа, гласил: ни шагу назад, за отступление — расстрел на месте. Фашистское командование прекрасно понимало, что с потерей острова оказывается не защищенной с моря Курляндская группировка — 30 дивизий, запертых советскими войсками между Тукумом и Лиепайей. Но 10 тысяч солдат, которых своим приказом Гитлер фактически обрекал на смерть, не смогли остановить наступление частей 8-го эстонского корпуса и 131-й стрелковой дивизии.

Некоторые из тех, кто освобождал остров от фашистских захватчиков, живут и здравствуют здесь поныне. Они ловят рыбу, водят машины, руководят районными предприятиями и организациями. Трудно сказать, как часто они вспоминают о минувшей войне: жизнь их полна сегодняшними заботами и проблемами. Тут и работа, и внуки, и хозяйство, и общественные обязанности. Надо успевать за временем. Но несколько раз в год эти люди обязательно надевают ордена и выходят на улицу.

Бригадир рыболовецкой бригады становится в одну шеренгу с секретарем райкома партии, плотник и бухгалтер идут рядом с поэтом и трактористом. Всех, кто воевал, можно узнать по голубым лентам на лацканах пиджаков, на которых написано «Ветераны». Их объединяет нечто большее, чем просто людей, живущих на небольшом острове и знакомых друг с другом с детства. Их объединяет память о пережитом на войне, память о погибших товарищах.

В такие дни колонной ветеранов командует Яан Прийдович Тоомс — капитан в отставке, бывший командир роты первого десанта на Сааремаа. Этот человек прошел в рядах эстонского корпуса весь его славный путь от начала и до конца, прекрасно знает его историю, много лет подряд возглавляет районный совет ветеранов войны. Каждый школьник Кингисеппа обязательно ходил по местам боевой славы острова вместе с Яаном Прийдовичем, слушал его рассказы, прикасаясь сердцем к военному лихолетью.

Однажды, лазая по старым окопам, ребята раскопали проржавевшую «лимонку». Тоомс увидел это, когда граната была уже у кого-то в руках. Он выхватил ее у мальчика и побежал к ближайшей воронке. Все находившиеся рядом не сразу сообразили, что произошло. А когда поняли — даже дети оцепенели от ужаса.

Яан Прийдович, которому за шестьдесят, бежал, неловко прижав руки к груди, спотыкаясь о камни, — подальше от мальчишек. Солдат даже через 30 лет остается солдатом, несмотря на то, что у него большое сердце и седая голова. И, добжевав до воронки, он прыгнул в нее, больно ударившись коленями о камни, накрыл гранату своим телом... По счастью, граната не взорвалась.

Он сам никогда не рассказывает об этом случае, я узнал о нем от других. Это в порядке вещей: люди, прошедшие войну, не раз смотревшие смерти в лицо, вспоминая о минувшем, почти никогда не говорят о себе. О других — пожалуй ста. Или говорят «мы».

В первой шеренге по традиции идет Юханнес Труу.

20 ноября 1944 года одна из рот корпуса под командованием Труу внезапным броском взяла деревушку Лоубелу, вернее, то, что от нее осталось, — несколько обгоревших срубов, дзоты и вражеский КП. Отправив раненых в медсанбат, Юханнес распо-

рядился, чтобы рота продолжала движение, а сам пошел искать дом, где он родился и вырос, из которого в 1941 году добровольно ушел в Красную Армию. Юханнес узнал место, где стоял дом, но не нашел его самого. Он постоял на пепелище, в куче золы обнаружил игрушечный паровозик, который смастерил ему из жести отец еще задолго до того, как Юханнес увидел настоящие паровозы. Он уже собрался уходить, как вдруг гитлеровцы открыли по деревне огонь из минометов. Один из осколков попал Юханнесу в лицо. Еще тогда, во время войны, врачи говорили, что он не сможет работать из-за страшных головных болей. Но прошли годы, Юханнес научился перебарывать боль и работает по сей день.

Никто из этих людей, уже прошедших тысячи километров войны и наконец ступивших на землю родного острова, не прижимался к ней во время артобстрела плотнее обычного, не искал укрытия, если надо было встать во весь рост и идти вперед. Они дрались за свой остров так же, как дрались за Великие Луки и Ленинград, Новосokolники и Нарву.

За пять дней советские войска освободили почти всю территорию Сааремаа и подошли к основанию полуострова Сырве — узкого, длинного аппендикса, протянувшегося к Курляндии и очень незначительного по площади. Он как раз и играл роль задвижки, запирающей Рижский залив. Чтобы взять Сырве, понадобилось полтора месяца. Сорок пять дней непрерывных сражений с врагом, цеплявшимся за каждый метр земли. Три линии обороны, бетонные бронеколпаки, противотанковые надолбы, рвы с водой, минные поля, ямы-ловушки — таким был Сырве осенью сорок четвертого.

9 мая я видел в Тухумарди нескольких пожилых женщин в черных, траурных платках. Мужья их погибли на Сырве, в нескольких километрах от своего дома. Сержант В. Ыун как-то ночью забрал к своим, обнял близких, сказал: «Теперь уж недолго, война кончается». Через неделю Ыун лежал в старой воронке с разрывной пулей в ноге и расстреливал в наседавших гитлеровцев последние патроны. А рядом лежали два его мертвых товарища.

Сырве начинается с Тухумарди. Спросите у любого школьника: что такое Тухумарди? Никто не скажет, что это поселок, хотя поселок с таким названием есть. Скажут следующее: «Тухумарди — это там, где был сильный бой», «В Тухумарди наши фашистам здорово дали» или «В Тухумарди погиб мой дед». Ответы дословные. Взрослые на этот же вопрос отвечают: «Отсюда началось самое трудное за всю войну», «Хорошие ребята здесь остались», «Место, где все тебя возвращает обратно к войне».

Сейчас здесь шумят молодые сосны, море лижет белый мелкий ракушечник и гортанно кричат чайки, издавна выбравшие каменистый берег местом своего гнездовья. Высокий берег венчает монумент Славы — меч, рукоятка которого упирается в землю. В нескольких десятках метров от него, у самого шоссе, в строгой симметрии стоят 90 камней. На каждом по две фамилии. Русские и эстонские, казахские и украинские... Фамилии героев, отдавших жизни за свободу острова Сааремаа.

Сейчас только двое из людей, живущих на острове, могут рассказать о том, что произошло в Тухумарди 8 октября 1944 года: Оскар Инт и Алас Эймар.

Старший сержант в отставке Оскар Ионович Инт вспоминает:

— Около девяти часов вечера наш отряд выбил гитлеровцев из Тухумарди. Мы начали закрепляться на перекрестке дорог. В это время со сто-

роны Кингисеппа послышался рев моторов. Тогда мы не знали, что это двигалась большая колонна немцев, откатывавшаяся под ударами частей эстонского корпуса. Гитлеровцы оказались зажатыми между нашим отрядом, основными силами корпуса и частями 131-й дивизии. Они были уверены, что «впереди войск значительно меньше, чем за их спиной, и ночью атаковали наши позиции».

Мы расстреливали их самоходные орудия и машины с предельно малой дистанции, закидывали гранатами, потом схватились в рукопашную. Нет ничего страшнее ночного рукопашного боя. Когда в ход идут саперные лопатки и ножи, руки и зубы. Никто из нас не мог потом припомнить, что он делал в то или иное мгновение, все перемешалось: скрежет железа, хрипы людей, выстрелы. Мы отдали этому бою все свои силы и выстояли, несмотря на то, что гитлеровцев было почти втрое больше.

Тухумарди — это героическое прошлое, которое навсегда останется в истории. Этот подвиг, свершенный однажды, десятилетиями воспитывает патриотизм в тех, кто приходит на смену поколению, победившему фашизм. У монумента Славы в Тухумарди октября становятся пионерами, пионеры — комсомольцами. Здесь вручают путевку в рабочую жизнь юношам и девушкам. Отсюда уходят в армию будущие воины, сюда они возвращаются после того, как выполнят свой гражданский долг.

Мы видели там молодых механизаторов района, открывших свой слет у монумента, пограничников, принимавших воинскую присягу. Тухумарди — рубеж, с которого в жизни молодежи острова начинается созидательный этап, рубеж, по одну сторону которого остается детство, по другую — начинается гражданская зрелость. Присягнув на верность делу отцов, дети равняют свои дела по их подвигу. Значит, подвигу от 8 октября 1944 года суждено продолжаться в 1976-м, 1980-м, 2000 годах...

В один из дней нашего пребывания на Сааремаа мы вместе с первым секретарем Кингисеппского райкома партии Юри Хиндриковичем Суурхансом поехали по Сырве. Поехали той же дорогой, по которой осенью 1944 года прошел помкомвзвода 921-го стрелкового полка Юри Суурханс. Через каждые 300—400 метров Суурханс останавливал машину и тихим шагом брел по песчаному откосу или тропе, усыпанной жухлой, прошлогодней листвой; курил, задумчиво разглядывал землю под ногами, словно отыскивал на ней одному ему известные приметы. В эти минуты он весь был в своем прошлом.

Время не освобождает воспоминания от эмоций. И что бы потом ни говорили о каком-либо событии, для самих его участников оно остается во всей своей обнаженной и потому страшной простоте.

— Полуостров Сырве был в 1944 году единственной территорией Эстонии, все еще оккупированной врагом. К тому же многие из нас, и я в их числе, родились здесь. До родного дома полчаса ходьбы. А там бесконечно близкие люди, которых не видел три с лишним года. Там твое детство. И там враг. Было видно, как горит земля, которую ты исходил вдоль и поперек. И вот теперь надо драться за эту землю, за речку, на которой рыбачил, за пригорок, где собирал землянику. Драться и умереть, если это понадобится.

Слева от нас наступали части 131-й дивизии. В редкие часы затишья мы учили русских ребят петь эстонские песни, обещали после боя сварить для них настоящего домашнего пива. Ведь у нас ни одна семья не обходится без пива — своего, сваренного по рецептам дедов и прадедов. Тогда я еще не знал, что мой дом гитлеровцы

сожгли, а родителей увезли в Германию.

Через несколько дней непрерывных боев мы прорвали первую линию обороны. Из 28 солдат моего взвода в строю осталось 6. Перед штурмом второй линии войска, освобождавшие остров, получили пополнение, нам на помощь пришли «катюши», танки, тяжелая артиллерия. Вторую линию гитлеровцы укрепили еще сильнее, использовали оборонительный рубеж, оставшийся от 1941 года, — противотанковые надолбы, перерезающие полуостров от берега к берегу.

Помните, мы останавливались у перелеска? Его взяли вечером, а на следующий день гитлеровцы попытались нас оттуда выбить. Они не подзревали, что там остался один наш взвод, и два часа обстреливали крохотный перелесок из минометов. Потом мы отбили несколько их контратак, но гитлеровцам все же удалось отрезать нас от своих, и мы четыре дня держали этот перелесок. Никто из нас даже в мыслях не допускал отдать его врагу, пусть даже на два-три часа. Скорее мы погибли бы там все до одного.

За день до полного освобождения острова пал смертью храбрых командир нашего батальона капитан Рублев. Он похоронен в братской могиле героев Сааремаа на территории замка Курессааре. Перед последними боями, 19 ноября, меня приняли в партию. На следующий день я дрался с врагом уже коммунистом.

Это была одна из самых трудных схваток. Вот здесь, по одну сторону дороги, лежали мы, по другую — гитлеровцы. Мы забрасывали их гранатами, они отвечали тем же, пока гранаты не кончились у нас и у них. А потом мы рванулись через дорогу и схватились с немцами в рукопашную. У меня тогда уже не осталось патронов, и драться пришлось штыком... Тех, кто не сдался, мы уничтожили.

...Остановившись возле одной из братских могил и постояв молча несколько минут, Суурханс сказал: «Монументы — только холодные камни, если они не согреты нашей памятью...»

Согреты памятью.

24 ноября 1944 года Москва салютовала освободителям Сааремаа двадцатью артиллерийскими залпами. Это был салют в честь еще одной победы. И в честь павших. Салют Победы и Памяти. Говорите об этом своим детям, когда они вместе с вами в праздники смотрят на расцветенные огнями небо. Пусть знают: каждый залп знаменует не только великую победу, каждый залп — наша память о погибших героях.

Пионерская дружина Кингисеппской школы-десятилетки со дня своего образования носит имя Героя Советского Союза Владимира Деева. В комнате боевой славы рядом с дневниками Деева и письмами его матери мы видели стенд, рассказывающий об отличной учебе пионеров и их помощи подшефным колхозам во время уборки. Эта помощь выражалась в сотнях тонн картофеля и зерновых, собранных руками школьников, в десятках голов скота, выкормленных шефами, и многих других трудовых делах пионерии.

В кабинете секретаря райкома комсомола, сына ветерана войны Тьну Киппака мы видели альбомы-рапорты комсомольских организаций района к годовщине освобождения Сааремаа от фашистских захватчиков: столько-то добыто сверхпланового доломита, столько-то осужено гектаров земли, столько-то отремонтировано сельскохозяйственных машин, столько-то выловлено рыбы. Каждый год — отдельный рапорт. Летопись трудовой славы, продолжающая боевую летопись отцов.

Тепло нашей памяти.

ВСЕ БЫЛО СОВСЕМ НЕ ТАК

В будущем году в издательстве «Советский писатель» выходит первая большая книжка Владимира Зимы — сборник рассказов.

...Охотник, за которым гонятся волки, на лыжах спешит к зимовью. Его напарник, полный решимости выручить друга, выскакивает навстречу с ружьем, но разбухшие гильзы застревают в патроннике, и он в отчаянии бросается обратно в избушку, захлопывает дверь... Виноват ли? Не виноват?

Потом он станет здесь и там рассказывать, как все произошло, и его будут жалеть, но все-таки скажут: а знаешь, парень, ехал бы ты отсюда (рассказ «Двое в тундре»).

Сюжет для рассказов Владимира Зимы, пожалуй, типичный. Что же в его основе — роковое ли стечение обстоятельств, сопротивление которому бесполезно? Или драматическая ситуация, выйти из которой с честью сможет лишь человек незаурядного характера и высокого душевного склада?

Пусть молодому писателю и самому еще предстоит разобраться в тех нелегких уроках, которые порою дает нам жизнь. Однако уже сейчас видно, что в основе его творчества лежит отмеченный глубиной и мужеством нравственный поиск.

В. Зима нынче живет во Владимире. А несколько лет перед этим работал на Севере, был механиком и радистом, и то, что с первого взгляда в его рассказах может показаться полярной экзотикой, на самом деле является достоверностью.

Вот ситуация из другого рассказа: на крошечном аэродроме закончивший зимовку полярник сам неделю утюжит на бульдозере взлетную полосу — ждет самолет. Радист говорит об этом пилоту, и тот усмехается: торопятся люди! Сам он однажды ждал полгода...

Это деталь, которую нельзя выдумать (рассказ «Меня домчат к тебе»). Начальное знание жизни у Владимира Зимы есть. Есть у него и горячее стремление молодости понять мир. Остальное покажет будущее.

Во имя этого писательского будущего сердечно хочется пожелать Владимиру Зиме трудолюбия и упорства.

Юрий СБИТНЕВ

1

...Просыпаться в шесть утра, и сразу — к морю!..

Ближайшей дорогой, через дыру в полуразвалившемся заборе, под кустом, стряхивающим за шиворот крупные капли росы; затем вприпрыжку по кривому переулку, обрывающемуся у береговой кромки; на ходу сбрасывать рубашку, джинсы и сандалии, бежать по мелководью навстречу серовато-зеленым барашкам волн, споткнувшись, окунуться с головой и бежать, бежать, а потом идти к глубине, чтобы нырнуть до самого дна, распугивая шустрых крабов и осторожных крупноголовых бычков.

А после блаженно растянуться на влажном хрустящем песке, и чтобы легкий ветерок сдувал с плеч песчинки, и чтобы кричали чайки, а море с медлительным ласковым плеском подкатывало к ногам.

Часов в девять сходить позавтракать и снова — на пляж.

Загорать, пить кислое красное вино, закусывать жирными чебуреками с твердой коричневой корочкой, под которой таится прозрачный сок, — и ни о чем не думать, только дышать, дышать душой и телом, каждой клеткой, каждой молекулой...

Этот распорядок был детально разработан задолго до отпуска, и первые две недели Жорняк неутомительно соблюдал его, искренне надеясь на то, что это может продолжаться если даже и не весь отпуск, то уж по меньшей мере половину — за два месяца тоже можно отдохнуть.

Что нужно северянину? Витамины — раз, ультрафиолет — два, ну, и развлечения материковские, само собой...

Например, Жорняк любил ходить на базар. Была у него давняя мечта — слетать на недельку в Хиву, Бухару или Самарканд, поглядеть, какие же они, эти прославленные азиатские базары. Жаль, не было там приличного моря. А Жорняк еще и в море любил купаться, да чтобы вода была теплой.

2

Разогретый асфальт мягко плавился под ногами. Прохожих на улицах почти не было, и казалось, что весь этот тихий крымский городок уснул в нестерпимо жаркий послеполуденный час. Во дворах спали куры. Медленно катился по пыльной дороге разомлевший на солнце велосипедист. На огромной базарной площади дремали старухи, не успевшие сбить свой нехитрый товар.

В первые дни отпуска Жорняку нравилось приходить на базар рано утром, когда здесь заливили горланили связанные попарно петушки, визжали поросята и негромко блеяли застенчивые овцы с грустными глазами. Горы всякой снеди возвышались на прилавках, не верилось, что маленький городок может истребить за один только день такую прорву всякой еды: рыба, еще влажная и шевелящая хвостами, опрысканная водой молодая зелень, помидоры, картошка, сметана, дымящиеся бараньи внутренности, обязательные на каждом базаре пирожки с ливером, молодое вино, малосольные огурчики, — и среди мяса и овощей вдруг несообразный здесь прилавок с аккуратно разложенными брошюрками и книгами, от которых исходил незаметный запах прошедших веков: «Пособие для лиц, желающих укрепить свое здоровье», «Живой труп», соч. гр. Л. Толстого», «Самоучитель игры на гавайской гитаре»...

Рядом перекрикивались торговки, а за этим прилавком стоял выцветший старичок в соломенной шляпе с обломанными полями и курил папиросы «Гильза № 5», набитые душистым самосадом.

Жорняк постоял возле прилавка, но ничего не купил. Ему было приятно на несколько минут перенестись в девятнадцатый век, иронично улыбнуться наивным уловкам книгоиздателей, снабжавших книги броскими — по тем временам — обложками; и вместе с ревом проносившегося над головой реактивного самолета Жорняк возвращался в свой деловитый и привычный двадцатый век.

— До начала аттракциона «Бесстрашный рейс» осталось пятнадцать минут! — неожиданно громко прокричал динамик. — Приобретайте билеты! Артисты-спортсмены демонстрируют высший класс езды на мотоцикле... Мотогонки по вертикальной стене! Круг смерти! Особо опасный номер!..

Жорняку было весело, с самого утра пришло прекрасное расположение духа, он вдруг заметил удивительное сходство между веком нынешним и веком минувшим — всего лишь разницы, что зазывала кричит не в рупор, а в микрофон.

Обернувшись, Жорняк увидел в углу базарной площади, там, где длинные деревянные прилавки сменялись пыльными, выкрашенными в унылую зеленую краску госторговскими ларьками, черный цилиндр высотой метров в пять, накрытый брезентовым тентом, и рядом с ним автобус, снизу доверху заклеенный афишами.

— До начала аттракциона осталось десять минут!

Динамик был установлен на крыше автобуса, касса помещалась в том месте, где положено сидеть водителю.

Красно-синие афиши вещали аршинными буквами:

МОСАТТРАКЦИОН
БЕССТРАШНЫЕ МОТОГОНЩИКИ
АЛЬБЕРТ И СЕРГЕЙ АМЕТИСТОВЫ

Жорняк пригляделся. С афиши улыбалось усатое лицо Сереги Коновалова. Амелистов!.. Ну, надо же!

Жорняк за полтинник купил билет и по шаткой лесенке поднялся на самый верх деревянной бочки. Под тентом уже стояло десятка три отдыхающих. Внизу, на микроскопической арене, какой-то парень в синем комбинезоне проверял мотор мотоцикла. Мотор чихал, выбрасывая из выхлопных труб длинные языки дымного пламени, и вскоре под тентом жарко запахло касторовым маслом.

И вышел Сергей.

3

Таким я тебя еще не видел.

Ты выходишь на трек в блестящем голубом комбинезоне и ярко-красных сапогах. Должно быть, жарко в них по нынешней-то погоде... А раскланиваешься ты умело и в седло садишься.

Публика, конечно, не знает, что колеса твоего хитрого мотоцикла стоят под углом в двадцать два градуса одно к другому: так можно запросто выйти на трек и с трека — на стенку. Я помню, ты когда-то рассказывал, что самое трудное — это выйти на стенку. Кататься по ней уже проще. Держать скорость 42—45 километров в час — это каждый гонщик сможет, к тому же карбюратор твоей машины отрегулирован точно на такую подачу — можно ездить даже без рук.

Выйти на стенку и потом сойти с нее — в этом весь аттракцион. Но знают это немногие.

Номер у тебя опасный, уж это без дураков. И контролер на входе отбирает

билеты не из принципа и не для того, чтобы тут же пустить их в оборот. Все понятно — техника безопасности. С цветами сюда тоже не пускают. А тот верзила, который прогуливается за спинами зрителей, — твой телохранитель. В прямом смысле. Охраняет тебя, когда ты гоняешь по стенке, следит, чтобы никто не перегибался через бортик. Упадёт шляпа, да что там шляпа — клочок бумаги или цветок, — и от тебя костей не соберут.

Но ты не разобьёшься. Ездишь ты классно. Эффекта ради в правой рукоятке вмонтирован сектор опережения зажигания, и на самом вершине, у красной черты, под упруго натянутыми штрафтросами, ты переводишь мотоцикл на снижение, а из выхлопных труб летят в изумленные лица два дымных шлейфа, пахнущих гарью и кастором, длинные языки темно-красного пламени отбрасывают от бортика крикливых женщин и мужчин, которые послабее.

Ага, ты закрепляешь демпфер! Сейчас будет езда без рук? Точно... Что дальше? Ну, как же, трюк века!.. Черный платок!

Публика догадывается, что платок прозрачный, но ей в эту минуту очень хочется верить, что ты и в самом деле такой смелый, такой мужественный... Но ты сдергиваешь платок после одного круга, это не по правилам, этого мало! На миг лицо твоё обнаружило растерянность. Что-нибудь случилось? Возьми себя в руки. Вот так, ты уже улыбаешься. Артист-спортсмен!..

Улыбаюсь и я. Кажется, ты это заметил. Во время минутного перерыва ты всматривался в мое лицо. Вспоминай, вспоминай!..

Ты, наверное, смелый парень, Сергей. Спортсмен-мотогонщик Сергей Аметистов. Тот Серега, Коновалов, однажды струсил, но об этом знаем только мы с тобой.

Ты помнишь? Ты обязательно должен помнить тот день, ведь это было в последнюю неделю твоей работы на Севере. Вспомнил?

Да, это было в апреле прошлого года. На озеро Портнягино вышли тогда два санно-тракторных поезда...

4

Улыбаются... У всех морды вытягиваются, хотя и пытаются сделать вид, что им все равно, а этот откровенно смеется.

Конечно, узнал вас, товарищ Жорняк! Отдыхать изволите?.. А мы вас, выходит, развлекаем. За ваши деньги. Мы шуты, паяцы, заводные обезьяны на треке. Получайте за ваш полтинник острые ощущения!

Он улыбается, он слишком много знает про стенку. Он до сих пор думает, что я трус. Мне, в общем, все равно, что там он обо мне думает. Он не старший механик, а я не бульдозерист. Я здесь работаю, он отдыхает.

А самому-то, небось, на стенку выйти слабо?..

Смейся, смейся!

Но ведь не так все там было, не так...

5

Тот апрель.

Над Хатангой, укутанной морозным покрывалом ледяного тумана, в предрасветной мгле сердито фыркали моторы мощных тракторов. На берегу широкой Хатанги-реки, у рыбкооповских складов, суетились кладовщики и грузчики, укладывали в деревянные короба на полозьях рогожные мешки с солью. Один из коробов был отведен под балок, в нем топились печка-буржуйка, из тонкой кривой трубы поднимался сверху густой белый дым.

А санно-тракторный поезд службы связи выстроился неподалеку от аэропортового гаража — три зеленых домика и два короба с антенным хозяйством. Рыбкооп задумал расширить промысел на озере Портнягино. Чтобы рыбу без помех можно было вывозить самолетами, следовало оборудовать радиопривод, сделать там временный аэродром.

Выезд был намечен на восемь утра, но после назначенного срока прошло уже сорок минут, а команды трогаться все еще не поступало. Как это бывает, перед самым выездом отвалился крюк на одном из домиков. Пока звали сварщика, да пока он брызгал во все стороны искрами, да пока искали запропастившегося тракториста Шамарькина, а он, оказывается, в одном из домиков преспокойно спал...

Из рыбкоопа позвонили, позвали к телефону Жорняка.

— Там, где заканчивается порядок, начинается авиация, — густо пробасил в трубку рыбкооповский механик Падалко. — Мы, в общем, будем трогать помаленьку...

— Не держу! — в сердцах сказал Жорняк и бросил трубку.

Лишь в половине десятого Жорняк проверил все связи саней и скомандовал зычно, по-армейски:

— По машинам!..

Головной трактор вел Серега Коновалов. Искоса поглядывая на сидящего рядом Жорняка, раздосадованного, не выпускающего изо рта папиросу, Сергей изредка поддакивал, когда старший механик на чем свет стоит проклинал рыбкооповских деятелей, поторопившихся выйти на лед.

Особого значения это не имело — кому идти первым, но Жорняка в то злосчастное утро раздражала любая мелочь, а напоминание о беспорядке в авиации просто вывело из себя. Договаривались ведь, что прокладывать путь будут более мощные аэропортовые тракторы, значит, так и должно быть.

Вырвавшись вперед, рыбкооповцы показали, что у них в гараже порядок, и получалось, что шарашкина контора — у летчиков.

Аэропортовый поезд должен был идти первым... И техника мощнее, и люди опытные, почти все со стажем в пять, а то и десять лет.

Жорняк громко объяснял Сереге преимущества их санно-тракторного поезда перед рыбкооповским, все больше распаляясь, хотя и он и Серега понимали, что рыбакам спокойнее идти впереди. Прокладывать путь — звучит красиво, а дело само по себе несложное. И если с передним поездом что-нибудь случится, догнавшие аэропортовые тракторы всегда смогут подсобить, выручить. У Жорняка даже рация есть, в случае чего он может вызвать поддержку из поселка. А если останутся рыбаки, то могут и сутки пройти и двое, пока спохватятся...

Тракторы медленно проползли в обход поселка и спустились к реке. Ветром уже успело примести широкие следы гусениц рыбкооповского поезда.

— Врубай четвертую! — приказал Жорняк, когда под гусеницами закрипел полудюймовый лед реки. — Ну, ты видел? Какие шустрые! Удрали... Еще не раз попросят помощи, вот увидишь. Да только я им — шиш! Проволочки не дам! И ты не давай.

— Я что? Я, как скажете, — с готовностью откликнулся Сергей.

Жорняку нравилась в Сергее эта армейская покладистость — как старшие скажут, так и надо. А вообще веселый парень, говорил, что раньше работал циркачом, на мотоцикле по вертикальной стене гонял.

6

Ты сошел со стенки удачно. Это тебе сейчас аплодируют и толстяк в новой шляпе из синтетической соломки и девушка с расширенными от изумления глазами. Девушкам ты всегда нравился, баловали тебя поварики в нашей столовой, ох, как баловали...

Ты раскланиваешься и уходишь. Вместо тебя будет работать Альберт Аметистов. Интересно, это в самом деле такая фамилия у него или псевдоним? Может быть, по паспорту он никакой не Альберт, а, скажем, Мыкола Нечипуренко?..

7

Жорняк не давал ни минуты отдыха, гнал санно-тракторный поезд вперед. В тот день так и не пообедали, а ужинать пришлось на ходу, не бросая рычагов управления.

Когда уже смеркалось, настигли колонну рыбкоопа и лихо обошли ее сбоку. Жорняк даже не притормозил.

На ночьле остановились вблизи показавшегося невысоким холма, замеченного снегом. Это начинались горы Бырранга.

Утром пошли на штурм перевала.

Склон, припорошенный слежавшимся снегом, казался пологим, и Жорняк, понадеявшись на свои тракторы, на широкие их болотные гусеницы, решил брать перевал в лоб. Однако машины зарывались в снег, юзили, сползая боком, будто на коньках, едва не переворачивались, а вперед не шли ни на метр.

Отчаянно ругаясь, Жорняк сам сел на рычаги головного трактора, заставлял механиков подкладывать под гусеницы наспех вырубленные слуги из карликовых лиственниц, но слуги проваливались в снег, с хрустом ломались и крошились корявые лесины, тракторы под грузом саней разворачивало боком, угрожающе заносило в сторону, а связи саней сползали вниз, до самой мерзлоты пропахивая снег.

Посовещались. Решили каждую связку саней перетаскивать двумя тракторами. Головной трактор отогнали в сторону, второй и третий впрягли в связку. Жорняк сел в кабину и повел маленькую колонну на перевал.

Волей-неволей Серега Коновалов из самого активного участника перехода превратился в стороннего наблюдателя. Чтобы не терять времени зря, он развернул свою связку, поставил сани поперек склона — так удобнее будет цеплять. Чтобы колючий ветер со снегом не задувал в кабину, Серега заткнул щель в полу обрывком ветоши, прислонился к теплему радиатору отопителя и закурил, рассеянно поглядывая в окно. Трактористы и радиотехники, оставшиеся внизу, тоже покуривали, собравшись тесной кучкой у чадного костерка. Серега хотел подойти к компании, да лень было вылезать на мороз.

Внизу, чуть правее того места, где прошла аэропортовая колонна, показались трактора рыбкооповского поезда.

— Поглядим, как рыбаки попляшут... У них самый мощный — С-100, нашим С-180 не чета... Куда конь с копытом...

Усмехаясь, Коновалов бессознательно повторял интонации Жорняка и так же похлопывал замерзающей ладонью по бедру.

Трактора рыбкоопа выбрали дорогу на перевал в том месте, где было круче всего, но снегу там намело меньше. Конечно, был риск скатиться вниз, напрямик на лед, однако если подумать... Им бы, конечно, трактора помощней...

Рыбкооповская колонна остановилась метрах в двадцати правее Коновалова, затем первый трактор осторожно, будто ощупывая гусеницами мерзлоту, полез на крутой склон. Натянулись, сверкнув под оловянным солнцем, стальные нити тросов. Под напором мешков с солью выгнулась дощатая стенка короба. Из выхлопной трубы трактора часто полетели сиреневатые колечки — мотор тянул на пределе. На почтительном расстоянии, опасаясь ненадежных на морозе тросов, медленно шли за первой связкой саней рыбкооповские механики. Вдруг трактор забуксовал, начал медленно сползать по склону, едва цепляясь гусеницами за окаменевшую землю. Одна из блестящих ниток стального троса взвилась вверх и с размаха хлопнула по деревянному коробу, в щепки разнесла крышу.

— Ого-о! — сказал себе Коновалов, высовываясь из кабины по пояс.

Трактор рыбкоопа медленно сползал. Короба кренились в сторону реки.

К Коновалову бежал, проваливаясь по пояс в снег, кто-то из рыбкооповских.

— Друг, выручай! — прокричал, запыхавшись от бега.

Серега молчал, парень умоляюще глядел на него снизу:

— Давай, подгоняй к связке! Сейчас все к такой маме...

— У вас же свои трактора есть, — вспомнил Сергей строгий наказ Жорняка не давать и проволочки.

— Да ведь в связках они, приварены! Ну?!..

Рыбкооповский трактор все дальше съезжал по крутому склону, тяжелая связка снаряженных саней тащила его назад, медленно, пидь за пядью, выволакивала на отвесный берег, разворачивала поперек склона...

— А ну, пусти в кабину! — закричал рыбкооповец и поставил ногу на каток.

Затем, будто спохватившись, метнулся к прицепу, выдернул чеку, державшую сани, и снова полез в кабину.

Сергей встретил его на гусенице, покачивая в руке молоток. Крепкая коричневая рукоятка маслянисто поблескивала на солнце.

— Ты что? — прокричал, срывая голос, рыбкооповец.

— Отойди!

В эту минуту рыбкооповский короб занесло в сторону, и сила заноса была так велика, что развернула трактор С-100, ровные его гусеницы заскользили, будто салазки на ледяной горе. В последний момент трактористу удалось затормозить одну и дать полный ход другой, могучая машина, качнувшись, застыла, но усилие на тросу оказалось чрезмерным, он лопнул, и связка саней понеслась задним ходом к обрыву.

— Бе-ре-ги-и-сь! — разнеслось по реке.

Набирая скорость, деревянный короб подпрыгнул на крутом откосе, соскользнул на лед, накренился и неуклюже рухнул, вываливая наружу рыжие мешки окаменевшей на морозе соли. Второй короб из той же связки врезался в лед торцом, лед треснул, и половина короба оказалась в воде, с каждой минутой продолжая проваливаться глубже... Сверху теперь торчала лишь погнутая двутавровая балка крепления саней.

Коновалов со злостью швырнул молоток в ящик, достал сигареты и закурил, едва унимая дрожь в руках. Сердце колотилось часто и сильно.

Из-за перевала показались аэропортовые трактора. За рычагами передней машины сидел Жорняк. Затормозив рядом с трактором, Жорняк спрыгнул в снег, нетерпеливо махнул рукой, подзывая к себе Коновалова. Сергей торопливо подбежал к старшему механику.

— Что там у них? — спросил Жорняк.

— Троса полетели. Чуть трактор не угробили. Два короба разбились.
— Что ж нас не подождали?— усмехнулся Жорняк.— Мы там дорогу разведать—асфальт!
— Гад он!—негромко сказал рыбокопонец.—Я хотел трактор взять, так он на меня с молотком...
Жорняк зло сощурился, посмотрел на Коновалова.
— Да я бы все равно не успел,—сказал Сергей.
— Можно было успеть,—твердо сказал рыбокопонец.
— А говорил: «Я по вертикальной стене!»—Жорняк презрительно сплюнул в снег.—Кишка тонка?!
— Если вы такой смелый, идите на лед,—сказал Сергей, отворачиваясь от Жорняка.
— Я пойду, но и ты со мной! Понял? Полезай в кабину! А если провалимся, под лед тебя загоню, хоть трое суток нырять будешь, а трактор достанешь!
— Не имеете права!
— Лезь в кабину, падла!—не в силах больше сдержаться, прокричал Жорняк и сам прыгнул на гусеницу.
Парнишка рыбокоповский тоже полез на трактор.
— Станешь на крюк!—приказал ему Жорняк.—И трос отмотай!
Коновалов, подумав, тоже стал на подножку, где был укреплен крюк.
— В кабине дрейфишь?—прокричал ему Жорняк, трогая трактор с места и круто направляя к реке.

8

Сергея сел рядом со мной, точнее, не рядом, а у самой дверцы, готовый каждую секунду прыгнуть на лед. Я уже не злился на него, осталась какая-то брезгливая жалость, и все. Мы шли по льду, я надеялся только на ширину болотных гусениц и молился, чтобы не попала промоина. Бывают и в тундровых реках клочки, лед над ними тонкий, олень провалится, а тут С-180, такая громадина... Парнишке рыбокоповскому я крикнул, чтобы он бежал к коробам, зачаливал трос. Того будто ветром сдуло с крюка. У разбитого короба по щиколотки в воде суетились люди, вытаскивали рогожные кули и на спинах тащили их к берегу. Я вел медленно, но руку с сектора подачи топлива не снимал, думал, успею рвануть вперед, если что. Серега притих, глядел вниз в сторону, под гусеницу. Трещины, наверно, высматривал.

— Держи рычаги!—крикнул я ему и полез на ступеньку, вроде бы лед посмотреть.

Когда я снова плюхнулся на сиденье, Серега отодвинулся, опять уступая мне.

— Давай, рули!—прикрикнул я на него.—Трепло.

И тогда он разозлился. Не знаю, на меня или на себя, но разозлился. Между трактором и затонувшим коробом на глазах увеличивалась полоса темного, набухшего от воды снега. Кое-где поверх снега уже начинала поблескивать чистая вода. Трос был коротковат, приходилось идти к самой полынье, зачаливать на ходу, потому что останавливаться нельзя было ни на секунду.

— Сбавь газ,—приказал я.—Зачалить не успеют.

Серега уже занес было руку над сектором газа, но поглядел под гусеницы—там уже хлопала вода—и отвел руку.

— Не наша вода, от короба набежала,—сказал ему я.

Тогда он убавил газ.

Двое рыбокоповских механиков тянули свой трос наперерез трактору.

— Крюк без чеки!—спохватился Серега.—Чека! На берегу.

Он полез в ящик с инструментами и достал оттуда толстую монтировку.

Подождав, пока я ему кивну, спрыгнул на лед и побежал к рыбокоповцам, схватил трос, потащил к трактору и на ходу закрепил его. На воду под ногами он уже не обращал внимания.

Потом он остановился. Лед прогнулся и трещал, но Серега достал сигареты и прикурил. Не знаю, с чего это он... Может, прошел первый страх? Первый страх, он ведь самый страшный...

9

Закончив выступление, Сергей ушел с трека в крохотную подсобку, где два механика ремонтировали разбитый автомобиль. На прошлой неделе Сергей пробовал вывести эту машину на стенку, но сорвался, и теперь там работы много—выгибать раму, полностью заменять мотор, заново тянуть электрооборудование...

Автомобиль лежал на боку, подставив людям гнутую раму и покореженное днище. Между стеной и днищем оставалось место лишь для механиков. Сергей потолкался у них минуту и вышел на улицу. Заметил, как в калитку просунулась голова Жорняка.

— Серега!—позвал Жорняк.—Привет!

— Здравствуй, Михалыч! Заходи, гостем будешь,—ответил Сергей, но особой радости в голосе не прозвучало.

Жорняк это почувствовал и усмехнулся.

— Не надоело по стенке гонять?

— Пока что нет...

Они стояли друг против друга—один в легкой тенниске и сандалиях на босу ногу, другой в полном артистическом облачении—и молчали. Другими они не были, общих воспоминаний не находилось, а их теперешние пути настолько разошлись, что говорить было не о чем.

— На Север не тянет?

— Бывает. Иногда.

— По стенке легче, чем по тундре?

— Да как сказать? Веселей.

— М-да...—вздыхнул Жорняк.—У нас начальник аэропорта теперь новый.

Сергей промолчал, потому что прежнего начальника не знал. Раза два видел на улице и на собрании однажды, в президиуме, но имени-отчества не помнил.

— До начала аттракциона «Бесстрашный рейс» осталось пятнадцать минут!—проверещал прямо над ухом Жорняка динамик, и он понял, что пора уходить.

— Как белка в колесе, без передышки?—с сочувствием спросил он Сергея.

— У нас финансовый план,—поморщился Сергей.

— Понятно. У всех план. Ну, бывай!..

Пожал протянутую руку и зашагал к выходу.

10

Жорняк еще целую неделю жил в том городке, но на базар уже не ходил. А потом он купил билет на самолет и улетел к друзьям в Ленинград, удивляясь, как живут люди в этой жаре...

РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!

Опять звучат знакомые звонки... Только теперь все будет так непохоже на обычные школьные дни: впервые авторучку и карандаш на следующем уроке сменят штангенциркуль или швейная игла — смотря по профессии, которую выбрал. Впервые — заводская проходная, за которой время измеряется уже не сорокапятиминутными уроками, а рабочими сменами.

«Первые годы вашей трудовой биографии — ответственный жизненный экзамен.

Будут и радости и огорчения. Но рядом с вами трудятся ваши старшие товарищи, замечательные наставники.

Они всегда помогут принять правильное решение, окружают заботой и вниманием, вооружают вас опытом

старших поколений, передадут благородное стремление самоотверженно трудиться на благо нашей любимой Родины», — эти слова

Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева относятся не только к участникам слета выпускников средних школ Костромской области,

изъявившим желание работать в сельскохозяйственном производстве, но и ко всем вчерашним школьникам, впервые пришедшим на заводы, фабрики, стройки и в рабочие аудитории профтехучилищ.

Сотни тысяч юношей и девушек пришли в эти сентябрьские дни в классы и мастерские профессионально-технических училищ.

«Смена» предлагает читателям несколько материалов, рассказывающих о том, как складывается путь молодежи в рабочие.

Уроки жизни

ИЗ

Борис ЖУРАВЛЕВ,
мастер производственного обучения
ПТУ № 90 г. Ленинграда,
Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета СССР,
делегат XXV съезда КПСС

Надежда МАКСИМОВА,
намотчица ленинградского
научно-производственного
объединения «Позитрон»,
депутат Верховного Совета СССР

В РАБО

Б. ЖУРАВЛЕВ. Мы с тобой, Надя, всегда рядом сидим в зале заседаний Верховного Совета СССР и в Ленинграде часто встречаемся, и потому мне казалось, что я знаю о тебе всё. А сегодня вдруг подумал: знать-то знаю, да все какие-то отдельные факты, а о главном — как ты пришла в рабочие и достигла такого высокого общественного и профессионального признания — ты никогда не рассказывала.

Н. МАКСИМОВА. Не рассказывала, потому что жизнь моя обычная... Да и путь мой рабочий ничем не отличается от пути миллионов юношей и девушек — окончила восьмилетку, пошла в ПТУ № 1 у нас на Выборгской стороне, получила хорошую специальность, работаю... Вот и все.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Нет уж, ты не скромничай, а расскажи лучше все по порядку, потому что у некоторых молодых ребят может возникнуть неверное представление о жизни: вон, мол, как все легко и просто. А ведь, согласись, чтобы заслужить такое высокое звание, как депутат Верховного Совета СССР, нужно нечто большее, чем просто хорошо трудиться...

Н. МАКСИМОВА. Конечно, в 26 лет носить такое звание особенно почетно, но только ничего необычного я в этом не вижу. В нашей стране молодых депутатов, таких, как я, много, есть даже девушки-депутаты — я их лично знаю, — у которых биографии точь-в-точь как у меня: школа — ПТУ — производство. Например, вместе со мной в мандатной комиссии Совета Союза работают недавние выпускницы ПТУ Тамара Киселева, бригадир совхоза в Ленинградской области, и Надя Лапская, прядильщица камвольно-суконного комбината из Фрунзе. Они мои ровесницы, и я могу смело сказать, что для нас настоящей школой рабочей закалки и профессионального мастерства стала учеба в ПТУ.

Б. ЖУРАВЛЕВ. А кого готовило ПТУ, которое ты закончила?

Н. МАКСИМОВА. Там разные специальности были: и часовщицы, и наладчики оборудования, и фрезеровщицы, и намотчицы, и даже столяры. Мы с подругами из класса решили стать намотчицами.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Как родители отнеслись к твоему выбору?

Н. МАКСИМОВА. Нормально отнеслись. Они ведь сами всю жизнь проработали на заводе: отец — бригадиром валыцовщи-

ков, мама — оператором на печи. И, конечно, воспитывали нас, пятерых своих детей — трех сестер и двух братьев, — так, чтоб мы не были лентяями и пустомелями. Младший брат, Юрий, после армии закончил оптико-механический институт, а старший, Анатолий, работает шофером. Когда я окончила восемь классов и передо мной встал вопрос: что делать дальше? — он-то как раз и сказал: «Знаешь, Надежда, институт от тебя никуда не уйдет. Учиться, конечно, надо обязательно, но сначала лучше встать твердо на ноги. А потому, чтобы не терять времени, иди-ка ты лучше в ПТУ, приобретешь специальность, поработаешь, а как убедишься, что специальность это твоя, тогда по ее профилю и пойдешь учиться». Вот так я и встала в ряды рабочего класса Ленинграда.

Б. ЖУРАВЛЕВ. И нравится тебе твоя профессия?

Н. МАКСИМОВА. Я теперь и не мыслю о какой-то другой работе...

Б. ЖУРАВЛЕВ. Это, по-моему, самое важное: быть на своем месте в жизни, заниматься делом, которое нравится, которое у тебя получается. Важно это не только для одной тебя, а для всего нашего общества в целом. И в том, что ты стала человеком профессионально окрепшим, жизненно более зрелым, бесспорная заслуга ПТУ. Я, между прочим, считаю, что и для меня ремесленное училище было чем-то вроде университета жизни. Мне не пришлось испытывать каких-то колебаний при выборе профессии. Потому что нам, вступившим в рабочую жизнь 30 лет назад, было тогда все предельно ясно и понятно. Время было трудное: только кончилась война, страна начинала подниматься из руин, восстанавливала фабрики, заводы, отстраивала города. Мы, подростки, пережившие войну, понимали: строить — самая важная, самая главная задача. Ну, а раз главная, значит, решать ее должен и я. В 1946 году закончил восьмилетку и сразу поступил в Рыбинское ремесленное училище. Проучился два года, получил специальность строителя и пошел работать на одну из основных в те годы строек — Рыбинскую ГЭС. Работал, а вечерами ходил в школу рабочей молодежи.

Н. МАКСИМОВА. Я тоже, учась в ПТУ, окончила вечернюю школу рабочей молодежи. Это дало мне возможность «скономить» два года: я и специальность получила и аттестат зрелости одновременно.

ШКОЛЬНОГО

ще — Геннадий Иванович Степанов. Он был молодым мастером и, помню, первую неделю все к нам присматривался, изучал. И очень скоро мы почувствовали, что наш мастер, как говорится, «свой». Ничего от него не скрывали, не стеснялись поделиться своим сокровенным, потому что знали, что он поймет и подскажет, как сделать или поступить лучше.

А как он работу свою знал! Мне кажется, не было такого дела, которое оказалось бы ему не по плечу. Он, кстати, тоже до училища на заводе работал, как и вы. И мне хочется поэтому спросить вас, Борис Александрович, как это вы, такой известный человек, высшей квалификации рабочий, да еще с такой дефицитной профессией — арматурщик-электросварщик, пришли к мысли перейти работать в ПТУ?

Б. ЖУРАВЛЕВ. Что и говорить, передумал я много, прежде чем решился на этот шаг. Ведь завод имени 40-летия комсомола был для меня не просто местом работы. Как-никак, здесь меня в партию принимали, здесь в 1966 году получил звание Героя Социалистического Труда. Были люди, которые упорно отговаривали: куда ты, мол, идешь, зачем? Почему же я все-таки решился на это? Во-первых, мне давно нравилось наше базовое ПТУ. Я часто бывал в нем, выступал перед учащимися, знал лично многих мастеров, преподавателей. Во-вторых, когда первые выпускники училища стали приходить на наш завод, я невольно сравнивал их с теми, которых мы обучали прямо на рабочем месте. Нетрудно было заметить — выпускники ПТУ быстрее осваиваются в цехе, больше знают и лучше разбираются в машинах, чем те, кто со школьной скамьи пришел на завод. Я и подумал: как бы хорошо я лично ни работал, но если я подготовлю хотя бы десять молодых ребят, передам им свои знания и они будут отлично работать, пользы от меня заводу будет больше. Вот этот мотив, можно сказать, и привел меня в стены ПТУ.

Н. МАКСИМОВА. 15—16-летнему подростку приходится подчас преодолевать очень высокий психологический барьер, чтобы оказаться после восьмилетки в ПТУ, а не в девятом

в ПТУ». Вот в таком духе эта мамаша чуть ли не с кулаками выговаривала мне за мою «агитацию».

Н. МАКСИМОВА. И что же, учится этот парень у вас?

Б. ЖУРАВЛЕВ. К сожалению, нет. Авторитет матери взял верх — не стал парень поступать в ПТУ. Вот почему я хочу подчеркнуть: надо проводить профориентацию не только среди ребят, но и среди родителей. А это подчас бывает гораздо сложнее. Поэтому мы теперь приглашаем не только выпускников школ, но и их родителей: приходите, смотрите, узнавайте, как учатся ребята. Многие ведь по старинке считают, что ПТУ — это то же самое, что раньше мы называли «ремеслухами». А ведь это совсем не так.

Н. МАКСИМОВА. Конечно, нынешние ПТУ скорее можно сравнить с техникумами или вузами прошлого десятилетия. Я недавно побывала в том ПТУ, в котором сама училась. Хотите верить, хотите нет, но я там ничего не узнала. Кабинеты, мастерские оборудованы по последнему слову техники. Автоматика, программирование, лингафонное оборудование... Такие технические новинки увидела, что даже не знаю, как они называются...

Б. ЖУРАВЛЕВ. Вот и наше училище: если посещают родители, походят, посмотрят, а потом за голову хватаются от восторга, что их дети в таких условиях учатся. А общежития... Наши учащиеся, например, живут в двенадцатиэтажной башне, в комнатах по три-четыре человека, на каждом этаже телевизор, прекрасная столовая. Так что сравнивать ремесленные с нынешними ПТУ бессмысленно.

Н. МАКСИМОВА. Знаете, Борис Александрович, о чем я иногда мечтаю? О том времени, когда в ПТУ будет такой же конкурс, как сейчас, к примеру, на филфак университета...

Б. ЖУРАВЛЕВ. Извини, Надя, но тут ты со своей мечтой малость запоздала. Последние два года примерно в двадцати

ЧИИ ЖЛАСС

Б. ЖУРАВЛЕВ. Это в каком году было?

Н. МАКСИМОВА. В 1966-м.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Значит, твой рабочий стаж уже десять лет... А у меня, считай, все тридцать. И двадцать из них связаны с Ленинградским заводом имени 40-летия комсомола. Его история началась в 50-е годы, когда в стране был взят курс на резкое увеличение темпов жилищного строительства. Намечено было построить в крупных городах современные заводы железобетонных изделий. Комсомольцы, как известно, всегда первыми откликнулись на призывы партии и правительства. И вот я, приехав после демобилизации в Ленинград, по путевке Смольнинского РК ВЛКСМ пришел на ударный объект на правом берегу Невы — строительство завода железобетонных изделий. Сначала освоил профессию бетонщика, потом электросварщика... Так и остался работать на заводе.

Н. МАКСИМОВА. А что вам, Борис Александрович, больше всего запомнилось о годах учебы в ремесленном?

Б. ЖУРАВЛЕВ. Больше всего? А вот, знаешь, до сих пор часто вспоминаю своего воспитателя...

Н. МАКСИМОВА. Наставника, значит, по-нынешнему?

Б. ЖУРАВЛЕВ. Можно, пожалуй, и так его назвать, хотя этого слова раньше в ходу не было. В 1946 году назначили в нашу группу воспитателем фронтовика одного — Кужлевкина Павла Демьяновича. Сколько лет прошло с тех пор, а я не забыл его и, естественно, теперь уж не забуду до конца дней своих. Звали мы его просто КПД — по первым буквам фамилии, имени и отчества. Человек он был очень большой — в войну получил тяжелое ранение. Мы, подростки, это знали: бывало, как зайдет кашлем, у нас прямо сердце разрывается, так нам его жалко. Однако, несмотря на слабое здоровье, был наш КПД очень энергичным, отдавал всего себя работе с нами. Вечером ложимся спать — Павел Демьянович еще у нас, утром просыпаемся — он уже тут, будто и не уходил домой. Очень много рассказывал нам о рабочей своей жизни, о войне. Был с нами ласков и в то же время строг необычайно, не терпел ни хулиганства, ни разгильдяйства. За эти качества мы его не просто уважали — любили безмерно.

Н. МАКСИМОВА. Вы сейчас, Борис Александрович, рассказывали о КПД, а мне вспомнился мой мастер в учили-

классе. И тут важная роль должна принадлежать профориентации. Мне кажется, Борис Александрович, в нашем городе эта работа сейчас ведется успешно. В Ленинграде и области создана широкая сеть координационных советов по профориентации. Наряду с ними большую работу ведут в этом направлении районные дома техники, общественность, укрепляются связи между школами и шефствующими предприятиями. Особое значение, на мой взгляд, в деле профориентации имеют учебно-производственные комбинаты для старшеклассников, создаваемые на крупных предприятиях. Функционирует — и еще как успешно! — такой комбинат и на нашем объединении «Позитрон». Это своеобразный «школьный завод». Я где-то прочитала, что сейчас у нас в стране около 40 тысяч профессий. Представляете, как непросто подростку разобраться и определить свое место в этом мире профессий! А на комбинате он имеет возможность непосредственно знакомиться по крайней мере с двадцатью из них. И право выбора понравившейся остается тоже за ним.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Все это так. Роль умной, целенаправленной работы по профориентации трудно переоценить. Жаль, что порой она сводится на нет непосредственным окружением. Иной раз на пути из школьного в рабочий класс у подростка возникает такое сложное «препятствие», как собственные родители. Какие бы усилия ни тратила школа и общественность на профориентацию, а родительское влияние и слово зачастую оказываются решающими.

Вообще это такой чувствительный, как нерв, вопрос, что стоит поговорить о нем подробнее. Вот вспоминается мне один случай. Проводил я с десятиклассниками подшефной нашего завода школы беседу: рассказывал им об училище, о профессиях, которым мы обучаем, о заводах, где работают наши выпускники. Ответил на многие вопросы. Через несколько дней приезжаю со своей группой на заводскую практику. У проходной подходит ко мне женщина. «Вы товарищ Журавлев?» — спрашивает чуть не плача. «Я, — говорю, — Журавлев». «А я мать одного школьника, который благодаря вам хочет испортить себе всю жизнь», — выпаливает она мне в лицо. «Не понимаю, — говорю я ей, — в каком это таком страшном грехе вы меня обвиняете?» Она продолжает: «Вы недавно проводили у них в классе беседу, и мой сын теперь хочет поступить в ваше училище. Я его целый год готовила в институт, устроила на подготовительные курсы, а вы все поломали. Он теперь твердит одно: «Мама, я поступаю

ленинградских училищах со средним образованием существует конкурс, и немалый — 2—4 человека на место.

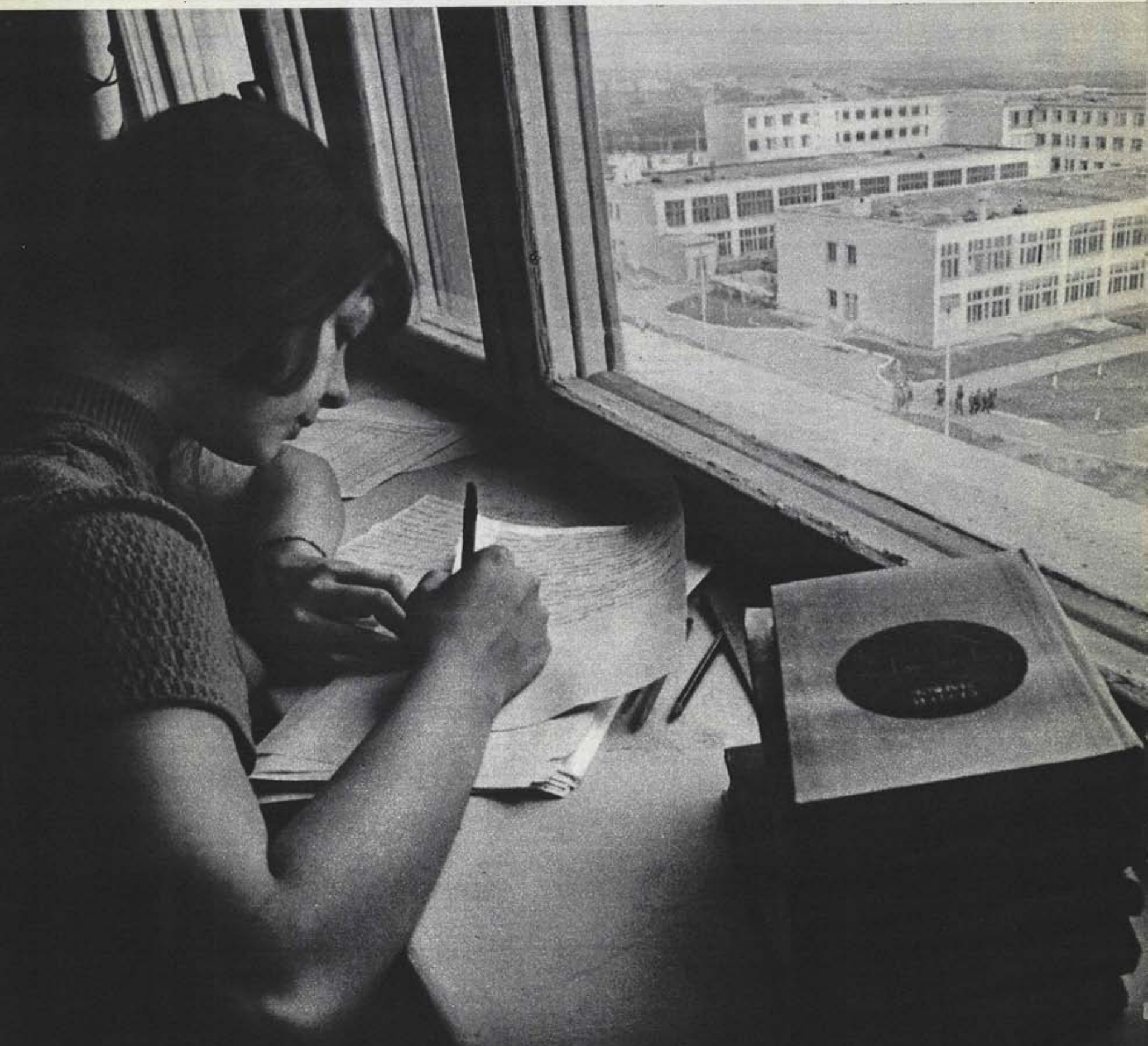
Н. МАКСИМОВА. Это, наверное, какие-то дефицитные профессии.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Да нет, самые обыкновенные: швейники, фрезеровщики, специалисты по радиоэлектронике... Так что, если говорить о престиже ПТУ среди молодежи, то он налицо. Но еще дороже будет цена рабочего диплома, если мы будем и дальше повышать мастерство наших учащихся. Смотри, за годы пятилетки в ряды ленинградского рабочего класса влились 250 тысяч выпускников ПТУ, и каждый четвертый из них пришел на производство с повышенным разрядом. Но в перспективе нам надо добиться, чтобы его имели все ребята, заканчивающие ПТУ. Задача эта вполне посильная.

Н. МАКСИМОВА. Посильная для тех, кто обучает. А для тех, кто учится? Думаю, что это зависит в первую очередь от самого учащегося. Я имею в виду его внутренний настрой — пришел ли он в ПТУ потому, что больше некуда было податься, или же он всей душой любит свою будущую профессию и хочет стать настоящим профессионалом. И если он вливает в себя как следует то, что дает ему училище — добротные теоретические знания и практические навыки, — он сразу после выпуска сможет работать на самых сложных участках. Здесь, в стенах ПТУ, для молодого человека все привлекательно: и новая, бурлящая атмосфера труда и учебы, и серьезные задания во время практических занятий, и возможность проявить свои способности в мире техники, искусства, спорта. Я, например, учась в ПТУ, в свободное время занималась плаванием в «Трудовых резервах». Ездил даже на всесоюзные соревнования на приз «Комсомолки» и выполнила норму мастера спорта СССР.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Да можно привести десятки примеров того, как пэтэушники, почувствовав в себе талант, становились потом и актерами, и учеными, и выдающимися спортсменами. Потому что ПТУ ни перед кем не закрывает дорогу к своему призванию.

Н. МАКСИМОВА. Борис Александрович, вот мы часто слышим, как говорят: актер — это призвание, писатель — тоже призвание, а разве не может быть призванием рабочая профессия?

Анатолий БАРАНОВ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА
Специальные корреспонденты «Смены»

ЦЕНТР НА ОКРА

УЧЕБНЫЕ ЛАБОРАТОРИИ ПОЗВОЛЯЮТ ПРОВОДИТЬ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ И ХИМИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ. В КАБИНЕТЕ СПЕЦИАЛЬНО ПОДГОТОВЛЕННЫЕ УЧАЩИЕСЯ ПОСТЫЛЮТ АЗЫ СВОЕЙ ПРОФЕССИИ.

НА УРОКАХ ЭСТЕТИКИ БУДУЩИЕ РАБОЧИЕ ВХОДЯТ В ПРЕКРАСНЫЙ МИР ИСКУССТВА.

Вот я и уезжаю, — грустно сказала Галя и впервые протянула строгому коменданту ладонь.

— Каникулы? — Комендант посмотрела на чемодан.

— Нет. Отпуск.

Каникулы — это нечто школьное, давнее, а она, Галина Степановна Вознюк из села Великая Клецька, Ровенской области, теперь дипломированный фрезеровщик, рабочий человек и, конечно же, едет не на какие-нибудь каникулы, а в самый настоящий отпуск, после которого ее ждет персональный станок на знаменитом харьковском заводе «Электротяжмаш» имени В. И. Ленина. Комендант поняла состояние девушки и, словно не заметив протянутой руки, крепко обняла Галю и отвернулась. Она была требовательна, порой даже сурова к своим беспокойным жильцам, но когда они вот так, навсегда покидали этот гудящий дом, ей иногда казалось, уезжают родные дети.

— Ты уж не забывай нас, Галя, заходи...

— Обязательно. Здесь же все свои, как дома, и я буду каждый день приходить, — искренне пообещала дипломированный фрезеровщик, но комендант знала, что в заводском общежитии у девушки появятся новые друзья, новые

МНЕ

ИЗ ШКОЛЬНОГО В РАБОЧИЙ КЛАСС

Начало на стр. 10.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Знаешь, Надя, на одном из заводов объединения «Баррикада» трудится Александр Федорович Тимофеев — один из лучших арматурщиков Ленинграда, наставник молодежи, охотно работающий с учащимися ПТУ. Наблюдать за ним во время работы — зрелище захватывающее. Это ас высшей марки, кудесник. Мои ребята, которые проходят у Тимофеева практику, иной раз просто любят его. И в этот момент мне всегда хочется сказать: смотрите, вот человек, который считает свой труд творчеством, а профессию арматурщика — делом своей жизни. Этот истинно и исконно рабочий человек по-настоящему счастлив.

Н. МАКСИМОВА. Я тоже испытала на себе влияние такого влюбленного в свою профессию человека — первой моей наставницы тети Веры Бирюзовой. Я ее иначе, как «тетя Вера», не называла. Помню, пришла на практику на завод, посадили меня на довольно-таки сложную операцию — мотать секции для конденсаторов. Обрадовалась я понемногу, а как приступила к работе — тут и началось... Смотрю, рядом женщины работают легко, будто играючи, а у меня ничего не получается, хоть плачь... Пришла домой — и брату: «Нет, не останусь я на этой работе».

интересы и заботы, и она, быть может, не скоро вспомнит о своем обещании, а уж выполнить его, наверное, и не подумает.

— Ну, ладно, беги, поздно уже, мне закрывать пора. — Голос ее снова был привычно сухой, голос, которого побаивались все девчонки, догадываясь, впрочем, что строгостью комендант только маскирует нежность и любовь, живущие в сердце. Но хватит ли его на девять этажей общежития, на пятьсот девчонок, оставшихся на время без матерей?

— Уезжают первые выпускники нашего центра, — тихо говорит Надежда Виценко. — Только три года существует наш комплекс, и мы еще не привыкли прощаться.

Надежде в отличие от коменданта по должности не надо скрывать свою любовь к учащимся. Удивительная у нее должность, благородная, но зачастую неблагодарная. Надо быть и педагогом, и судьей, и просто нянькой. Материнская работа! К ней бы приучать человека много лет, но ни один техник, ни один институт не готовит сейчас воспитателей. Не готовит, хотя только в общежитиях системы профтехобразования живет примерно два миллиона человек. Значит, нужны тысячи и тысячи воспитателей, знающих психологию подростков, умеющих по меньшей мере организовать их труд и досуг. Надя постигает секреты трудной профессии на практике и скорее всего интуитивно находит подход к каждой из ста своих воспитанниц. Наверное, ей в какой-то степени помогает знание тех проблем, которые волнуют девчонок. Она сама только два года назад окончила с отличием профтехучилище, получила профессию контролера ОТК и одновременно предложение директора ГПТУ-11 Михаила Тихоновича Матосова стать воспитателем в общежитии. Было страшно, но она согласилась: с детства мечтала о звании учителя. Правда, прежний страх поднимается в ее душе и сейчас, особенно когда молодой воспитательнице приходится разговаривать с родителями учащихся, решать вместе с ними сложные житейские вопросы. Но, судя по

Б. ЖУРАВЛЕВ. Поди, собиралась бросить учебу?

Н. МАКСИМОВА. Если честно — собиралась. Ну, а потом прикрепил меня к тете Вере. Подошла она, села на мое место и говорит: «Смотри». Я стою рядом, наблюдаю, а она «колдует» над моей секцией и все мне поясняет. И так она со мной нянчилась месяца полтора, каждое движение мое выправляла...

Б. ЖУРАВЛЕВ. На первых порах всегда так: умом все понимаешь, взял бы да и сделал, а руки-то еще не умеют. Тут, если подростка вовремя не поддержать, до разочарования один шаг. Бывает, даже окончившая училище, разочаровывается в своей профессии. Конечно, это уже недоработка мастеров и воспитателей ПТУ. Да и на заводе, случается, встретят так, что и не захочешь потом работать. Я как-то привел в цех группу десятиклассников, которые хотели в наше ПТУ поступать. А им кто-то из рабочих говорит: «Что ж вы, ребята, десять классов закончили — и на завод? Учились бы лучше...» Я думаю, такое мог сказать только человек, который свою профессию не любит и себя не уважает. Таких, к счастью, у нас единицы. Настоящий же рабочий, истинный мастер своего дела, получает удовлетворение не только тогда, когда сам создает полезную вещь, но и когда передает свое умение, свою влюбленность в профессию, свой драгоценный жизненный опыт ученикам.

Н. МАКСИМОВА. Но ведь для того, чтобы обучать других, надо быть не только хорошим знатоком своей профессии, но еще и воспитателем, педагогом.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Конечно, даже опытный производственник, сталкивающийся с ребятами, первое время испытывает неуверенность в общении с ними и ощущает отсутствие необходимых педагогических навыков, знаний. Но, я это по

случалось ему объяснять ученикам азы их профессии едва ли не на пальцах — не всегда училище имело такие станки, мастерские и кабинеты.

Алексей Силантьевич исчисляет свой рабочий стаж с начала создания системы профтехобразования. В сороковом году он поступил в ремесленное училище, с ним вместе эвакуировался на Урал, а уж там его, шестнадцатилетнего электрослесаря, назначили мастером. Он был моложе многих своих учеников, но они помнят его, до сих пор письма пишут. Мастером он и тогда был отменным. Не случайно же Егору одного из первых направили в только что освобожденный Харьков с особым заданием: готовить рабочие кадры для тракторного.

— Жили мы в землянках и бараках, учились чаще всего на рабочих местах, а продукция у нас была не учебная — фронтальная, — вспоминает Алексей Силантьевич. — Трудно было, но мы мечтали. Хотя самые отчаянные фантазеры не могли бы представить себе наш сегодняшний центр.

В день открытых дверей кабинеты и лаборатории ГПТУ-11 заполнили восьмиклассники харьковских школ. Я заглянул в кабинет спецтехнологии токарного дела, где заместитель директора по учебно-производственной работе Алексей Михайлович Комарцов рассказывал школьникам об училище, о жизни и учебе его воспитанников. А мальчишки во все глаза следили за «волшебной» указкой Комарцова. В ручку указки смонтированы кнопки, стоит нажать на одну из них — и медленно отъезжает в сторону классная доска, на другую — окна закрываются шторами и вспыхивает киноэкран или телевизор.

— У нас даже подсказывать нельзя, автоматика сразу выдает подсказчика, — улыбается Комарцов и тут же успокаивает гостей: — Зато ребята могут сами экзаменоваться друг друга с помощью установок для программированного обучения и сами же оценки выставляют.

— Пятерки! — слышится радостный голос.

— С пятёрками тяжелее, они повсюду трудом достаются.

себе знаю, если он горит желанием стать профессиональным мастером-наставником, обязательно станет. Это я к тому говорю, чтоб спросить тебя, Надя: а ты не думаешь переходить в ПТУ? Ведь у тебя и опыт есть и мастерство. Как, привлекает тебя педагогическая работа?

Н. МАКСИМОВА. Привлекает уже потому, что у меня у самой растут двое детей — Саша и Наташа. Очень хочется воспитать их настоящими гражданами... А с пэтушниками я часто встречаюсь у нас в цехе. Интересно с ними работать. Сразу вспоминаются свои первые шаги после училища. А когда что-нибудь объяснишь им, покажешь, как когда-то мне показывала тетя Вера, внутреннее удовлетворение получаешь от того, что ты что-то даешь людям.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Вот видишь, Надя, надо тебе переходить в ПТУ. Старшие товарищи поддержат тебя, я уверен, так же, как в свое время поддержали меня.

Н. МАКСИМОВА. Это очень серьезный шаг, Борис Александрович, и надо его серьезно обдумать. Но раз уж у нас зашел разговор о педагогике и вы меня энергично уговариваете переходить в ПТУ, я должна вас спросить: что для мастера важнее всего?

Б. ЖУРАВЛЕВ. Безусловно, авторитет.

Н. МАКСИМОВА. А как его заслужить, этот авторитет, если только пришел с завода? Вам, конечно, проще было, у вас на груди звезда Героя Социалистического Труда. Ваш авторитет у всех на виду...

Б. ЖУРАВЛЕВ. Тут ты не права, Надя. Ребята сейчас в ПТУ приходят грамотные и, как говорится, не дай бог, если они поймут, что мастер только «ля-ля-ля» может языком, что знаний у него недостаточно. Короче говоря, их просто так на

В каждом из кабинетов есть кино- и диапроекторы, телевизоры и магнитофоны. Среди учебных пособий — кино-тека и фонотека, большая коллекция слайдов с шедеврами мирового искусства и даже своя телестудия. Запланировано приобрести видеоматрицы. «Можно легко заметить, где ошибается учащийся, и быстро исправить эту ошибку», — пояснил Комарцов.

Дорогая эта штука — электроника и автоматика, но средства, вложенные в подготовку рабочего завтрашнего дня, конечно же, окупятся. И, кроме того, надо смотреть вперед. Например, юные токари и фрезеровщики в ГПТУ-11 учатся работать на станках самых последних моделей, такие еще не на всяком заводе увидишь, а газосварщики в ГПТУ-35 знакомятся со всеми видами сварки, начиная от классического электрода и кончая плазменной горелкой. Им предстоит работать еще и в будущем веке, и готовятся к этой работе они уже сегодня.

Почти двенадцать миллионов рублей вложили харьковские заводы в создание этого центра. И построили его быстро. Комсомольцы Орджоникидзевского района Харькова взяли шефство над центром еще на стадии проектных работ, а когда экскаватор вынул первый ковш грунта, на площадке появился яркий плакат: «Районная ударная комсомольская стройка». Штаб ударной проводил свои заседания чаще всего не в райкоме, а в вагончиках строителей. Комсомольцы следили и за выполнением графика строительства, и за своевременной поставкой материалов и оборудования. Так было до тех пор, пока в зданиях центра не зазвенели голоса новых хозяев.

Мне кажется, что именно такой устойчивости недостает многим комсомольским организациям, взявшим шефство над строительством профтехучилищ. А планы этого строительства из года в год не выполняются.

Вот уже третья пятилетка Министерство энергетики СССР ведет строительство профтехучилища в поселке Ширин Узбекской ССР. Училище должно готовить рабочих для Сырдарьинской ГЭС. Наверное, штаб строительства электро-

кривой не объедешь. А вот умением, знаниями, общей культурой, способностью разбираться во всех вопросах, которые их интересуют, авторитет можно заработать надежный. Но давить на ребят своим авторитетом, разговаривать с ними свысока, поучать, а не учить нельзя ни в коем случае. Это все я причисляю к запрещенным приемам воспитания. Вообще, Надя, должен тебе сказать, педагогика— великая вещь. Бывает, одного разговора, даже фразы, сказанной метко, достаточно, чтобы человек буквально переменялся. Вспоминаю первую свою группу. Там был парнишка, который и учиться не хотел, и с дисциплиной в ладах не состоял. Все ходил, хорохорился, считая свою плохую учебу чуть ли не доблестью: мол, проживу и без диплома... Бились мы с ним весь первый курс, и вот настало время экзамена по специальности. Пришли на завод, каждому дали задание. Тому парню выпало сварить простенький шов. Потел он, потел, кое-как выполнил работу и представляет ее комиссии. Председатель, кадровый рабочий, взял деталь, повертел ее в руках, чуть поднажал, шов и разошелся. И тогда он произнес фразу, которую я сам на всю жизнь запомнил: «Знаешь, парень, есть у нас в народе такая прибаутка: «Сбил, сколотил— есть колесо. Сел да поехал— эх, хорошо! Оглянулся назад— одни спицы лежат!» Смотрю, стоит мой парнишка, хлопает ресницами, а когда дошел до него смысл сказанного, покраснел аж до корней волос. Раньше не замечалось за ним такого. Тот случай стал для него уроком на всю жизнь. Не захотел парень быть подмастерем, взялся за ум, прямо вгрызлся в науку и кончил училище настоящим специалистом. Когда встречаюсь с ним, он всегда говорит: «Борис Александрович, я вас не подведу».

Н. МАКСИМОВА. В этом году порог ПТУ по стране переступают свыше 2 миллионов юношей и девушек. Это

кадры будущего, которые уже в десятой пятилетке придут на заводы, фабрики и стройки. Но народному хозяйству сегодня нужны не просто рабочие руки, а производственники совершенно нового типа, у которых, как сказал Леонид Ильич Брежнев на XVII съезде комсомола, «все гармоничнее сочетается физический и умственный труд».

Б. ЖУРАВЛЕВ. Такова диалектика нашего развития: уровень подготовки рабочих, специалистов становится все выше, требования— все строже. Диктуются они качественными изменениями, происходящими в науке, технике, переходе многих отраслей народного хозяйства на рельсы научно-технической революции. Развивающаяся в нашей стране сеть профтехучилищ, позволяющих подростку получить одновременно специальность и общее среднее образование, как раз и отвечает этим требованиям. Средних ПТУ сейчас насчитывается примерно 1400. Занимается в них около полумиллиона юношей и девушек. Приятно отметить, что зачинателем в этом большом и важном деле был Ленинград. Начинали мы так: еще шесть лет назад аттестат зрелости в дневном ПТУ мог получить лишь каждый восьмой учащийся, а сегодня уже девять выпускников из десяти имеют среднее образование вместе с рабочей специальностью. Такой курс нашей системы профтехобразования представляется наиболее перспективным, да он уже и оправдал себя.

Н. МАКСИМОВА. Не случайно некоторые ПТУ уже называют «рабочей академией».

Б. ЖУРАВЛЕВ. Совершенно верно. Многие ПТУ дают выпускникам фундаментальные знания. Потому-то за последние годы и вырос неизмеримо престиж рабочего диплома. Сейчас ПТУ страны предоставляют молодым людям на выбор 1100 профессий. Правда, выделить среди них одну единственную, которая станет твоей на всю жизнь, бывает

порой очень сложно. Ошибка здесь— не двойка в дневнике, а чуть ли не жизненная катастрофа.

Н. МАКСИМОВА. К сожалению, некоторые школьники слова поэта: «...все работы хороши, выбирай на вкус»— истолковывают слишком буквально. Я знаю одну девушку, которая до умопомрачения любит кино. Она много читает, может без запинки назвать фамилии режиссера или актеров того или иного фильма, сама играет в драмкружке, короче, спит и видит себя звездой экрана. Надо сказать, девушка эта не без способностей, и все же— я это знаю точно— она до конца не уверена, стоит ли ей поступать в институт кинематографии.

Б. ЖУРАВЛЕВ. Сомнения при выборе профессии— это не так плохо. Спор с самим собой, как известно, подчас и рождает истину. Советы старших, конечно, тоже важны. Но лучше, мне кажется, если окончательное решение человек примет сам, осознанно взвесив свои силы, возможности, способности... Знаешь, Надя, я в детстве мечтал стать моряком. А стал вот рабочим. И нынешние юноши и девушки мечтают о дальних странствиях, строят дерзкие планы, стремятся к яркой, необыкновенной судьбе. Что ж, это понятно: молодым свойственна романтика. И я хочу напомнить им слова замечательного нашего писателя Алексея Максимовича Горького: «Именно в труде и только в труде велик человек, и чем горячее его любовь к труду, тем более величествен сам он, тем продуктивнее, красивее его работа». Хотелось бы, чтобы все, что стоит перед поиском своего призвания, прониклось пониманием того, что главное содержание человеческой жизни— труд.

Диалог записал
Борис ДАНОШЕВСКИЙ.

станции мог бы взять шефство и над такой стройкой, как ПТУ.

Пятый год строится профтехучилище для московской городской телефонной сети. За эти годы здесь освоено всего четырнадцать процентов сметной стоимости. При таких темпах московским телефонистам придется ожидать молодого пополнения еще лет двадцать. А ведь комсомолыцы «Главмоспромстроя» известны своей боевитостью, но вот почему-то выпустили из виду такую важную стройку.

Довелось мне однажды услышать новый строительный термин— «нерапортоемкий объект». Не к таким ли объектам принадлежит ПТУ?

К сожалению, список «замороженных» ПТУ не поместится даже на этой полосе, хотя строить мы умеем и строим много. В девятой пятилетке введено в строй в три раза больше профтехучилищ, чем за три предыдущие, а в десятой предстоит сделать вдвое больше, чем в прошлой. Наверно, все объекты ПТУ комсомольские организации должны взять под жесткий контроль, так, как это сделали харьковчане.

При строительстве Харьковского центра профтехобразования только за счет сети коммуникаций, обслуживающих сразу все училища, были сэкономлены большие средства. Их достаточно для строительства спортивного комплекса. И он скоро поднимется на месте оврага, отделяющего центр от города. Спортивный комплекс, надо надеяться, в какой-то степени свяжет не только берега оврага, но и четыре училища, расположенные в одном месте. Пока же у них, кроме столовой, коммуникаций и территории, общими являются только проблемы. Училища, принадлежащие разным предприятиям, и живут порозному. У каждого свои планы, свои заботы.

— Хорошо одиннадцатому,— вздохнул директор ГПТУ-35 Иван Федосеевич Глушко.— Оно родилось вместе с тракторным, существует с тридцатого года. У них и база, у них и кадры. И сюда они переехали, как добрая семья переезжает в новую, более просторную квартиру, а мы приехали, как молодожены. В

пустую комнату, все пришлось начинать с нуля.

Нет, в тридцать пятом база ничуть не хуже, чем у соседей, и кабинеты оборудованы на том же уровне, а мастерской, где обучаются будущие газосварщики, может позавидовать иное предприятие. Тяжелее, конечно, с кадрами мастеров. Все-таки далеко вато находится этот центр от центра города, и нечем соблазнить хорошего специалиста, если есть у него интересная работа рядом с домом.

— Конечно, далеко ездить сюда,— посетовал мастер ГПТУ-11 Игорь Прокофьевич Пантюхов.— Особенно трудно тем, кто живет в Салтовском микрорайоне— харьковских Черемушках. Им с двумя пересадками добираться приходится. Но как бросишь училище, если за двадцать лет прикипел к нему намертво?

В новых училищах мастера, естественно, прикипеть не успели.

— Нам хотя бы один жилой дом рядом, и мы бы сразу решили половину своих проблем,— размышлял вслух директор ГПТУ-17 Николай Иванович Овсиенко.

— Честно говоря, мне иногда неудобно делать выговоры преподавателям за опоздание,— сознался директор ГПТУ-15 Петр Николаевич Васильев.— Но приходится, мы ведь начинаем работать, как и большинство харьковских предприятий, в восемь часов утра. А перед этим, как и положено, учащиеся занимаются зарядкой, убирают свои комнаты, завтракают. В общем, городок наш просыпается рано. Такой распорядок дня, одобренный, кстати, самими учащимися,— это еще один штрих в деле подготовки будущего рабочего: жизнь по заводскому расписанию.

В восемь утра в мастерской электрослесарей уже звенела дрель, сверкали лужи воды на полу— ребята накануне отъезда наводили порядок в мастерской, заканчивали, сооружение оригинального шкафа-автомата для хранения инструментов. Мастер Пантюхов о чем-то шептался с белоголовым парнемком.

— Думаем с комсоргом о подарках ребятам, чей день рождения приходится на время каникул,— пояснил он.— Мы обычно такие события отмечаем всей группой, иногда даже концерт для именинника устраиваем. А тут ребятам не повезло, без нас отмечать такое событие будут. Ну что, Володя?

— Может быть, электроплитку?
— Правильно. Пусть помнит, как зимой соорудил камин и чуть пожар в общежитии не устроил. Что это за электрик, если он технику безопасности нарушает! Ну, теперь уж не забудет, что к чему. А Николаю давай бритву подарим.

— Бритву?!
— Ему скоро понадобится. Приедет он домой, вытащит бритву, пожужжит немножко, и все сразу поймут— мужчины.

— Тогда и я себе бритву куплю.
— Ладно. Только о подарках до поры до времени не распространяйся.

Пантюхов любит ребят, переживает их неудачи во время экзаменов, хлопочет возле них, а вот разговаривает с воспитанниками всегда как с равными. Это, по признанию Игоря, «школа Алексея Силантьевича Егожи», которую прошел не один он. Правда, Игорю некогда казалось, что мастер только его выделяет из всех сверстников. Наверное, так теперь кажется и многим ученикам Пантюхова, хотя он порой не скрывает своего отношения к воспитанникам: «Не люблю сонных трихонь и тех, у кого руки неправильно приделаны, и еще таких, кому все безразлично: и грубо сработанная деталь и двойка в дневнике. Стараясь научить ребят изяществу в работе. Человек, любящий свою профессию, не сможет выполнить работу как придется. Влюбленный всегда талантлив».

Сам Игорь Пантюхов, несомненно, влюблен в дело, которому себя посвятил.

— Пантюхова, Мищенко, Поддубного и многих других наших лучших мастеров привел в училище Алексей Силантьевич,— говорит Матосов.— По его рекомендации я любого приму, не задумываясь. Он чувствует в человеке талант мастера, как счетчик Гейгера отмечает наличие самой малой дозы радиации.

Таких бы старших мастеров каждому нашему училищу.

Михаила Тимофеевича Матосова заботят дела не только собственного училища, но и всего центра в целом. По его мнению, четырех хороших соседей может объединять нечто большее, чем жилплощадь. И другие директора понимают, что новому содержанию требуются иные формы. Они представляют свое будущее в виде своеобразного объединения по типу возникших в промышленности. Это позволит улучшить медицинское обслуживание учащихся и эксплуатацию тех же общих коммуникаций, разрешит проблему транспорта и материально-технического снабжения, можно будет на новой основе вести и основную работу— подготовку рабочей смены. К примеру, зачем в каждом училище создавать мастерские газосварщиков, если на подготовке рабочих этих профессий будет специализироваться ГПТУ-35, которое могло бы часть своих выпускников направить на тракторный или станкостроительный завод, а ГПТУ-17 готовило бы наладчиков не только для подшипникового...

Харьковский центр профтехобразования, по сути дела, является экспериментальным, но, быть может, следует утвердить этот статус официально. Со всеми вытекающими отсюда последствиями, связанными в первую очередь с изменением штатного расписания, утверждением единого руководства и единой кадровой политики четырех училищ.

И нужно как можно скорее изучить трехлетний опыт работы центра, потому что на ошибках учиться можно, но повторять их не следует. А возможность их повторения реальна: харьковский первенец заинтересовал многих. И это не просто дань моде— у таких центров больше возможностей для плодотворной работы, для специализации и кооперации, для удовлетворения нужд базовых предприятий в самых необходимых специалистах. Не случайно же Харьковский обком партии принял недавно постановление о строительстве еще одиннадцати комплексов, в одном из которых будет пять или больше профтехучилищ. Важно, чтобы этот комплекс был

КАЖДЫЙ УЧАЩИЙСЯ ДОЛЖЕН ПОСАДИТЬ И ВЫРАСТИТЬ СВОЕ ДЕРЕВО.

В ОБЩЕЖИТИЯХ СОЗДАНЫ ВСЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ И ОТДЫХА.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ ПО СВОЕМУ ОБОРУДОВАНИЮ НЕ УСТУПАЮТ САМЫМ СОВРЕМЕННЫМ ЦЕХАМ.

БОКСЕРСКИЙ ЗАЛ ЦЕНТРА — ЛУЧШИЙ В ХАРЬКОВЕ.

не пятерней, а сжатым кулаком, способным пробиться в будущее.

О Харьковском центре профтехобразования говорят сейчас не только специалисты. У здания, где расположена приемная комиссия ГПТУ-35 (кстати, у каждого училища сейчас своя приемная комиссия), я встретил группу девушек, приехавших в Харьков из разных концов страны.

Таня МИРОНОВА (Донецк). «Напротив моего дома тоже есть профтехучилище, но здесь учиться интереснее».

Лидия ЭРГУБАЕВА (Йошкар-Ола). «Услышала об этом центре по радио. Приехала, чтобы стать электриком».

Нина ВАВУЛА (Бобруйск). «Если уж учиться в ПТУ, так в хорошем».

Аня АБКАИРОВА (Ташкент). «Посмотрела по телевидению, как здесь живут мои сверстники, и решилась».

В общем, желающих учиться в профтехучилищах Харьковского центра хватает, но, провожая своих воспитанников на каникулы, Пантюхов все-таки сказал (и скорее всерьез, чем в шутку): «Каждый из вас должен привезти с собой одного-двух товарищей. Вам же вместе

и учиться веселее будет». Среднее профтехучилище так же, как и средняя школа, хочет воспитывать молодого человека с помощью родителей. А попробуйте прибегнуть к этой помощи, если семья вашего ученика находится на другом краю страны!

— Поэтому мы и отдаем столько сил и внимания профессиональной ориентации местных школьников, — говорит Матосов. — И с каждым годом к нам приходит все больше и больше харьковчан.

Долго не гаснет вечерняя заря, только бледнеет, медленно скатывается к горизонту, продолжаясь в новом дне, и через час-полтора вновь обнимаются зори. Ночи короче воробьиного клюва. Сладко пахнут травы, деревья и созревающие хлеба. Падает на землю неожиданный гул реактивного лайнера, и через мгновение снова слышится голос зорьки, она захлебывается от счастья, провожая одну зарю и встречая другую. И ее песня не кажется удивительной в центре нового городка из бетона, стекла и стали, выросшего на окраине Харькова.

МОЛОДЫЕ МУЗЫКАНТЫ—ЛАУРЕАТЫ СМОТРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

И ЗВОНК НА ПЕРЕМЕНУ ЗДЕСЬ ЗВУЧИТ КАК В САМОЙ ОБЫЧНОЙ ШКОЛЕ.

Знакомство мое с ней произошло неожиданно. Звонок у входной двери прозвучал нерешительно. Я открыла: на пороге стояла девушка в форме железнодорожника. Глубоко посаженные глаза смотрели испытующе.

— Вам кого?
— Вас.

— От кого вы?
— От себя самой.

Мы стояли на пороге и растерянно молчали. Потом я опомнилась и распахнула дверь шире.

— Входите.

Девушка неуверенно шагнула в квартиру. Теперь я увидела, что она мала ростом, широка в плечах, курноса, скуласта.

— Разденетесь?

— Я на минутку...— Девушка улыбнулась, и сразу исчезла с лица напряженность. Она прошла в комнату, задержалась глазами на книжных полках и сказала:

— Я за книжками. За вашими. У нас на станции в киоске только одна.— Она пошарила под курткой и вытащила довольно помятую книжку «Человек не один».— Это правда, что вы здесь написали?

четыре часа езды от дома, на узловой станции, у матери своей бываю редко. Теперь она плачет, просит у меня ласки, внимания, а я не могу, не могу... Это плохо, я понимаю, но не могу...

Окружающие знают меня как девочку, которую горе обходит стороной. На самом деле это не так. Но я не хочу, чтобы мне заглядывали в душу. У меня нет подруг. Зато есть компания, в которой я провожу время. Этого мне достаточно... Можно, я вам напишу еще? Зоя».

— От кого письмо?—спросила дочь.

— Так, от одной девушки.—Я внимательно посмотрела в ее глаза.—Скажи, ты всегда могла задать мне любой вопрос?

— Какая ты странная сегодня,—встревожилась дочь.—Уж не заболела ли?—Она прижалась своей щекой к моей.—Конечно, я всегда могла спросить тебя о чем угодно. А почему ты спрашиваешь?

— Просто так,—ответила я.—Просто так. Нет, я не больна.

Прошло несколько дней, прежде чем я решилась ответить Зойке. Что написать девочке, внезапно понявшей, что ее душу обокрали, лишив веры в свое будущее? И пока я писала, передо мной все время, чередуясь, стояли два девичьих лица: лицо дочери с

Я не пользуюсь копиркой. У меня не осталось копий моих ответных писем к Зойке. Но, видимо, слова, которые я говорила девушке с узловой, были те, которых она ждала. Письма от нее приходили одно за другим:

«...Скажите, можно быть мужественным, сильным человеком и в то же время нечестным? А чувство ответственности—это честность?»

«...Стоит ли быть хорошим человеком? Жизнь, конечно, разная, но в ней есть все, кроме хорошего. Я так думаю. И мои друзья говорят так же. Видела я вокруг, как говорится, «по горло» и продолжаю видеть. Ваши письма и книги нарушили привычное течение жизни. Но от этого мне только хуже...»

«...Почему я вам не пишу о своей работе? А что о ней писать? Я осмотрщик вагонов, и только. Станция наша в смысле грузооборота большая. За двенадцать часов смены я с напарником отправляю по 80—100 поездов. Говорят, наша работа ответственная, пропустим неисправный вагон—крушение. Это-то я понимаю...»

А после работы я принадлежу сама себе. И знаете что, перестаньте мне твердить, что я хороша! Дрянная, и больше ничего. Когда-нибудь я вам все расскажу. Только не сейчас. Ухожу гулять. Игорь с Валеркой стоят под окном...»

Человек среди людей

Елена МИКУЛИНА

ЗОЙКА С УЗЛОВОЙ

Теперь девушка не улыбалась, смотрела на меня строго.

— Правда.

— А другие книжки у вас есть?

Почему-то смутившись, я стала торопливо рыться в шкафу, отбирая для нее экземпляры своих книг. Не глядя на меня, гостя взяла их и спрятала под куртку.

— Может, все-таки разденетесь, чаю выпьем,—предложила я, все еще не понимая толком, что происходит.

Но девушка уже шла к выходу. Возле двери она задержалась, передернула плечами, словно ей что-то мешало, и сказала, не то спрашивая, не то утверждая:

— Я вам напишу...

Какая странная девушка, подумала я, прислушиваясь к дробному стуку ее каблучков на лестнице. И вдруг мне стало весело. Я пошла на кухню и поставила на плиту чайник. Зря она не стала пить чай, чай всегда хорош.

Шли дни. Воспоминание о девушке в форменной тужурке становилось зыбким, расплывчатым. И когда среди писем оказался конверт с обратным адресом узловой станции, я распечатала его машинально. Но, пробежав первые строчки, вернулась к началу и стала читать медленнее.

«...Не удивляйтесь, это пишет та Зойка, которая приезжала к вам. Вы, наверное, посчитали меня дурой. Я тогда стояла и молчала. А знаете, как много мне хотелось тогда у вас спросить? Скажите мне: почему мы в детстве ничего не можем осмыслить сами? Почему нам нужно, чтобы рядом был человек, у которого можно узнать обо всем? Как завидовала я девочкам, которые могли спросить у своих матерей все, все... У меня не было такой матери. Признаюсь вам, моя мать—пьяница. Представляете, что это такое? Постепенно я привыкла ни с кем не делиться своими мыслями. Дружила с мальчишками, с ними проще. Классная руководительница сердилась, когда мы шумели, не учили уроки, и часто повторяла: «Кому вы нужны такие?»

Я и вправду никому не была нужна. Из школы возвращалась домой все позже и позже. А однажды собрала вещички и уехала с мальчишками на поезде. Вернулась через два месяца, снова пошла в школу. А мать даже ни о чем не спросила... После десятилетки наш сосед, старый машинист, привел меня на курсы осмотрщиков вагонов. И вот я работаю и живу в

распахнутыми глазами и лицо Зойки, чьи глазури-буровички смотрят недоверчиво и настороженно. Не перечитывая, я вложила листки в конверт. Мне казалось, если перечитаю строчки, из них улетучится то сокровенное, что я хотела внушить девочке, так стремительно ворвавшейся в мою жизнь и настойчиво требующей ответа на самые сложные вопросы жизни.

Но и после того, как письмо было отправлено, Зойка продолжала хозяйничать в моих мыслях, и каждое утро, вынимая из ящика газеты, я тщательно шарила в нем рукой, боясь, как бы письмо с узловой не застряло ненароком.

Зойка ответила через месяц:

«...Спасибо за письмо. Я поняла, что вы хотели сказать. Да, жизнь разная. И ее надо делать самой. Но для этого надо хотеть ее делать. Правда?.. Если честно, приезжала я к вам не за книжками. Захотелось посмотреть на человека, который неведомо для себя заронил в мою душу что-то такое, что не дает мне покоя. При встрече хотела вам все рассказать, попросить совета. Но постеснялась. Потому что все очень сложно. Знаете, какая у меня компания? Главный в ней—Валерка. Я его знаю с детства. С ним и другими мальчишками я убежала из дома. Потом мы долго не встречались. А когда я стала работать в городе, на железной дороге, он нашел меня, пригласил в кино, потом в «компанию». У них там не соскучишься. Пьют, поют под гитару, танцуют... Где работает Валерка, я не знаю, но денег у него всегда хватает...»

Весело в этой компании, но гложет и гложет мысль: откуда у них такие деньги? Хотела порвать с ними, но в общежитии вечерами скучно, с девочками я дружить не привыкла. Сидеть одной? Совсем это не по мне. Так и идишь...

А если правда, то тянет меня в эту компанию один парень—Игорь. Это история старая. Еще в десятом классе мы с ним встречались, дружили. Потом я уехала от матери, стала работать на станции. Позже многие ребята из нашего поселка тоже перебрались в город, в том числе и Игорь. Валерка устроил его на автобазу, дал на первое время денег. Игорь считает его своим другом, а я почему-то боюсь его. Но я люблю Игоря и хочу быть рядом с ним. Вот так и получается... Поняли? И поздно мне теперь менять свою жизнь. От привычки после работы ни о чем не думать, гулять, развлекаться, пить не уйдешь...» И детская, робкая приписка: «Если можно, ваша Зоя»

«...Попался мне журнал, где описывается жизнь девочки, у которой мать была революционерка. Так ведь тогда какое время было! Молодая республика, новые люди, борьба, жертвенность. А у меня...»

«Почему вы молчите? Небось, надоело писать такой, как я? Таких презирают, правда? Но и мы, в свою очередь, презираем всех. Хотите, я отойду от вас, не буду вам мешать?..»

Я действительно долго не писала Зое: лежала в больнице. А когда вернулась домой и прочла ее последнее письмо, забеспокоилась. Торопливо набрала несколько строчек: «Была больна. Не рассчитывай, что сможешь так легко от меня отделаться...»

И в тот же день отправила письмо на имя председателя месткома станции. Каюсь, я сделала вид, что интересуюсь Зойкой только в порядке своей журналистской работы. Просила сообщить о ней все, что он знает.

Вскоре я переехала на дачу и проводила часы на террасе, глядя порой на тонкую, одинокую березу, росшую возле забора. Почему-то вспомнилась Зоя... На березе собирались синицы, прыгали с ветки на ветку, словно примериваясь, где им удобнее сесть, но, так и не выбрав места, стремительно улетали.

В почтовом ящике, конечно же, копились письма, но дочь была в командировке, а ехать в город самой не хватало сил. Зато потом дочь привезла мне все письма сразу.

Первым я распечатала письмо от председателя месткома узловой.

«Уважаемая, сообщаю вам все по порядку. Есть у нас такая осмотрщица вагонов. Работает уже три года. Замечаний по работе не имеет. К работе относится добросовестно. Характер у этой дивчины замкнутый. Семья у нее неважная. Отец давно с ними не живет, мать пьет, Зоя связи с ней не поддерживает. Больше ничего сказать не могу, но возьму на заметку. Если вас еще что интересует, обращайтесь ко мне лично. С уважением Иван Кузьмич Потолков».

Потом я стала читать другие письма и в том числе письмо знакомой журналистки, которой однажды поведала о своей дружбе с Зоей. Среди тонких, метких наблюдений, сделанных ею во время поездки по Уралу, я наконец нашла нужные строчки: «Видела вашу подопечную. Что вас в ней привлекло? Девушка грубая, неизвестно почему надменная. Сказала, что не понимает, зачем вы поручили мне поинтересовать-

ся ее судьбой. Что вы больны, она уже знает. Волнения по этому поводу не выразила. Вечером я увидела ее на вокзале, она стояла в окружении очень неприятных, подвыпивших парней и хохотала. Увидев меня, не смутилась. Я уверена, что она довольна своей жизнью и ваше вмешательство ей ни к чему...»

От Зои было два письма.
«...Вот и праздник Мая наступил. Мои друзья веселятся в соседней комнате, пьют, шумят. А я сижу и пишу вам письмо. Почему? Наверное, потому, что немного пьяна, ну, ничего, так даже легче писать. Мне всю жизнь внушали: хороших людей нет! Вы меня почти разубедили в этом. Спасибо. Но меня-то уже не исправить. Так и буду катиться все дальше и дальше... Я люблю Игоря, и больше мне никто не нужен. Письма ваши разрывают меня пополам и тянут в разные стороны...»

Я взяла второе письмо.
«...Вы не ответили. И правильно сделали. А я все равно пишу. Мне так необходимо услышать ваш голос! Именно сейчас, когда Валерка предрекнул Игорю «ультиматум». Он сказал: «Я тебя устроил на работу. Я дал тебе денег. И ты должен мне помочь». «В чем?»—спросила я. Он ответил, что пока это меня не касается. И опять я не могу вам сказать откровенно, что это за «ультиматум». Не потому, что не доверяю вам, но выложить на бумагу его смысл просто невозможно».

В комнате было очень тихо. Так тихо, что я слышала собственное дыхание. Прозвучали шаги на террасе. Вошла дочь. Посмотрела на распечатанные письма, потом на меня.

— Что случилось?—В ее голосе звучала неподдельная тревога.

— Ты могла бы сходить сейчас на станцию и отправить телеграмму?

Я быстро написала текст: «Зоя, не смей падать духом. Я верю в тебя. Если можешь, приезжай!»

...Зойка появилась неожиданно. Она возникла на пороге террасы в белоснежной блузке и короткой черной юбке, в смешных тупоносных туфлях с детской пряжкой. В руках у нее не было ничего, кроме зажатого в кулачке кошелька.

Без форменной тужурки и шапки Зойка казалась моложе, хрупче. Мне хотелось потреть ее коротко стриженные темные волосы. Но Зойка отстранилась и чинно села в плетеное кресло.

— Вот я и приехала. Только я ненадолго, проездом. В местком туристскую путевку по Закавказью дали, билет бесплатный, вот и решила поехать через Москву. Вы здоровы теперь?

Она говорила без передышки и все не о том, о чем мне хотелось узнать. Неожиданно она встала:

— Ну, я пошла. А то еще опоздаю...

— Что-о!—возмутилась я.—Никуда ты не пойдешь сегодня. Ничего с твоей путевкой не сделается, если опоздаешь на день. Сядь. Сядь и рассказывай мне все по порядку. Про вашу компанию, и про Игоря, и про Валерку. Слышишь?

Зойка закусил губу. Мне было ее жаль, но я настаивала:

— Мы видимся с тобой второй раз. Ты засыпаешь меня захлебывающимися, но малопонятными письмами. Я ничего не знаю о тебе. И не отпущу, пока ты не расскажешь мне правду о себе...

Зоя смотрела на меня напряженным, угрюмым взглядом. Потом опустилась на пол возле кресла и уперлась подбородком в мои колени.

— Прошу вас, умоляю, подождите немного, только один месяц, пока я вернусь домой. Только месяц! Ну, пожалуйста, подождите! Через месяц у нас с Игорем все встанет на место, все будет хорошо. Верьте мне. И не волнуйтесь. Ладно? Как только кончится отпуск, я вам сразу все напишу. Все, все...

Зойка поднялась, поправила растрепанные волосы.
— Вы даже сами не знаете, как помогли мне своими письмами... книгами...

Сколько я ни требовала, сколько ни уговаривала, она так и уехала, ничего мне не рассказав.

Прошло полтора месяца. Мы переехали с дачи в город. Опять я ждала писем с узловой, но Зойка почему-то молчала. Вместо ее письма пришла весточка от председателя месткома:

«...Считая, уважаемая, что ваш интерес к нашей молодой работнице должен иметь постоянную пищу, мы решили ее продвинуть по общественной линии, чтобы она могла пошире раскрыть свой характер. Зою избрали проффоргом. Полагаю, она в общественную работу втянется...»

Это письмо, несмотря на его сухость, успокоило меня. И когда дочь спросила: «Почему так долго нет писем от Зои?»,—я постаралась улыбнуться: «У молодости свои заботы, свои дела. Разве не так?»

Я радовалась, что дочь не забыла о Зойке. Мне хотелось, чтобы ей были открыты не только песнь птицы и багрянец заката, но и боль человеческого сердца, чтобы сострадание было для нее тем надежным камнем, на котором оттачиваются человеческие чувства.

Ах, зачем я была так спокойна, почему поверила в

Зойкино благополучие, хотя от нее все не было и не было обещанного письма? Ведь знала же я, что они с Игорем должны были принять какое-то решение. Но какое? Надо было самой написать ей и настаивать на ответе... А я удовлетворилась тем, что Зойку избрали проффоргом.

Зойкина беда навалилась на меня, как ураган.
«...Игоря убили! Вы понимаете, Игоря убили! Единственного, кого я любила, кому верила! Мне теперь и света белого не надо... Вы виноваты в этом, вы! Лучше бы я вас не знала, тогда все было бы ясно. К черту благополучную жизнь! Не пишите мне больше. Будь все проклято! И этот Первый концерт Чайковского, который сейчас передают по радио, и ваши книжки, и ваши слова. Не верю никому, не верю!»

Сжав голову руками, закрыв глаза, я пыталась по этим строчкам разобраться в происшедшем. И не могла. Но я знала одно: Зойка на грани отчаяния. Я писала ей письмо, сжав зубы и бледнее от своих слов. Я говорила с ней, как говорила бы с собственной дочерью, как может говорить в тяжелую минуту женщина с женщиной.

И я и дочь, которая, прочитав письмо Зои, долго молча ходила по комнате, с волнением ждали ответа.

«...Вы здорово стукнули меня по мозгам,— писала Зоя.—Как вы могли угадать главное? Да, Игорь и я порвали с компанией. Помните, я писала об «ультиматуме». Так вот, Игорь на него наплевал. В тот день он сказал Валерке: «Я не повезу на машине то, что вы украли. Я не хочу быть участником вашей аферы. Я не буду вором никогда!» Валерка в ответ только свистнул: «Не выйдет, голуби, не выйдет. Придется вам «работать» вместе с нами. Ишь ты, захотели быть чистенькими? А пить и гулять с нами не брезговали?»

Мы тогда с Игорем целую ночь проходили по парку, все думали: «Что делать? Как быть?» И Игорь решил: «Я уеду отсюда. В Казахстан. Я шофер, работу найду в любом совхозе». «Я поеду с тобой,— сказала я.—Здесь без тебя не останусь».

Игорь обнял меня. «Подожди недели две-три, в крайнем случае месяц. Я поеду один, устройся, напишу тебе, и ты приедешь. Хорошо?»

Так мы и решили. Игорь уехал, а я взяла туристскую путевку и поехала в Закавказье. Тогда и сказала вам, что через месяц все будет ясно, все будет хорошо.

Но когда вернулась, меня ждало письмо от Игоря. «Подожди приезжать. Через полгода дадут комнату. Работаю хорошо. Надо было давно нам уехать. Народ здесь отличный». Я осталась на узловой. Работала. Несколько раз на улице ко мне подходил Валерий, спрашивал: «Где Игорь?» «Не знаю»,—отвечала я. И радовалась в душе: «Не найти вам его, не найти, а я скоро тоже уеду отсюда!» Но они все-таки нашли Игоря... Я хочу увидеть его могилу. А потом решу, что делать. Скорее всего меня зарежет поезд или убьет током. Высокое напряжение всегда рядом со мной... Не ругайте меня. Не сердитесь на меня...»

— Что делать, мама?—спросила дочь.

— Ехать на узловую.

Увы, я смогла выехать только дней через десять. И опоздала.

...Она шла от полустанка к совхозу, где работал Игорь, по неровной, разбитой тракторами дороге, засыпанной свежим снегом. В тонких туфлях. В форменной куртке. Шла, не чувствуя холода.

С каменным, застывшим лицом ходила по поселку, где должна была начаться ее новая жизнь с Игорем. Невидящими глазами смотрела на новый совхозный клуб, столовую, школу... Только возле недостроенного четырехквартирного дома до нее стали доходить слова сопровождающих ее парней и девчат:

— Он каждый вечер вокруг этого дома ходил...

— А торшер у нас поставил. Пусть, говорит, пока у вас постоит.

— Какой торшер?—рассеянно спросила Зоя.

— Да ведь вам комнату в этом доме обещали,— сказала девушка и вдруг испуганно осеклась. Зойка, схватив ее за руку, прошептала:

— Кто его убил? Какие они из себя? Скажи!

— Не знаю...—растерялась девушка.—Только не наши.

— Знаю.

Повернувшись, Зойка пошла в степь, туда, где уже была утроем, к могиле Игоря. И никто не осмелился пойти за ней. Тесной кучкой стояли ребята и девушки, глядя, как удаляется от них маленькая фигурка.

...Снег все покрыл белым покрывалом. Разгребя его руками, Зойка прижалась лицом к мерзлой земле. «Игорь, Игорь! Может, так и останется лежать здесь, пока и меня не занесет снегом?» Но вдруг перед ней возникло наглое, улыбающееся лицо Валерия...

Побелевшими, застывшими губами поцеловав дочечку с именем Игоря на свежеструганном деревянном конусе, Зойка, не оглядываясь, пошла к поселку. Пошла так быстро, словно кто-то невидимый подгонял ее в спину...

...На узловой, хотя я дала Зойке телеграмму, меня никто не встретил. Томимая недобрыми предчувствиями,

я отправилась разыскивать Ивана Кузьмича. Нашла его в местком, где тесно от шкафов со спортивными наградами и шумно от гудков локомотивов за окном. Протянув крупную, жилистую руку, Иван Кузьмич сказал: «Значит, это с вами переписывался? Вот ведь как получилось. Пострадала Зоя. Пострадала, как говорят, на посту. Мужество проявила. Более того, героизм... Врачи, однако, уверяют: рана для жизни неопасна. Я лично с врачами беседовал, когда навещал ее. Страхделегаты в больнице круглосуточно дежурят...—И вдруг, поняв, что я ничего не знаю, Иван Кузьмич сморщился, как от зубной боли, хлопнул себя ладонью по лбу.—Ах ты, грех какой! Я думал, вы все знаете...»

...После возвращения Зои из Казахстана события разворачивались стремительно. В первый же вечер Валерий, подкараулив ее возле общежития, спросил: — Была... там?

— Да,— ответила Зоя, с ненавистью глядя в наглые глаза.

— Теперь ты будешь работать с нами. Он не спрашивал ее согласия, он утверждал то, что казалось ему само собой разумеющимся. Положив руку на плечо Зойки, наклонившись к ней, Валерий развил план предстоящей операции:

— Послезавтра на станцию придет состав с пушиной. Там будет два plombированных вагона. Ты их отцепишь, переведешь на запасной путь. Поняла? Остальное—наше дело. Ты свою долю получишь. А об Игоре забудь. Теперь ты будешь со мной. Согласна?—Он захихикал.

И тогда Зойка спокойно ответила:

— Согласна.

Можно было немедленно пойти в милицию и рассказать все. Но она решила сама рассчитаться с Валерием за смерть Игоря. Для этого надо сделать так, чтобы Валерия и его дружок поймали с поличным. Она увидит, как их схватят, и засмеется ему прямо в лицо... А если Валерий, поняв, что его выдал, убьет ее? Ну что ж, она знает, на что идет. Ей не страшно. Она должна расквитаться с ним за Игоря, за свою сломанную судьбу, за тех, кого он уже погубил и кого еще может погубить.

«Отомстить, отомстить...»—твердила мысленно Зоя, обстучивая plombированные вагоны и требуя, чтобы два из них отцепили и перевели на запасной путь для ремонта. «Отомстить, отомстить...» Она уже предупредила начальника военизированной охраны станции о предполагаемом нападении бандитов.

Все было разыграно как по нотам. Примерно в час ночи возле вагонов с пушиной появились трое парней. Двое стали отдирать доски от днища вагона и вытаскивать тюки. Зойка издали узнала долговязую фигуру Валерия. Он стоял «на стреме»: черновая работа не по нему.

Стрелки военизированной охраны схватили двух бандитов на месте преступления. Валерий побежал, ныряя под вагонами. Его уже догоняли, когда он увидел Зойку. Уверенный в том, что она поможет ему скрыться, он помчался прямо на нее. Зойка выпрямилась, высоко подняла фонарь и, размахивая им, крикнула:

— Стой, гад, ни с места! Здесь он, здесь!

— Продала, стерва,—захрипел Валерий и кинулся на нее с финкой.

Она успела ткнуть фонарем ему в лицо, ослепив на какое-то мгновение. Финка, скользнув по брезентовой куртке, задела бедро. Валерий пригнулся, пытаясь проскочить под вагоном, и в этот момент Зойкин молоток с длинной ручкой опустился ему на затылок. Валерий упал, тяжело стукнувшись лицом о шпалу. Подбежавшая охрана увидела лежавшего бандита и рядом согнувшуюся Зойку, зажимающую двумя руками бедро...

В больничной палате, где лежала Зоя, было тепло и тихо.

— Вот вы и приехали,—сказала она.—А вас никто и не встретил...

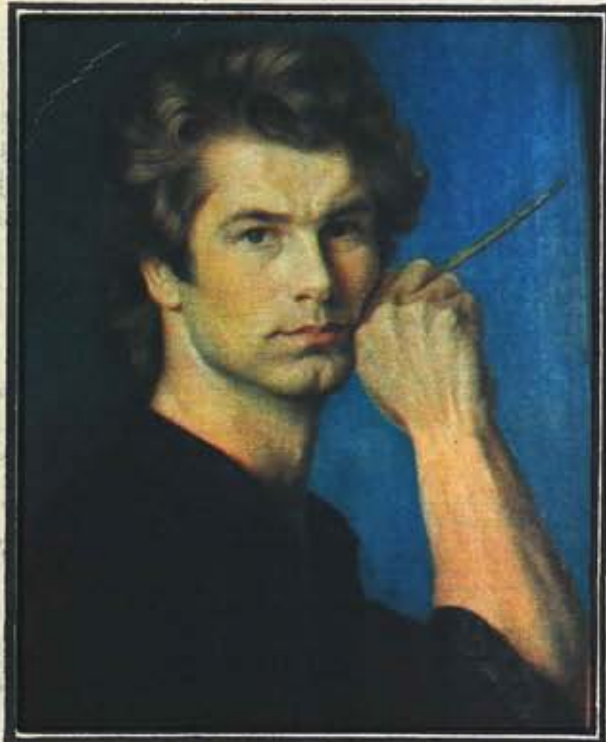
Я погладила коротко стриженные волосы девушки. Маленькая, похудевшая, с синими кругами под глазами, Зоя казалась грустным ребенком. Когда я, просидев у ее постели весь день, поднялась с табуретки, она жалобно спросила:

— Уезжаете? Я понимаю... Можно мне вам писать... по-прежнему?—Она пыталась улыбнуться, улыбка не получилась, и она добавила:—Нет, не по-прежнему. Теперь я буду писать по-другому.

Вот и вся история Зойки с узловой. Впрочем, история продолжается. Зоя по-прежнему часто пишет. А в последнем письме сообщила:

«...В одной комнате со мной в общежитии живет хорошая девушка—проводница Таня. И вообще у нас здесь, оказывается, очень много хороших девчат. Мы с Таней поступили на курсы подготовки в вуз. У нас за плечами десятiletка. Может, и выдержим экзамены? Как вы думаете?»

А теперь хочу вас спросить: может ли сердце забыть старое? Прошли уже зима, весна и лето... Снова наступила осень... А я все еще вижу перед собой заснеженную могилу в казахстанских степях».

АВТОПОРТРЕТ.

О молодом художнике
Александре ШИЛОВЕ
рассказывает лауреат премии
Ленинского комсомола
поэт
Владимир ФИРСОВ

«ЖЕЛАНЬЕ РАССКА

Умение видеть, умение усмотреть в обыкновенном необыкновенное дано далеко не каждому. Умение же передать увиденное языком искусства дается избранным.

Изобразительное искусство, говоря словами Маяковского, «баба капризная», ревностно требует она от художника полной самоотдачи. Труд и еще раз труд — вот вечный двигатель подлинного искусства. На тернистом пути к признанию художника подстерегает соблазн легкого успеха, подстерегает так называемая мода, способная увенчать творца венком из калуфера и мяты, нынче ярко зеленеющим,

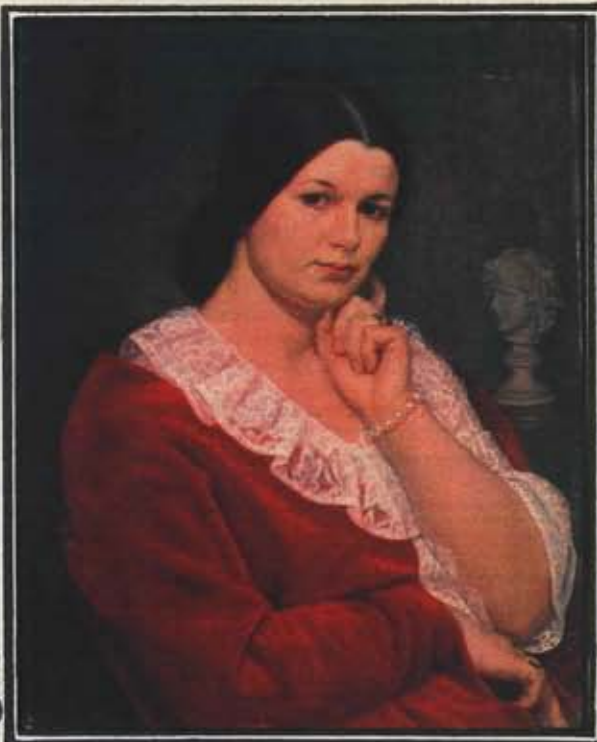
ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ.

ПОРТРЕТ МАТЕРИ.

а завтра уже пожелтевшим.
И, помимо таланта и трудолюбия, истинному художнику надо иметь еще волю, характер, убеждение, только тогда он устоит перед влечениями изменчивой и ветреной моды.
Не знаю, что делает художника художником, но уверен, в этом полном таинства процессе не последнюю роль играет биография. Биография молодого художника Александра Шилова начиналась так же, как у многих его сверстников.
Родился в суровом сорок третьем в Москве. Мать, оставшись без мужа, одна воспитывала троих детей. И после семилетки Александр вынужден был идти зарабатывать на хлеб.

но учебу не бросил — перешел в школу рабочей молодежи.
В те времена и появилась у него тяга к творчеству.
Пока позволял возраст, занимался в изостудии Тимирязевского Дворца пионеров.
Впоследствии, уже будучи признанным художником, Александр Шилов напишет: «До поступления в Художественный институт имени В. И. Сурикова шесть лет работал грузчиком. Но каждый день после смены занимался живописью. Моим первым педагогом еще во Дворце пионеров был заслуженный учитель РСФСР В. А. Воронин. Он по-отечески

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ.

ЗАТЬ О ДОБРОТЕ»...

внимательно и сердечно относился к своим ученикам, стремился выявить и развить то, что было свойственно каждому из нас, не ломая индивидуальных наклонностей, не навязывая того, что нам было чуждо. Он и представил меня, тогда еще только мечтавшего о настоящем, большом искусстве, А. И. Лактионову». Большой мастер, прекрасный рисовальщик, А. И. Лактионов помогал становлению молодого художника, делился с ним секретами мастерства. Был он предельно требователен, однако и не жалел похвал, когда работы ученика того стоили. Это он однажды сказал юному тогда Саше Шилову, что пора ему бросать работу грузчика, которая выматывает физически и лишает сил для творчества.

МОЛОДОЙ СКРИПАЧ.

АНЯ.

Что пришло время думать о настоящей учебе. «Работу,— вспоминает Александр,— не бросил, поскольку она меня кормила, а в институт стал готовиться серьезно». Два года подряд, сдавая экзамены, молодой живописец не набирал проходного балла. Но упорство и воля взяли, наконец, свое: на третий год стал студентом. В стенах института учителями художника стала русская и мировая реалистическая живопись. Тяга к портрету, желание запечатлеть внутренний мир нашего современника становятся главным в творчестве художника. Чувство благодарности, желание рассказать о доброте и душевной щедрости человека руководили Сашей, когда он писал одну из дипломных работ — портрет своего первого учителя Василия Александровича Воронина. Среди дипломных работ были также портреты Героя Советского Союза летчика-космонавта Берегового, портрет художницы и миниатюрный женский портрет. Все эти работы объединяло одно — тяга художника к красоте и богатству сложного духовного мира нашего современника. Период ученичества для Шилова был закончен, но продолжалась бесконечная и неисчерпаемая школа жизни... Смотришь работы художника и искренне изумляешься диапазону его интересов: портреты рабочего В. Харламова и академика И. Киуриянца... Космонавты В. Севастьянов и П. Климук, а рядом — деревенская девушка. Певец с мировым именем С. Лемешев и пастух из смоленской деревеньки. Мать художника... Вот далеко не полный перечень работ Александра Шилова, каждая из которых является вдохновенной повестью о человеке. Профессор Павел Петрович Чистяков, учитель Репина, Васнецова, Поленова, Сурикова, Врубеля и других прекрасных русских художников, в свое время предостерегал художников: «Картина, в которой краски бросаются прямо в глаза зрителю, приковывают его, ласкают своими сочетаниями, не есть серьезная картина. Нужно, чтобы краски помогали выразить идею. Картина, в которой зритель старается отыскать смысл — душу, понять содержание ее и краски коей не отвлекают его от вдумчивости и рассуждения, — высокая, серьезная картина». Я не случайно вспомнил эти строки, наверное, они пришли на память потому, что в работах А. Шилова краски как раз не отвлекают, а как бы только подчеркивают главное... Всмотритесь в портрет матери, скромной русской женщины, познавшей и горе и те немногие радости, которые выпали ей на долю. Столько в ее глазах тихой печали и этой вечной, нерастроченной материнской доброты! Ему очень дорог этот портрет, говорит художник. «Не потому, что мама сделала для меня все, что было в ее силах. Не потому, что ей я обязан всем. Просто мама есть мама». Вот портрет пастуха, написанный на Смоленщине. Художник дал ему название «Жизнь прожить — не поле перейти». А ведь как это верно, думаешь, глядя на этого человека, и представляешь себе нелегкую его судьбу. Он уже перешел поле жизни, поле, щедро политое потом землепашца и кровью защитника Родины.

Тихое, задумчивое лицо... Человеку этому есть что вспомнить, есть о чем задуматься. Это судьба человека. Судьба человека — понятие объемное, и оно главное в творчестве Александра Шилова. Портрет молодого скрипача... Тоже судьба. Еще неизвестно, что ждет его впереди, но хочется верить, что жизнь у него будет не только трудной, но и счастливой. И мальчик как бы вслушивается в будущее. Портрет народного артиста СССР Сергея Яковлевича Лемешева. Разве не вдохновенная судьба? Перед нами человек с богатым духовным миром художника, человек, уже перешедший свое поле жизни, усеянное цветами, которыми на протяжении полувека одаривали певца восторженные и благодарные почитатели его высокого таланта. Ему есть о чем вспомнить... Будучи строгим реалистом, поклонником академической — в самом добром понимании этого слова — живописи, Александр Шилов не приемлет в портрете нарочитого упрощенчества и абстрактности видения. «От реализма при желании, — говорит Шилов, — я в течение минуты могу прийти к абстракционизму. А вот чтобы от абстракционизма прийти к реализму — здесь нужны годы серьезной учебы и годы великого труда. Хотя со мною кое-кто и не согласится, это бесспорно... На холсте, — продолжает он, — я должен оставить человека таким, какой он есть, а не таким, каким я его хочу видеть. Меня не в первую очередь интересует его профессия, — меня занимает круг его жизненных интересов. Его пристрастия... Его убеждения. Я должен заглянуть, если так можно выразиться, ему в душу...» Когда Александр Шилов работал над портретами летчиков-космонавтов, его поражали не достижения современной науки и техники, но в первую очередь другое — тяга этих людей к прекрасному, их глубокое понимание настоящей музыки, их любовь к литературе, к театру, к родной природе, к тому вечному и единственному, что мы называем Родиной. Шилова тянет к добрым людям, людям высоко нравственным, отдающим делу себя без остатка, во имя светлой идеи готовым на любые жертвы. И ему везет на таких людей, потому что таков он сам. Когда-то прекрасный русский художник М. И. Нестеров в своей неоконченной автобиографии написал: «...меня тянуло, как художника, к типам положительным. Мне казалось, что в нашей литературе, искусстве было совершенно достаточно выведено людей, позорящих себя, свою родину». Я не хочу проводить никакой параллели между творчеством Нестерова и Шилова, но тягу молодого, но уже зрелого художника к типам положительным, несомненно, доброжелательным взором приметят почитатели и ценители реалистической живописи, традиции которой бессмертны. На весьма традиционный вопрос, какие у него планы, художник ответил лаконично: «Писать, писать хороших людей, постараться в меру сил и возможностей запечатлеть красоту самого прекрасного на земле — человека... Человека труда и подвига». Я бы добавил: человека трудной, но светлой судьбы.

Перевела с болгарского
Евгения СТАРОДУБ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вопреки рассуждениям о преимуществе допросов в служебной обстановке, махнув рукой на свое прозвище «инкассатор» (так коллеги нарекли меня из-за моих вечных странствий по городу), на следующее утро я снова покидаю кабинет. Я убежден, что у «инкассатора» есть свои плюсы, которые перевешивают расходы на починку подметок. Ведь в пути получаешь не только некоторые сведения, но и массу впечатлений, я уж не говорю о пользе чистого воздуха.

Лиза Тенева. Простите, не Тенева, а Стефанова — и, судя по ее виду, скоро в этом доме будет новорожденный. Привычным жестом показываю свое удостоверение, дверь приоткрывается — ровно настолько, чтобы я смог войти.

— Извините, я прибираю, — говорит Лиза, на ходу снимая фартук и прислоняя к стене метелку.

Хозяйка приглашает меня в гостиную. Я сажусь и прошу разрешения закурить.

— Если у вас нет воли бросить, курите, — пожимает плечами Лиза. — Мой муж тоже курил, но я заставила его отказаться от этой дурной привычки, и вы не представляете, как он теперь хорошо чувствует.

— Завидую ему, — отвечаю я и закуриваю. — Мне нужны сведения о некоторых ваших знакомых. Точнее, о парнях из «Бразилии».

— Не говорите мне о них! Я их уже забыла, — отвечает Лиза.

— И Моньо тоже?

— Моньо самого первого. Хотя, может, он из всей компании самый невестливый. Но какое безволие, бог мой!

— Не бросил курить, так, что ли?

— Курить? — Она посмотрела презрительно и скрестила руки на груди. — Дело не в табаке, а в его будущем. Не удивлюсь, если он сохнет окончательно.

— Он близок к этому. Но вы только что заметили, что из всей компании Моньо самый порядочный..!

— Да, потому что он не развращенный. Филип и Спас не пьют, зато испорчены вконец.

— А Магда?

— Магда тоже испорчена, как и они. Если Филип прикажет ей идти с первым встречным, она пойдет, не задумываясь.

— А вторая? Дора?

— Изображает жертву. Сами влипнут в грязь, а потом строят из себя униженных и оскорбленных...

— Ясно, — киваю я. — А что еще?

— А остальное все то же: шатания, безделье и бесконечные разговоры. Особенно этот, наш философ — Моньо. Обожают тянуть резину: «Жизнь — это бессмыслица...», «Развитие — это движение к самоубийству...» — Лиза произносит эти высокопарные фразы, стараясь подражать Моньо.

«Тогда и конечная жизнь самоубийством, — сказала я ему, — а меня оставь в покое, дурак ты этакий». Точно так ему и сказала. И больше не переступила порог «Бразилии». И должна сообщить, что всю эту компанию забыла начисто.

— Верю вам. И просто сожалею, что заставляю вас снова вспоминать об этих вещах, но другого выхода у меня нет. А что это за история с Асеновым?

— Глупая. Как все их истории. Филипу захотелось выдать Магду за Асенова. «Я, — говорит, — устрою твою жизнь. А когда уедешь в Мюнхен, не забудь пригласить в гости...»

— Прямо так и говорил?

— Нет, прямо так не говорил, но это подразумевалось. Филип не из тех, кто объясняется прямо в лоб, открыто.

— А потом?

— Вот что потом, не знаю. Как раз тогда я и поругалась с Моньо, и больше ног моей не было в «Бразилии».

— И правильно сделали. Хотя кофе там превосходный.

— А я-то какова! Даже кофе не предложу! — восклицает Лиза, она, вероятно, принимает мои слова за намек.

— Нет, спасибо. Если разрешите, я пойду.

Хозяйка провожает меня к выходу. Миловидная женщина, с природным даром хозяйки, матери и домашнего командира. Странно, как она могла попасть в эту компанию бездельников. Скорее всего, в поисках мужа.

Продолжение. Начало в № 16.

БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ

РОМАН

— Зайдете еще? — осторожно спрашивает Лиза.
— Не думаю. Зачем?
— Нет, я не против, но сами понимаете, мне бы не хотелось вести такие разговоры при муже.
— Не тревожьтесь. И смотрите, как бы он не закурил снова.
— Ну, уж об этом не беспокойтесь, — самодовольно улыбается Лиза.

Место следующего визита — мансарда. Если я говорю «мансарда», не торопитесь представить себе комнатушку с подслеповатыми окнами и паутиной по углам. Возможно, когда-то этот чердак имел подобный вид. Но это было давным-давно. Теперь передо мной — просторное помещение, с гладко оштукатуренными, покрытыми свежей краской стенами, с натертым до блеска полом и широким окном, со старинной добротной мебелью и веселыми занавесками. Одну стену почти целиком застилает нежная зелень вьющегося растения.

Меня встречает низенький старичок, подвижный и жилистый.

— Славно вы тут устроились, — произношу одну из дежурных фраз, располагаясь в предложенном мне кресле.

Настоящее наслаждение — эти кресла! Чувствуешь, как оно поглощает твою усталость, ты расслабляешься, и приходится крепко напрягать свои волевые центры, чтобы побороть дрему. Чудесное сооружение! Такие умели делать только в старину.

— Да, у вас уютненько, — повторяю банальность в новом варианте.

— А что еще остается старому человеку, как не заботиться о своем гнезде, — отвечает Личев, скорее обеспокоенный, чем обрадованный моими похвалами.

Хозяин, похоже, принадлежит к людям, которые, коль ты их похвалишь, сразу считают, что ты непременно собираешься подложить им свинью. Закуриваю. Старичок тут же встает, подает мне пепельницу и щелкает каким-то выключателем. Раздается мягкий звон, и, к моему удивлению, дым от сигареты плывет к стене и исчезает в небольшом отверстии, которое только теперь я замечаю.

— Так можно курить сколько угодно, — поясняет старичок. И добавляет самодовольно: — Собственное изобретение. По принципу пылесоса.

— Здорово придумано! Хотя, на мой взгляд, открытое окно выполняет ту же работу.

— А зимой? Откроешь окно — и снова надо топить печку.

— Вы правы. Здорово придумано!

— А вот это?

Он нажимает кнопку у своей постели, и в другом конце комнаты звучит музыка.

— Хитро!

— А вы на кухню загляните! — все больше оживает старичок.

— С удовольствием, но в другой раз. — Я пускаю в ход свой «выключатель». — Мне бы хотелось что-нибудь услышать о вашей бывшей супруге. Когда вы были у нее последний раз?

— Примерно с неделю назад.

— А точнее?

— Точно неделю назад — в прошлый вторник. Хорошо помню, потому что попросил у нее деньги, а она ответила: «По вторникам мне больше и делать нечего, как только деньги тебе давать...»

— Так. А какие, в сущности, между вами финансовые отношения?

Старичок смотрит на меня полувопросительно-полубоязливо.

— Она мой должник... Отобрала квартиру, а мою долю обещала мне выплатить. И вот уже пять лет получаю от нее в год по чайной ложке и всегда с руганью. Скрутила она меня, да что поделывать. Когда женишься на старости лет, добра не жди...

— А что вы знаете об Асенове?

— Ничего особенного. Знаю, что он останавливался в ее квартире, и все. В личную жизнь моей бывшей жены не вмешиваюсь.

— Я спрашиваю вас не о жене, а об Асенове.

— Асенова видел раза два. Аккуратный такой, приличный... Меня как громом поразила его смерть... Кто мог это сделать?

Старичок впивается в меня своими влажными желтоватыми глазками, как будто и впрямь ждет ответа.

— И другие меня об этом спрашивают, — отвечаю с легким вздохом, вспомнив о полковнике. — А о чем вы беседовали с Асеновым?

— О чем я мог беседовать с человеком, с которым едва знаком? Спрашивал, как у них там, и прочее.

— И ничего больше?

— Ничего.

— Ведь раньше вы были владельцем одного заведения, не так ли?

— Какое там заведение! Буфетик маленький...

— А потом вы стали официантом?

— Да.

— И у вас обширные знакомства в этом мире...

— Множество!

— Но иногда вы об этом забываете. И вынуждаете меня уличать вас во лжи.

Старичок следит за мной, слегка раскрыв рот от неожиданности.

— Месяца два назад, в предыдущий приезд Асенова, вы вместе с ним обедали в «Балкане». И обед этот продолжался довольно долго, с вином и разговорами, которые едва ли можно исчерпать этим «Как у них там?». О чем же шла речь, Личев?

— Да что там... Разговоры как разговоры. Да разве упомянешь, что было два месяца тому назад...

— Личев!

— Да... Был один интимный вопрос. Поэтому мне не очень удобно...

— Удобно, не удобно, но мне нужно знать все. Понимаете — все!

— Видите, разговор вертелся вокруг Магды. Влюбился человек и даже задумал жениться, тем более что она вроде порвала с той компанией. Асенов давал ей и наряды и деньги, только бы она вела себя примерно. А она обманывала его самым вульгарным образом и продолжала встречаться со своей бандой...

— Откуда вам известны такие подробности?

— Асенов просил меня последить за ней. У него не было других знакомых, вот он меня и попросил. Он был не дурак и хотел знать наверняка, прежде чем решиться на что-то серьезное.

— Когда он поручил вам это?

— Еще когда уезжал из Болгарии в первый раз.

— А на обеде в ресторане вы давали ему отчет, так?

— Э, отчет! Рассказал, что удалось узнать.

— И сколько получили за услугу?

Старичок с достоинством вскидывает лысую голову.

— За кого вы меня принимаете? Я не частный детектив. Я помог человеку, он меня угостил, и все.

— Поэтому, значит, брак и не состоялся?

— Что он, сумасшедший? Моя бывшая тоже не была святой, но хотя бы сохранила приличия. А эта... Пришлось мне вмешаться, чтобы спасти человека.

— Вы спасли его, но от меньшего зла, — говорю я, вставая.

Личев снова открывает рот от удивления.

— Я хочу сказать, если бы брак состоялся, возможно, не состоялось бы убийство, — поясняю я.

И направляюсь к выходу.

На работу я добираюсь уже к обеду и встречаюсь с... Дорой Денева. Оказывается, она ждет меня уже часа два. Странно, ведь я ее не приглашал.

— Рад, что вы пришли по собственной инициативе, — говорю я, входя в кабинет.

Дора садится на стул и отвечает сухо, не глядя на меня.

— Если разобраться, то инициатива принадлежит вам.

— То есть?

— Вчера вы дали понять, что придете еще раз. Именно это и заставило меня опередить события.

— Видите ли, Денева, — начинаю я спокойно, — если бы я решил вас повидать, я бы обошелся без намеков. Для этого

есть повестки, вот такие белые листочки. Заполняю повестку, отправляю по адресу. А потом жду, чтобы ко мне явились в определенный час.

Голос мой звучит почти ласково, и я сознательно не напоминаю Доре, что в прошлом она не раз получала такие повестки и прекрасно знает всю эту процедуру. Но мой дружеский тон не находит у нее отзвука.

— Оставьте, — машет рукой Дора. — Ваши вчерашние намеки были довольно прозрачные.

— Откуда такое отношение?

— Вы и все вам подобные просто пропитаны недоверием.

— Профессиональный инструмент, — соглашаюсь я. — Но его я держу в одной руке. А в другой — доверие. От вас зависит, за какую руку вы ухватитесь.

— Сказки, — отвечает безучастно Дора. — Лично вас я не знаю, но с другими встречалась. Вы все отравлены недоверием. И сами отравлены и стараетесь отравить жизнь другим.

— Вы имеете в виду прежде всего вашу собственную?

— Да, и мою...

— Кто же вас травил, скажем, последние полтора года?

— Полтора года назад...

Она не закончила, однако интонация ее была достаточно красноречивой.

— Полтора года назад вы сами отравляли жизнь таким, как я! — замечаю я.

— Так это ваш хлеб! Чего жаловаться?

Встаю из-за стола и делаю несколько шагов, чтобы успокоиться. Потом облокачиваюсь на стол и говорю:

— Вы, вероятно, воображаете, что у таких, как я, не хватает ума заниматься другой работой? Или вы думаете, что она доставляет нам райское блаженство? Профессия наша тем противнее, чем противнее наши пациенты.

— Имеете в виду меня?

— Угадали. И чтобы покончить с этим, хочу добавить следующее: вы пришли, чтобы предотвратить аварию. Я действительно узнал кое-что о вашем прошлом. Но если бы вы были чуть догадливей, вы бы еще вчера поняли, что у меня нет намерения делиться этим с кем бы то ни было. Во-первых, сведения эти чисто служебные. Во-вторых, мне кажется, ваше прошлое — это действительно ваше прошлое. Мы не собираемся портить жизнь людям. Нам приходится вмешиваться лишь тогда, когда это необходимо. Карантинные меры, разумеется, неприятны, но заразная болезнь еще хуже.

Замолкаю и закуриваю, ожидая, пока Денева уйдет.

— А мне можно закурить? — вдруг спрашивает она.

— А почему бы и нет. — Я подаю ей пачку «Слънца».

Дора закуривает, искоса смотрит на меня и произносит своим безучастным голосом:

— Извините, иногда на меня находит...

Поскольку я молчу, она продолжает:

— Я подумала, вы можете что-то рассказать Марину. И просто содрогнулась при этой мысли, потому что Марин — единственная преграда, отделяющая меня от прошлого. И если я еще живу, то только ради него.

Свой рассказ Дора сопровождает резкими движениями руки, в которой зажата сигарета. Впечатление такое, будто она чертит короткие отвесные и горизонтальные линии. Я вспомнил подергивающиеся губы Монио. У нее тоже своеобразный тик, вероятно, на нервной почве, но не столь неприятный, как у Монио. Потом рука застывает, голос обрывается, и я думаю о моменте, когда Дора расплачется. Но, к счастью, такие не плачут. Она замолкает.

Я тоже молчу, рассеянно разглядывая застывшую перед столом руку с сигаретой. Рука красивая, сильная, с хорошо вылепленными, длинными пальцами. Рука говорит о многом. Насколько это верно, не знаю, но мне кажется, что я вижу перед собой руку волевого, собранного человека, а досье показывает совсем другое.

— Не волнуйтесь, — говорю я, хотя не улавливаю в ее голосе никакого волнения. — Не вижу причин для беспокойства. А теперь позвольте мне задать несколько вопросов, на которые Марин, как брат Филипа, отвечать отказался, но на которые вы могли ответить вы, если бы настоящий гражданин.

Выражение «настоящий гражданин» на какой-то миг вызывает у Доры скептическую улыбку, но только на миг. Потом она кивает и смотрит на меня своими темными глазами:

— Хорошо, постараюсь ответить.

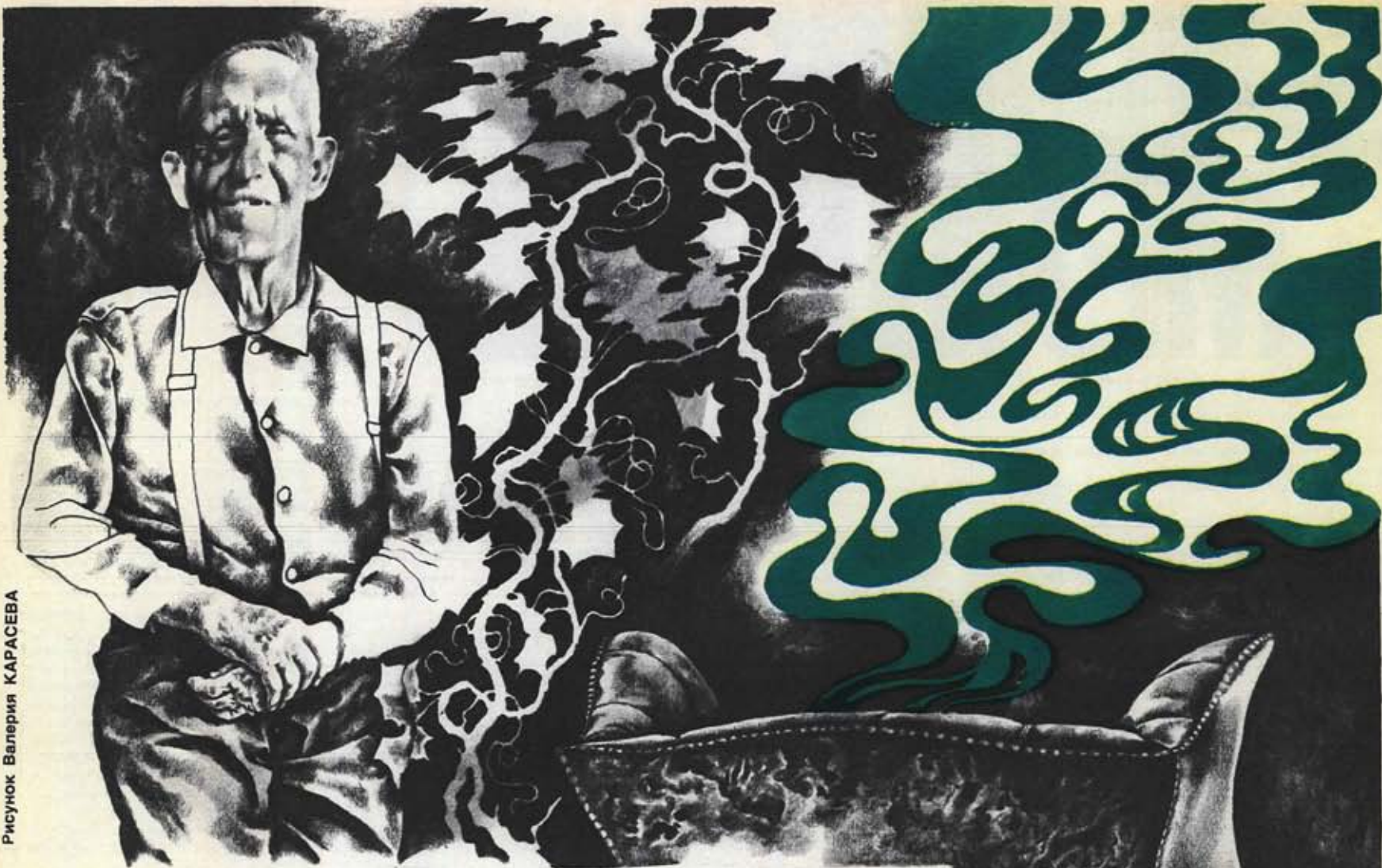
— Прежде всего об отношениях между братьями.

— Их отношения никогда не были хорошими. По крайней мере со стороны Филипа. Марин всегда был к брату великодушным. Взял его к себе, поддерживал материально, когда тот учился, давал свою машину. Но у Филипа все это вызвало скорее злобу, чем благодарность... «Надо просить у него двадцать левов, чтобы он дал десять...» «Надо ему кланяться, чтобы что-то получить... Он благодетель, а я нахлебник...» Такие слова я слышала тысячи раз. И эту ревность, или зависть, или не знаю что он, похоже, носил в себе с детства. С годами это чувство росло. Марин был в доме любимцем, «умным» и «способным», а потом стал «умным» и «способным» в самостоятельной жизни. Известный архитектор, крупные заказы, заграничные командировки... Да и художником-то Филип решил стать из-за желания переплюнуть брата. Но Филипу не повезло, и в конце концов он стал рисовать фирменные знаки и этикетки.

Дора на минуту замолкает, последний раз затягивается и гасит сигарету.

— В сущности, я узнала Филипа, когда он уже закончил учебу. Потом произошла ссора, и Филип переселился в барак.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Какой барак?
 — Домишко у них есть в Симеоново. Раньше там жила их мать, а когда она умерла, поселился Филип.
 — Из-за чего произошла ссора?
 — Из-за денег. Но эти деньги лишь конец целой истории. Как я говорила, Филип не испытывал к брату благодарности, его даже раздражала доброта Марина. Он, казалось, искал повода вывести его из терпения. Ему хотелось доказать, что Марин не такой добрый, как кажется, и его братская любовь — сплошное лицемерие... Все это, конечно, лишь мои наблюдения. Вы не должны на них всецело полагаться. Но ведь вы сами хотели, чтобы я рассказала все.
 Она снова замолкает.
 — Продолжайте, — говорю я. — Рассказывайте так, как вам удобно. Нам торопиться некуда.
 — О том, что я думала, я вам уже рассказывала. Осталось перечислить факты. Филип брал машину Марина, когда ему хотелось, даже не спрашивая брата. Однажды, когда Марин предупредил, что машина ему понадобится по делам, Филип угнал ее и два дня не показывался. Тогда Марин и подал заявление о пропаже. А когда понял, что виноват Филип, взял заявление обратно. В другой раз Филип продал фотоаппарат Марина. Потом вытаскил у него деньги. И, наконец, доллары...
 — Доллары?
 — Да. Марин должен был ехать за границу. Накануне отъезда он положил в пиджак валюту, паспорт, авиабилет. Но Филип встал раньше его и вытаскил половину суммы. Марин этого не заметил. Мы, само собой, понятия не имели обо всей этой истории. И вот наш Филип является торжественно в «Берлин» — тогда вся компания ходила в «Берлин» — и предлагает нам пройтись в «Кореком», чтобы порадовать нас подарками.
 — Щедрый юноша!
 — И правда, он не скупердяй. Только он выкидывал такие штуки не от щедрости, а для того, чтобы выделиться. В этом весь Филип: блеснуть, произвести впечатление, чтобы перед ним все пали... Может быть, эта страсть к эффектам родилась оттого, что он всегда был в тени брата, а может, от характера — дай ему только возможность чем-то блеснуть...
 — И блеснул?
 — Блеснул и... треснул. Марин впервые вышел из себя и, вернувшись домой, сразу предупредил Филипа, что заявит в милицию. Часть денег была из казенных, на покупку некоторых материалов. Марин не смог выполнить это поручение, и получалось, что он истратил эти доллары на себя. Вообще Марин был просто взбешен, и Филип впервые испугался.
 Дора замолкает, вынимает из сумочки пачку сигарет «Кемел», и я понимаю, что мои она курила лишь из

любезности. Она чиркает зажигалкой и дважды глубоко затягивается, как бы набираясь храбрости.
 — А потом?
 — Потом... — Дора замолкает. Молчу и я.
 — Как-то пошли обедать... Тогда мы уже ходили в «Бразилию»... Филип явился, как побитая собака. Он начал говорить, что нужно найти способ вернуть доллары, потому что все мы влипли в скверную историю и теперь вместе должны из нее выкручиваться. Только тогда он объяснил, откуда были эти деньги, и мы, конечно, проглотили языки... И тогда Спас говорит: «Пусть Магда задурит Марину голову...» А Филип отвечает: «Ты не знаешь, что он за человек. Если Дора возьмется за это дело, есть шанс всем нам выкарабкаться». Вначале я подумала, что они просто так болтают. Но когда поняла их план, просто оторопела. Ведь у нас с Филипом все было по-серьезному. Я воображала, что он меня любит и мое прошлое осталось позади... И тогда я сказала ему при всех: «А почему бы и нет. Я пойду. Если я получила на эти доллары шерстяную кофточку, надо расплачиваться». Я подумала, что это его заденет, но он скорее обрадовался, и я сказала себе: «Значит, все равно мне не вылезти из болота, а тогда почему бы и не пойти...»
 Дора снова замолкает, все так же уставившись на свои туфли.
 — Так что я пошла. Конечно, вела я себя подобающе. Разыграла номер точно по сценарию. Говорила Марину, что Филип попал в дурную среду, что сейчас он на грани нервного потрясения. Если ему простить, то положение может поправиться... Марин по натуре своей добряк. Вместо того, чтобы беспокоиться о долларах, он стал беспокоиться о Филипе. Он сказал, что денежные дела сам как-нибудь уладит. Сейчас важно удержать Филипа от непоправимой глупости.
 Она наконец смотрит на меня темным, как бы погасшим взглядом.
 — Вот и все. Остальное, думаю, вам неинтересно.
 — Разумеется. Хочу уточнить лишь одну деталь.
 — Какую?
 — О связях Филипа и вашей компании с иностранцами вроде Асенова...
 — Лично мне известно лишь о двух связях.
 — А именно?
 — Одна с Асеновым. Филип не на шутку решил женить Асенова на Магде.
 — С какой целью?
 — Трудно сказать. Может быть, чтобы оторваться от Магды. Или обеспечить себе приглашение в Мюнхен. Или добыть доллары. Не знаю!
 — А вторая?
 — Вторая, или, точнее, первая, с одним австрийцем — Кнаузом. Возможно, у того тоже была связь с Магдой. Но скорее отношения Филипа с Кнаузом держались на выпивках — бар

«Плиска» и прочее. Филип нравился австрийцу, тот пригласил его в гости в Вену. И одно время Филип и вправду начал добывать себе заграничный паспорт...
 — Что-то предпринимал в этом отношении или только собирался?
 — Он хотел, чтобы паспорт достал брат. Но на этот раз Марин был тверд. Это озлобило Филипа окончательно, и кража долларов последовала вскоре после истории с паспортом.
 — А почему Филип сам не обратился за паспортом?
 — Именно тогда произошла осечка у Спаса. Спас хотел поехать в Югославию. Филип подучил его, он смотрел на поездку Спаса как на пробную операцию. Но у Спаса сорвалось, и Филип отложил дело до лучших времен.
 — Ясно. Благодарю за откровенность. И простите, если я вас замучил.
 Дора встает, устало кивает и, не глядя на меня, уходит.
 Да-а, все эти истории дают богатый материал для изучения характеров, но с точки зрения порученного мне дела не очень-то полезны. Особенно если учесть, что время поджимает, а все мои находки далеки от центра. А центр, как вы догадываетесь, — там, на пятом этаже, в уютной квартирке, где на широкой тахте застыла вопросительным знаком человеческая фигура.

Люди, даже самые искренние, иногда чудовищно преувеличивают недостатки своих ближних. Говоря философским языком, происходит весьма субъективное отражение объективных вещей. И потому чем больше минусов скапливается

* Валютный магазин в Софии.

БЫЛО НА

Гарий НЕМЧЕНКО

Самую первую улицу в нашем поселке назвали Горьковской. Почему? Да потому, что «от колышка» начинали на Антоновской площадке ребята из Горького. Это они потом упорно не хотели обменивать паспорта, в которых там, где положено быть прописке, стоял штамп: «Палаточный городок. Палатка номер...»

Вслед за ними приехали рязанцы, москвичи, а потом, когда начался разворот, из каких только краев не повалил на стройку молодой народ—добровольцы,—и любопытно стало среди знакомых и незнакомых тебе ровесников отыскивать земляков, была за этими поисками своего рода гордость: и без нас, мол, тут дело не обошлось—знай наших!

Я, когда ходил по стройке, когда разговаривал в бригадах, тоже все ревниво выспрашивал: «А с Кубани кто-нибудь есть?» Делал это, наверное, не без упорства, потому что однажды подошел ко мне чернявый хлопек, высокий и симпатичный, и, дружески посмеиваясь, сказал: «Где тут стать на учет? Шевченко. Николай. Из Краснодара».

Было это лет четырнадцать, а то и пятнадцать назад. Работал он тогда слесарем в монтажной бригаде, которая строила чуть ли не самый большой по тем временам пусковой объект—вторую котельную на промбазе. Настоящая стройка тогда, считай, только начиналась, до порядка было далеко вато, и монтажники, народ наиболее организованный, не раз и не два приходили в комсомольский штаб—подтолкнуть дело. Тут-то однажды и попросили Шевченко задержаться дольше остальных, и секретарь парткома Белый, по привычке щурясь, заговорил: «Нравится мне, слушай, как ты их критикуешь, наших комсомольских вожakov. Очень по делу. И вот тут такая мысль напрашивается: а может, тебе такое партийное поручение—помочь ребятам практически?» И Коля Шевченко стал вторым секретарем комитета комсомола на нашей стройке.

Работал он хорошо, но надежд все же не оправдал: через два года не только сам вернулся в родное свое управление, но еще и увел за собой трех боевых комсоров—Колю Тертышниково, тоже кубанца, белоруса Сергея Шклянко, сибиряка Валерия Романова. Так у монтажников появилась новая бригада—«комсоровская». Возглавил ее Коля.

Теперь-то об этой бригаде рассказывают легенды. Ну, как же—историческая бригада. А на первых порах не обходилось без анекдотов.

Уж если решили ребята и себе и всем другим доказать, что работать могут не только языком, марку надо держать. А опыта никакого, монтажник со стажем—один бригадир. Кто-нибудь не получилось в «комсоровской», и соседи начинали пошучивать: «А со зносами как? Может, все дело в этом? Не уплатил кто, потому-то балка на место и не становится?»

Один бригадир, из тех самых через «Крым и Рим» прошедших монтажных волков, как-то рассказывал, как у него испытывают новичков: «Махнул всем шабашить, сидим, курим. Потом кому из старичков: ты бы пока убрал из прохода этот швеллерок! А швеллерок—будь здоров. Если новенький подскочил, кинулся помогать—все, братцы, это наш! А если сидит как ни в чем, лясы точит да только глядит, как его товарищ тужится—на том и спасибо. Даже если и родился на высоте—толку не будет...»

Колыны ребята тоже считали, что главное—чувство локтя. И помогали друг другу не только поднять да перенести—помогали разобратся и в основах нелегкой монтажной науки и в ее хитростях. Когда здесь кричали «давай сюда!», это не всегда означало, что нужно подставить свое плечо—просто тебе хотели показать, как и что делается.

А в часы вынужденного безделья хлопцы из «комсоровской» доставали из карманов мел...

Тут надо сказать, что была тогда на Антоновской площадке мода на игру в шашки. Чем тебе неудобно—таскать их с собой не надо. На стальном листе начертил поле, вместо пластмассовых кружков—гайки. Уголок не подвезли, не дали кислорода, ток отключили—садись играть. То ли у монтажников, считавших себя на стройке аристократами, это был признак хорошего тона, а то ли выражение крепости духа: ничего, мол, нас и этим не возьмешь. Чем хуже дела на производстве, тем выше мастерство у шашкистов. Готовим смену чемпионам...

Так вот Колыны ребята доставали мел не только затем, чтобы тоже готовить эту самую достойную смену. Сам Шевченко с заочного отделения Краснодарского политехнического перевелся на вечернее в Сибирский металлургический институт в Новокузнецке. За ним на отделение промыш-

ленного и гражданского строительства пошли туда Тертышников, Шклянко, Романов. Все остальные в бригаде учились в индустриальном техникуме: Толя Шаталов, Николай Семенов, Саша Косарев, Михаил Лыткин.

Бывало, молодой прораб монтажников, сам недавно окончивший институт, прежде чем посмотреть на качество швов в бригаде у Шевченко, брал у кого-либо мелок и принимался проверять густо написанные на стальном листе формулы или поправлять чертежи...

Постепенно карабкалась «комсоровская» все вверх и вверх, и на монтаже первой залесибовской домны ей уже доверяли работу, которая по плечу далеко не каждой бригаде. Здесь она получила боевое крещение, и те, кто знает, что такое горячий предпусковой период на большой сибирской стройке, поймут, что в слове «боевой» преувеличения, надо сказать, не очень много.

Мне все вспоминается один эпизод из жизни бригады в те дни...

О Колиных ребятах тогда уже писали газеты, их приезжала снимать кинохроника. Сам бригадир только что побывал на Всесоюзном совещании строителей, а потом с одной из самых первых молодежных делегаций уехал в Соединенные Штаты. Вернувшись, рассказывал о заморских чудесах, о том, как принимали русских, о чем спрашивали. Несколько дней Коля прожил в семье у господина Бемана, владельца небольших автомастерских в городе Реддинге, и все от мала до велика родственники гостеприимного хозяина то и дело возвращались к разговорам о «холодной Сибири»: «А вы, мистер Шевченко, действительно приехали туда по своей воле? И это правда, что можете уехать, когда вам только захочется?»

Наша многотиражка напечатала очерк о Шевченко, и мы не удержались от искушения тоже назвать Колю «мистером»... А дела в Колиной бригаде как раз в этот момент были не очень. «Комсоровской» поручили монтаж доменной пушки, и пушка, что называется, «не пошла». От нее не отходили ни днем, ни ночью, каждый узел собирали и разбирали по несколько раз. В третью смену, когда народу на домне почти не было, пушку «заряжали» огнеупорной глиной, пробовали «выстрелить», но глина выпадала рваными ошметками, и ее тут же уносили куда подальше—чтобы и следов не осталось.

Кто-нибудь из старых монтажников нет-нет да и подначивал Колю: «Тут голова нужна! Это тебе, мистер Шевченко, не по Америке развезжать!»

До пуска домны оставались считанные дни, а у ребят по-прежнему не клеилось. После каждой неудачной пробы начинался горячий разговор: перебирать узлы еще раз или...

Я тогда переживал за ребят, навещался к ним чаще обычного. А они, видно, нуждались в участии—встречали всегда, как своего.

А тут однажды прихожу, а они и не смотрят, некогда. Около пушки кипит работа, и командует всеми щупленький дедок в очках со стальной оправой. Пробую Колю отвести в сторону: кто такой? А он высвобождает локоть: ты приди завтра. А то дед страсть как не любит, если кто прохладается!

Назавтра я появился в бригаде чуть свет. Ребята уже работали. А в уголке, ткнувшись седенькой головой в свернутую брезентовую робу, спал на тельогрейках вчерашний дедок. Бока его еле заметно двигались под синей рабочей курткой, на новеньких, только со склада, просторных штанах виднелась написанная мелом цифра «14».

Я к Коле: «Так кто у тебя под этим номером?» Он рассмеялся: «О, этот игрок еще тот!» Стал рассказывать.

Щупленький дедок, оказалось,—старый доменный механик, еще из тех, из кузнечествовских ветеранов. В конце войны поехал на восстановление в Липецк да там и остался. Недавно вышел на пенсию. Садик завел. В садике—малину. А сын у деда на Антоновской площадке. Обещал привезти на лето внуков, да не собрался, он тоже по доменному делу, а на носу—пуск. И тогда дед сам поехал за внуками. Телеграмму давать не стал, хотел обрадовать неожиданно. А тут ткнулся в квартиру—дверь на замке. И дед оставил чемодан у соседей, сам сел на электричку, поехал на стройку посмотреть: а какая она, первая домна на Антоновской?

Здесь и наткнулся на Колыных ребят, которые горевали около своей пушки: «Что, сынки, не выходит? А ну-ка, ну-ка...» Засучил дедок рукава, давай копать. Испачкал маслом рубаху. Тут Коля и послал кого-то из своих хлопцев на склад за спецовкой...

Я кивнул на спящего дедка:

— А с утра опять тут?

— Да он куда не уходил,—негромко говорил Коля, все продолжая улыбаться.—Уже, небось, по всей стройке ищут, если соседи про чемодан сказали... Ему уже лет-лет, а заводной. Настырный—старая школа! Сначала не получа-

Продолжение. Начало в №12, 13.

Записки...

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

лось, так он тут всех заставил вертеться. В полночь говорим: может, сходить бы перекусить, пока буфет не закрыли? Идите, говорит, а я останусь, еще помозгую. Остались мы с ним вдвоем, а наши хлопцы сюда кефиру да пряников... Поели—давай по новой. Только полчаса назад и прилег.

И несколько дней подряд потом дедок появлялся в бригаде Шевченко к началу смены. Потопаливал ребят, показывал грозные телеграммы из дома, требующие доставить внуков немедленно, потому что отходила уже в Липецке пенсионная дедова малина...

А на второй записовской домне бригаде Николая Шевченко поручали самую ответственную работу. И переживать за монтажников уже не приходилось. Не такие стали они ребята, чтобы за них беспокоиться. Это уже мастера были. Признанные асы.

Бригадир «комсоровской» после пуска второй печи уже прочно ходил в орденносоцках: к «Знаку Почета» у него теперь прибавилось Трудовое Красное Знамя.

Оглядываясь, вижу Колю с этими двумя его первыми наградами, которые по праздникам в целях поднятия авторитета монтажников руководство треста приказывало надеть категорически... В черном польском костюме—как-то однажды их завезли в наш не избалованный причудами моды поселок, и от радости, что можно наконец что-то купить, монтажники брали их пачками—на комнату в общежитии, на всю бригаду... В сияющих, приобретенных по случаю заокеанской поездки штиблетах. В ослепительной белой рубашке. При галстуке... А главное, вижу совсем еще молодым и, шут его побери, без всяких этих—красивым: с белозубой улыбкой, с обаятельнейшим смешком в темно-карих глазах, прикрытых, когда шурится от дымка сигареты, по-девичьи длинными ресницами. Не бригадир, и правда,—невеста на выданье...

И «сосватали» Колю сперва на должность заместителя начальника родного его управления, а потом, когда поднаторел и опыта поднабрался, когда окончательно поставил руководящий голос и обмыл, наконец, бессонными ночами да праведным потом добытый свой инженерный диплом, предложили ему это управление возглавить. Второе Новокузнецкое монтажное управление треста «Сибметаллургомонтаж»—самое крупное на Антоновской площадке.

А что «комсоровская»?

Три года после того, как Шевченко, основатель этой бригады, ушел в контору, возглавлял ее Николай Тертышников.

Два тезки, два земляка, два закадычных друга. Два старых моих товарища, так в чем-то схожих и вместе с тем таких разных.

Оба типичные южане—хоть смуглыми не назовешь, все-таки угадаешь на щеках оставленный щедрым кубанским солнцем еле уловимый оттенок. Оба чернобровые, оба с выразительными лицами, только у Коли Тертышникова, который поменьше ростом, мягче и черты, и взгляд, и голос—все вместе это создает ощущение и доброты и будто бы какой-то особенной задушевности... А может быть, пишу это потому, что вот уже столько лет таким знаю Тертышникову?

Комитет комсомола стройки и наша редакция были рядом, мы часто забегали друг к другу и посоветоваться, если что, и просто парой слов перекинуться. Коля Тертышников однажды пришел и возмущенный, и явно расстроенный. Сидел, говорит, у себя за столом, когда в кабинет вошел средних лет мужчина, оглянувшись, достал тугую, перевязанную шнурком от ботинка пачку денег. Двинул ее пальцем по столу: «Тут пять сотенных. А ты мне талон на «ижачка» с коляской...» «Вы куда пришли?»—спросил Коля.

По лицу у мужчины скользнула тень, быстро взял пачку, сунув ее в карман, отошел к двери, приоткрыл, посмотрел на табличку. Потом сказал с облегчением: «Ну, правильно,—комитет комсомола!»

«В том-то и дело, что комитет»,—смирно сказал Коля. Когда тот, так, пожалуй, ничего и не поняв, удалился, Коля не выдержал, пошел к нам душу отвести. «Понимаете, братцы,—оправдывался тоскливо.—Что-то со мной такое случилось... Надо бы выйти из-за стола да по физиономии, а я ему—вы!.. Вы!..»

Я и сейчас хорошо представляю, как он разговаривал с тем человеком, с каким-нибудь куркулем из пригорода, солёными огурчиками да капусткой снабжавшим наш крошечный поселковый базарчик... Представляю, какой у Коли тихий был голос, какое чуть ли не виноватое лицо—ему Наверняка было стыдно, как это бывает в таких случаях с совестливыми людьми...

И неторопливый и немногословный Тертышников рядом с

энергичным и порывистым своим другом в чем-то проигрывал. Слава к нему, прямо сказать, не спешила. Трудовую биографию Николая Петровича Шевченко и впрямь уже пересказывали на пионерских сборах—такая она была поучительная и такая и в самом деле для нашей стройки типичная. А Тертышников оставался как бы в тени. А ведь он и членом обкома партии был много лет подряд и ездил потом делегатом на Двадцать четвертый съезд. Однако хлопотать насчет квартиры за него ходили друзья, а в институте так и не узнали, что академический отпуск дважды он брал в общем-то не по состоянию здоровья, хоть в те годы прибаливал, а из-за того, что общественных дел было у него невпроворот.

Может быть, тут дело в том, что по тем же ступенькам, по которым поднимался Шевченко, друг его шел уже вторым?

Тут опять приходится вспомнить Ивана Григорьевича Белого: это он уговорил Тертышникова перейти из бригадиров «Сибметаллургомонтажа» в заместители начальника управления «Сибстальконструкции»—по традиции это была должность неосвобожденного секретаря партийной организации.

Первый раз я попал на площадку второго конверторного цеха на Записе, когда вокруг полным ходом еще шли нулевые работы, а главный корпус не имел пока ни крыши, ни стен—здесь были только высокие колонны да плиты перекрытия.

Новая стройка, которая началась тут уже без меня, казалась теперь и такой знакомой и как будто уже чужой. С любопытством посматривал я на бетонщиков, которые внизу снимали опалубку с подлитых опор под колонны, издали вглядываясь в лица идущих навстречу ребят в монтажных касках, но приметку своего давнего с Записом родства увидел вдруг у себя под ногами—на стальной ферме, лежащей сбоку от подкрановых путей, мелом было неровно выведено: «Рабец».

И я остановился, глядя на эту ферму, и почувствовал, как губы мои невольно расплываются в улыбке...

Еще на подступах к самым первым цехам Записи стояли тепляки, помеченные фамилией знаменитого теперь бригадира из треста «Сибстальконструкции», она мелькала потом на плакатах и «молниях» доменной номер один и номер два, она не сходилась с лозунгов на строительстве первого конверторного, но здесь, в этих кривых загогулинах, была как будто первооснова громкой славы, был тот рабочий адрес, по которому можно найти невысокого и коренастого крепыша Мишу Рабеца и крепко трянуть руку, и услышать глуховатый, словно застенчивый голос: «Да как живем?... Вроде бы, как всегда, потихоньку».

У Рабеца я и встретил Тертышникова. Вместе еще постоили с монтажниками, которые, конечно же, не упустили случая побалагурить на мой счет: а как же, мол,—известное дело, что лучше маленький прокатный пункт в Сочи, нежели большой прокатный стан на Записе... А потом пошли по бригадам дальше, и Колю то и дело окликали, зачем-либо останавливали.

Симпатичный парень в ладно сидевшей робе, сделал нарочно строгие глаза, спросил озабоченно:

— Вопрос по международному положению можно?

Я даже ладошку к уху приложил, чтобы этот самый вопрос расслышать получше, а монтажник дружески разулыбался во все лицо:

— Премия, Николай Семенович, когда? Или...

И глянул вверх, словно проследил за улетающей птичкой. «Саша Богданов»,—рассказывал Тертышников, когда, переступая через шланги, мы пробирались дальше.—Потомственный монтажник. Старший брат, Виктор, сейчас в Ульяновске, а он тут, у Агаркова. Рабец в прошлом месяце дал на одного человека шестьсот восемьдесят два килограмма в смену... Нет, ты прикинь, ты только прикинь! А эти и его обошли. Семьсот шесть! Это, скажу тебе, надо потрудиться...»

Затем нас окружили несколько человек, разговор пошел обо всем сразу, и невысокий парень, под брезентовой курткой у которого вместо пояса виднелся медицинский жгут из аптечки, сказал, словно продолжая какой-то давно начатый разговор:

— Ленина, между прочим, читаю...

— А ты не между прочим,—откликнулся Тертышников.—Ты повнимательней...

— Ну, это к слову. А так—с карандашом сижу. Так что, Николай Семенович, готовься!

— Только ты читай не с той точки зрения: что мне, Стригунову, выгодно, то запомнил, а остальное меня уже не касается. Думай о том, что нам всем выгодно.

И тот сдвинул кепку на глаза и посмотрел на Тертышникову с долгим таким прищуром.

Другой, помоложе Стригунова, все ждал, пока выдастся момент вставить слово, торопливо теперь спросил:

— Коблев остался в списках, Николай Семенович?

— Да вроде бы.

— А если точно?

Его стали подначивать:

— Еще и точность подавай! Тут надо разобраться, на какие деньги покупаешь...

— Давай-ка нам честно.

Парень пытался скрыть смущение:

— Ну, не без того, конечно,—ее родители пообещали помочь...

— Короче—теща?

Этот совсем расстроился, и кто-то, видно, пожалел:

— Нет, Николай Семенович, тут без дураков—«жигуль» нужен. Человек в техникуме. Он третий год уже на перекладных. Электричка в поселке делает остановку, он выскакивает—и в такси. До города—кто быстрее. Чтобы еще успеть переодеться да то-се...

Я не удержался:

— И намного быстрее электрички?

Тот сказал теперь с гордостью:

— Тридцать минут—мой!

— Тогда можешь считать—точно!—улыбнулся Тертышников.

Потом мы поднялись на самый верхний ярус, на краю бетонной площадки стояли, как на палубе огромного корабля, какого-нибудь современного «супера», смотрели на стройку. Внизу рядом с главным корпусом несколько бульдозеров утюжили черный пятячок земли, чуть поодаль виднелись и котлованы с фундаментами самой различной формы, и нитки толстых тоннелей в глубоких траншеях, и кирпичные коробки вспомогательных служб. Тут и там вились серые петли дорог, по которым мчали юркие самосвалы и медленно тянулись неуклюжие трейлеры, а за дорогами, за путаницей подземных коммуникаций вырастали из марева тронутые заходящим солнцем корпуса и заводские трубы, густой дым над которыми был оторочен золотой солнечной кромкой.

— Ну, так что?—спросил я у Коли Тертышникова.—И ты, значит, в эксплуатацию?

Он рассмеялся:

— Откуда это тебе?..

— Из первоисточника.

Рано утром я ехал на промплощадку с Иваном Григорьевичем, и он первым рассказывал мне новости, отвечал на вопросы об общих наших друзьях. Это от него я уже знал, что Шевченко на стройке нет—которую уже неделю сидит в Темиртау, где несколько бригад из его управления помогают пустить прокатный стан. Когда тут же заговорили о другом Коле, о Тертышникове, Белый, словно о чем-то вспоминал, качнул головой, и взгляд у него сделался не то чтобы хитроватый, а какой-то словно и меня куда-то заманивающий.

— Говорю ему: ты в «Стальконструкции» уже давно партийную работу наладил и уходить оттуда можешь с чистой совестью. Давай к нам! Пока вы строите, мы ведь тоже не сидим сложа руки. Создать на конверторном хороший коллектив—разве не важно? Партийная организация там уже есть, пока, правда, небольшая: всего двадцать два коммуниста, да ведь лиха беда—начало... Пойдешь, говорю, секретарем бюро на конверторный?

Замолчал, и лицо у него было такое, что будто и не собирался продолжать разговор.

Я ему напомнил:

— А он?

Белый как будто не расслышал моего вопроса, все думал, потом опять качнул головой и улыбнулся:

— А вообще, слушай, я бы ему дал выбрать. В любой цех взял, в какой бы ни попросился...

Тут надо знать Белого, чтобы понять: вот ведь какая этому Тертышникову честь.

Там, в парткомовской «Волге», я, правда, поворчал насчет того, что вот, мол, некоторые не только сами изменили строительному делу, но еще и кадры, понимаете, на завод переманивают... И у Коли Тертышникова тоже спросил теперь не без сожаления:

— Ну, так и что ты ему в конце-то концов?

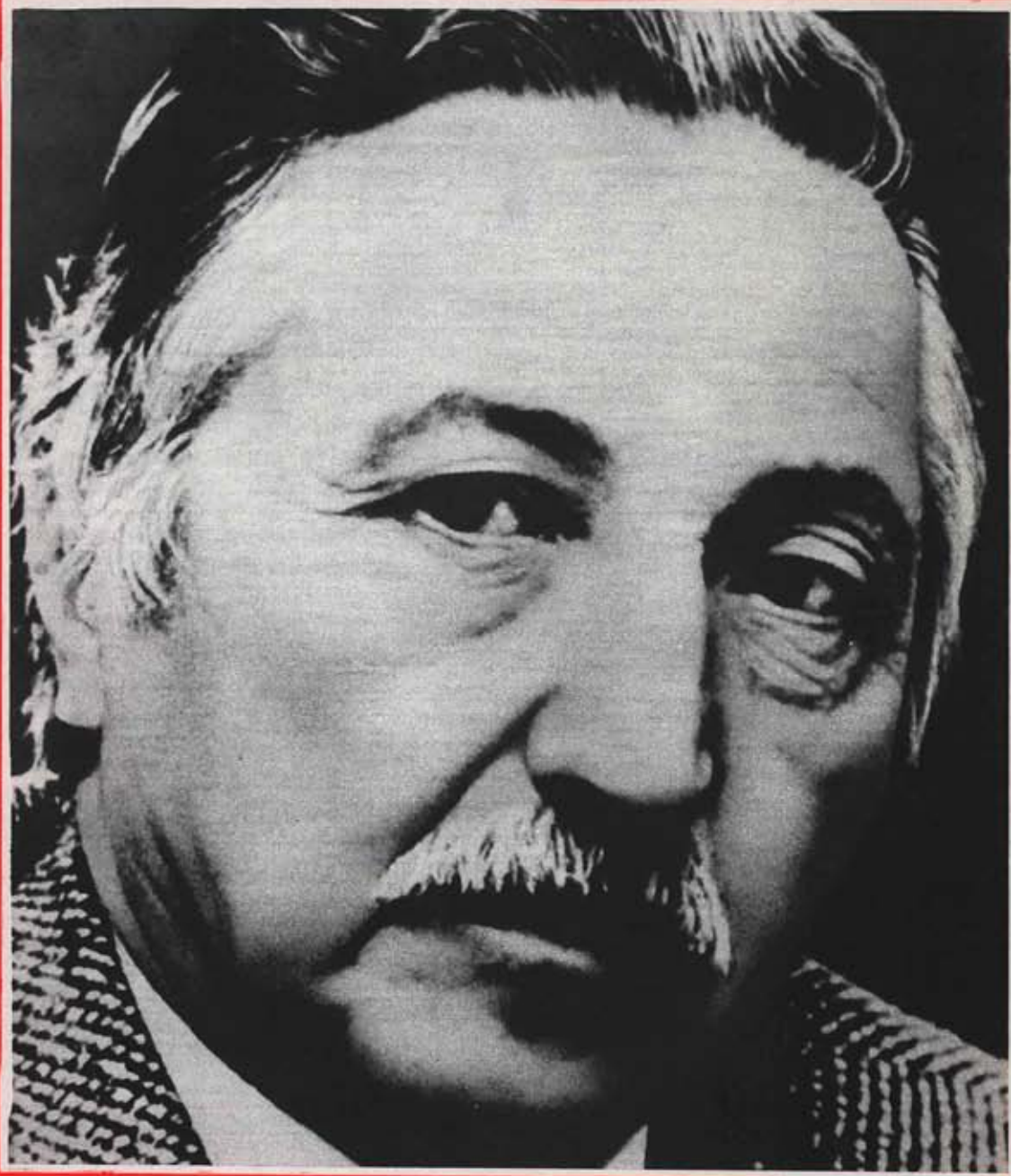
Коля мягко улыбнулся, и глуховатый его голос стал задумчивей:

— Знаешь, если бы кто сказал мне об этом пару лет назад... когда я сидел над «госами», я бы рассмеялся ему в лицо. Да ты что, сказал бы, сумасшедший? А теперь... сам с ума сошел—надумал поступать в юридический. Потому что сопромат сопроматом... А слышал, что сказал Стригунов: ты,

Ж
З
А

ИЗНЬ
АМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЮДЕЙ.

Эдуардо ЛАБАРКА,
ЧИЛИЙСКИЙ ПУБЛИЦИСТ

КОММУНИСТ Корвалан

В сентябре Генеральному секретарю Компартии Чили Луису Корвалану исполнится 60 лет. Его день рождения — 14 сентября. А через две недели — 27 сентября — три года с того дня, как он был схвачен шайками военно-фашистской хунты в Сантьяго.

Здоровье и сама жизнь Луиса Корвалана в постоянной опасности. Но тяжелые испытания не поколебали стойкости его духа.

Сейчас хунта держит Луиса Корвалана в концентрационном лагере Трес-Аламос, который расположен неподалеку от Сантьяго. Здесь, как и в других

чилийских концлагерях, в небо врезаются сторожевые вышки. Здесь на пути к горизонту повисли ряды колючей проволоки. Здесь начеку вышколенные охранники, которым отдан приказ — убивать любого заключенного при малейшем движении, которое покажется подозрительным.

До того как фашисты превратили Трес-Аламос в концлагерь, здесь был женский католический монастырь. Крошечная камера — бывшая келья, в которой теперь содержится Луис Корвалан вместе с двумя другими политзаключенными, когда-то была жилищем одной-единственной монашенки.

Всю свою жажду к чтению и стремление к знаниям, присущие ему с детства, Луис Корвалан вложил сейчас в изучение истории, политэкономии, агрономии, литературы. Он начал заниматься иностранными языками. Первые два с половиной года заключения Корвалан посвятил изучению французского языка. Сейчас учит английский.

Сегодня, когда свое шестидесятилетие он вынужден отмечать в условиях тюремного заключения, можно с уверенностью сказать, что Луис Корвалан сумел блистательно продолжить традиции многих коммунистов, которые на протяжении всей истории демонстрировали стремление использовать труднейшие условия заключения, каторги для пополнения своих знаний, для того, чтобы в будущем отдать все свои силы борьбе во имя народа.

Когда Луиса Корвалана арестовали, волосы его были иссиня-черными, лишь кое-где тронутыми седой. Сейчас, рассказывают те, кто еще несколько месяцев назад видел его в лагере, он совсем седой.

Когда его арестовали, у него было прекрасное здоровье. Во дворе своего домика в Сантьяго он любил колоть дрова. Это был его любимый отдых — одновременно зарядка мускулам и воспоминание о детских и юношеских годах, когда в деревне ему много приходилось заниматься тяжелым физическим трудом.

Теперь здоровье Корвалана подорвано. Он страдает от болей в позвоночнике, от хронического артрита суставов. Кроме того, у Корвалана резко обострилась язва желудка. Голод и недоброкачественная пища, отсутствие медицинской помощи, долгие месяцы заключения в одиночках и в тесных, зловонных камерах не могли не сказаться на здоровье мужественного революционера.

Особенно большой ущерб здоровью Корвалана и других руководителей Народного единства, которые разделили с ним все тяготы заключения, нанесли месяцы, что пришлось им провести на острове Досон, на одной из самых южных территорий земного шара, неподалеку от Антарктиды, в Магеллановом проливе.

Здесь он пробыл бесконечные восемь месяцев — с октября 1973-го до мая 1974 года. Охрана местного концлагеря, исполняя прямой приказ хунты, установила режим, направленный на физическое уничтожение заключенных.

Ураганный, холодный ветер дует на остров с Южного полюса все 24 часа в сутки.

На работу в лагере выходили все: не признавались никакие болезни. Охранники получали воду, которую доставляли на остров специальные суда, а заключенные вынуждены были пить гнилую воду из грязного источника. Самых ненавистных для фашистов заключенных, среди которых первым был Луис Корвалан, охрана посылала на наиболее тяжелые и изнурительные работы. Их заставляли грузить громадные стволы деревьев, втаскивать на вершину холма тачки, груженные огромными валунами.

Всего этого, несомненно, с избытком хватило бы для того, чтобы сломить волю слабого духом человека. Но только не Луиса Корвалана. Длительное заключение, болезни, тяжелые душевные травмы — такие, как известие о смерти сына Луиса Альберта, перенесшего ужасные пытки в фашистских застенках, — ничто не смогло поколебать волю к борьбе негибаемого революционера.

Об этом рассказал итальянский журналист, который чудом получил возможность кратко побеседовать с Луисом Корваланом несколько месяцев тому назад.

Заявление руководителя чилийских коммунистов, опубликованное в итальянской газете «Корriere делла sera», свидетельствует, что дух Луиса Корвалана не сломлен. Он использовал представившуюся возможность для того, чтобы еще раз гневно и решительно осудить злодеяния хунты. Он выразил протест против ареста верных сынов чилийского народа, коммунистов и профсоюзных деятелей Виктора Диаса, Марио Саморано, Хорхе Муньоса, одного из самых видных вожаков чилийского комсомола Хосе Вайбеля и других. Хунта арестовала патриотов в начале года и с тех пор хранит зловещее молчание, не признавая вопреки доказательствам даже самого факта их ареста.

— Весь мир должен знать, что в Чили палачи продолжают действовать так же активно и с такой же разнузданностью; как и в первые дни после переворота, — заявил Луис Корвалан итальянскому журналисту.

Услышав эти слова, находившийся рядом другой политзаключенный осторожно напомнил руководителю партии коммунистов Чили, что подобные слова могут повлечь за собой репрессии. Но Луис Корвалан вновь повторил свое заявление, сказав, что надо использовать любую возможность для

того, чтобы разоблачать преступления фашистской гирани.

Итальянский журналист попросил рассказать об условиях, в которых тюремщики держат самого Корвалана. Но он отказался говорить о себе. Его мысли и сердце были переполнены болью за судьбы товарищей, политзаключенных, которые гибнут в застенках хунты, болью за страдания всего чилийского народа.

— Сегодня, — сказал Луис Корвалан, — самая большая боль — это боль из-за страданий, выпавших на долю народа.

Трудящиеся, представители демократических сил, молодежь всего мира требуют немедленного освобождения Луиса Корвалана. Плакаты и фотографии, на которых изображен, как всегда, спокойный Луис Корвалан, можно видеть по телевидению, на страницах газет и журналов, на экранах кино, на стенах зданий, во всех уголках земного шара, на всех континентах.

Каждый человек доброй воли знает, что Луис Корвалан — самый выдающийся революционер в когорте тех, кого держат в застенках чилийские фашисты, знает, что это любимейший народом революционный деятель Чили, что он относится к числу самых видных руководителей коммунистического движения в Латинской Америке и во всем мире.

Жизнь Луиса Корвалана проста и прекрасна, как жизнь всех революционеров.

Он родился на юге Чили, в городе Пуэрто-Монт. Его отец был учителем начальной школы. Всю свою жизнь он посвятил обучению деревенских ребятишек. Мать Луиса — крестьянка из очень бедной семьи.

Это с раннего детства и на всю жизнь определило самые характерные черты личности Корвалана. В детстве он познал все тяготы работы пахаря. Он помогал родителям сеять, выращивать и убирать хлеб, узнал цену пота и мозолей земледельца, цену труда человека — творца всех богатств. Позже, став взрослым человеком, Корвалан, не имея средств для приобретения жилья для семьи, вместе с женой Лили своими собственными руками буквально по кирпичику построил дом, в котором он и жил до ареста его хунтой.

Но вернемся к юности Корвалана.

Вскоре отец Луиса был переведен на работу в другой город — Томе. Здесь к этому времени уже появились крупные текстильные и ткацкие фабрики, сюда в поисках заработка приходили юноши и девушки, покидая деревенские места. Здесь, как и во многих других городах Чили, формировалось ядро рабочего класса страны. Вместе с горняками и трудящимися других промышленных отраслей текстильщики вступили на путь организованной борьбы за свои права — в рядах профсоюзов, а затем и политических организаций.

В среде рабочих и крестьян Луис чувствует себя в своей стихии. Здесь он впервые услышал из уст взрослых чудесный рассказ о том, что где-то на другом конце земли, в далекой России, трудящиеся взяли власть в свои руки, чтобы покончить раз и навсегда с эксплуатацией человека человеком, чтобы завоевать счастливое будущее себе и своим потомкам. Там, в Томе, когда ему было еще совсем немного лет, он впервые услышал имя человека, который привел русский пролетариат к победе, — имя Владимира Ильича Ленина.

В семье учителя нужно было учиться. Луиса Корвалана посылают в педагогическое училище города Чильян, чтобы он смог стать преподавателем начальной школы.

Изучение истории Чили и других стран, участие во всех хлопотах и заботах студенчества, размышления над уроками борьбы, которую развертывают горняки селитряных рудников и угольных шахт, — все это оказало решающее влияние на формирование убежденного революционера.

В 1922 году группа самых выдающихся руководителей рабочего движения Чили основала коммунистическую партию. Эту группу возглавлял рабочий-типограф, имя которого приобрело вскоре международную славу, — Луис Эмилио Рекабаррен.

Здесь же, в городе Томе, где Луис жил вместе с родителями, сапожник по фамилии Пальма привлек его к работе в партии.

Вскоре в педагогическом училище, где занимался Корвалан, образуется организация коммунистической молодежи. Сюда и направляет партия молодого Корвалана; здесь он проходит первые классы великой школы политической борьбы. Здесь закаляется его революционная решимость и страстность, окончательно формируется сознание активного борца партии.

Те, кто знал Луиса Корвалана в эти годы, вспоминают смуглого, худощавого, небольшого роста юношу, которого отличала неумная, кипучая энергия.

Его лицо всегда освещала улыбка, глаза были неизменно исполнены самого живого интереса ко всему, что происходит, к каждому, с кем ему приходилось встречаться на житейских дорогах.

Это были годы, когда фашизм начал наступление в Европе, когда он пытался поднять голову и в Латинской Америке, в частности в Чили. В стране предпринимались попытки создать «штурмовые отряды» в нацистском духе. Но коммунистическая партия, социалисты, радикалы, другие демократические силы были начеку.

В антифашистской борьбе этих дней выдающуюся роль играют молодые чилийцы и особенно Коммунистическая молодежь.

В сентябре 1937 года со всех концов страны на мощный антифашистский форум съехались представители чилийской молодежи. Ими движет благородная решимость отразить наступление фашизма в Чили. По решению форума создается Освободительный союз молодежи, организация, которая с каждым днем приобретает все больший авторитет среди широких слоев населения страны.

Луису Корвалану 20 лет, но он уже завоевал признание как один из самых видных руководителей новой организации.

Он ездил по стране, призывая чилийцев к солидарности с героическим народом Испании, борющимся против фашизма. Он публикует многочисленные статьи в молодежных изданиях. Изучает и пропагандирует героические подвиги руководителя вооруженной борьбы индейцев мапуче Лаутаро против испанских конкистадоров-завоевателей, призывает молодежь брать пример с Бернардо О'Хиггинса, Мануэля Родригеса и других борцов за независимость Чили. Он рассказывает о героической деятельности Луиса Эмилио Рекабаррена, возглавившего движение чилийских рабочих. Высоко несет знамя интернационализма, указывая как на образец на борьбу рабочего класса и всего народа России. Корвалан призывает чилийскую молодежь выступить в защиту Советской республики, родины трудящихся всего мира.

Он находит время для того, чтобы создавать различные художественные и спортивные молодежные организации. И пишет небольшие произведения для театра, используя исторические мотивы для того, чтобы привить юным чилийцам верность революционным и освободительным традициям.

Луис Корвалан начал работать учителем в начальной школе. Однако вскоре его увольняют за участие в общенациональной забастовке преподавателей.

И тогда он принимает решение, которое определило всю его жизнь, — посвятить себя полностью, до последней капли крови, до последнего дыхания революционной борьбе. Его единственной профессией отныне становится революционная борьба в рядах коммунистической партии.

Принимая это решение, Луис Корвалан понимает, что он выбирает жизнь, полную лишений, голода, выбирает непрестанные преследования, тюрьмы, истязания. Он понимает, что должен быть готов отдать всего себя, всю свою жизнь борьбе за социализм, за наступление коммунистического будущего в Чили, в Латинской Америке, во всем мире.

В это время компартия ищет человека, который был бы способен возглавить руководство газетой «Деспертар да лос трабахадорес» («Пробуждение трудящихся»), созданной в городе Икике Луисом Эмилио Рекабарреном. Эта газета пропагандирует коммунистические идеи среди рабочих селитряных разработок на севере страны. Ответственную работу поручают молодому Луису Корвалану.

Так начался долгий и плодотворный путь журналиста, пишущего для партии и во имя партии, путь пропагандиста и публициста.

Когда 31 августа 1940 года создается центральный орган Компартии Чили — газета «Сигло», — Корвалана направляют в ее аппарат. Он становится одним из членов первого состава руководящих сотрудников газеты. Сначала он ведет профсоюзный отдел, затем ему доверяют руководство отделом политической информации, пост заместителя директора газеты, и, наконец, в 1946 году Центральный Комитет КП Чили назначает его директором «Сигло».

Корвалан рассматривает журналистику прежде всего как исполнение своего партийного долга. Работа в печати для него — это прежде всего участие в политической борьбе рабочего класса. И он стремится использовать эту возможность в полной мере, с максимальной эффективностью.

Под руководством Корвалана газета «Сигло» приобретает огромную популярность. На ее страницах находят отражение кровные заботы и самые насущные нужды масс. Статьи, которые публикует «Сигло», характеризуются не только глубоким проникновением в суть проблем, но и простотой, доходчивостью изложения, разницей сатирой, тонким

юмором. Газета становится одной из самых популярных в стране. Она успешно выдерживает борьбу за читателя с буржуазной прессой, хотя материально и технически «Сигло» обеспечена далеко не блестяще.

22 июня 1941 года. Гитлеровская Германия вероломно напала на первую в истории человечества страну социализма. Это известие поступает в Чили, когда уже печатался номер. Немедленно были остановлены типографские машины, и журналисты начали готовить экстренный выпуск «Сигло».

В этот день газета вышла в свет с помещенным на первой полосе сообщением о преступной агрессии гитлеровцев. «Сигло» выражала твердую веру Компартии Чили, рабочего класса и всего чилийского народа в то, что Советский Союз одержит победу и наголову разобьет фашистские орды.

Настали трудные дни...

В конце сороковых годов внутренняя реакция, опираясь на помощь империализма, развязала бешеную кампанию репрессий, направленную против демократических сил, и прежде всего против коммунистической партии.

Ренега и предатель, обманом пробравшийся на пост президента республики Габриэль Гонсалес Видела запрещает деятельность Компартии Чили.

Прекращается и издание газеты «Сигло». Ее директор Луис Корвалан переходит на нелегальное положение. Теперь его знают как Луиса Корреа.

Корвалан участвует в подготовке листовок, в создании подпольных типографий, в издании небольших газет, которые начинают выходить в свет под самыми различными названиями: «Пуэбло» («Народ»), «Вос дель пуэбло» («Голос народа»), «Бандера роха» («Красное знамя»), «Демокрасия» («Демократия»), журнала «Принсипиос» («Основы») и других.

Эти газеты разоблачают преступные переговоры, которые ведет с империалистами США Гонсалес Видела, стремящийся привязать страну к колеснице военного пакта. Они выражают возмущение всех чилийцев созданием на севере страны, в Писагуа, концентрационного лагеря. Туда свозят тысячи коммунистов и других борцов-демократов. Газеты во весь голос говорят о репрессиях против горняков угольных шахт, которых вместе с женщинами и детьми бросают в вагоны для перевозки скота, вышвыривают на пустырях, в далеких и необжитых уголках страны. Газеты ведут решительную кампанию в поддержку экономических и социальных требований рабочего класса, а также других слоев общества, страдающих от жестокой насильственной политики реакционного режима.

Луис Корреа — инициатор и руководитель всех этих кампаний. Он ездит из конца в конец страны, принимает участие в конспиративных совещаниях, которые проводятся то в одном, то в другом месте Сантьяго.

Одна из особенно смелых акций Корвалана была связана с самым знаменитым произведением великого чилийского поэта Пабло Неруды — с его «Всеобщей песней». Неруда в это время скрывался в подполье от преследований фашистских ищек. Они получили приказ схватить его любой ценой.

Корвалан считает, что первое издание «Всеобщей песни» должно обязательно быть осуществлено в Чили. Он возглавляет руководство подготовкой издания книги. И вот в самых разных подпольных типографиях строка за строкой, по страничке рождается «Всеобщая песнь». Тетрадки этих отпечатанных страниц прибывают отовсюду на конспиративные квартиры, и здесь их брошюруют... Так появляется книга, известная ныне всему миру. Книга, включающая пламенные стихотворения, в которой Неруда гневно бичует предательство и преступления диктатора Гонсалеса Виделы... Она поступает в продажу. Чтобы сбить с толку полицию, Луис Корвалан решает указать в выходных данных вымышленное место ее издания — «Типография Хуарес, Мехико».

Находясь на нелегальном положении руководство Коммунистической партии Чили высоко оценило самоотверженный и плодотворный труд Корвалана, его глубокие теоретические знания и четкость политической позиции. В 1950 году он единодушно избран членом Центрального Комитета партии.

Идут дни. Компартия, опираясь на поддержку масс и на все более крепнущий союз всех демократических сил, шаг за шагом продвигается к выходу из подполья. И вот 25 октября 1952 года вновь стала выходить газета коммунистов «Сигло». На первой же ее странице появляется статья за подписью Луиса Корвалана. Она начинается такими словами: «Как мы говорили в прошлый раз...»

Дальнейшая жизнь и деятельность Луиса Корвалана уже широко известны.

В 1958 году, когда умирает Генеральный секретарь Компартии Чили Гало Гонсалес, Центральный Комитет доверяет руководство партией человеку, который в полной мере продемонстрировал свою беззаветную преданность партии и волю к созидательной деятельности на протяжении долгих лет подполья, борцу, который обладает глубокими знаниями марксистско-ленинской теории и чилийской действительности, руководителю, который всегда занимает твердую интернационалистскую позицию.

Возглавив руководство партией, Луис Корвалан с еще большей энергией посвящает себя выполнению исторической задачи — созданию широкой коалиции политических и социальных сил. Главным, опорным стержнем ее является рабочий класс. Цель коалиции — борьба за создание правительства, которое вызовет богатства недр Чили из хищных лап империалистических монополий, осуществит полную аграрную реформу, поведет страну по пути революционных преобразований и прогресса.

Произведения Луиса Корвалана, опубликованные в теоретическом журнале компартии «Принсипиос», в газете «Сигло», в теоретическом и информационном журнале коммунистических и рабочих партий «Проблемы мира и социализма», его доклады и выступления на форумах партии, речи на съездах КПСС и других братских партий способствуют укреплению теоретической базы и достижению практических успехов в деятельности КП Чили. Потом все эти произведения войдут в книгу «Путь к победе», которая продолжает оставаться важным руководством для всего чилийского народа.

Политический курс, определенный компартией, в разработке которого решающая роль принадлежит Луису Корвалану, исходит из осознания необходимости укрепления в Чили самого широкого общенародного движения. Партия указывает на возможность завоевания власти мирным путем. В то же время она не исключает и того, что рабочий класс вынужден будет прибегнуть к оружию.

В ходе великих битв к этому широкому движению присоединяются самые различные социальные силы. Небывалый размах приобретает профсоюзная борьба. Избранный сенатором — членом верхней палаты конгресса, — Корвалан возглавляет знаменитый «Голодный марш» горняков, которые, объявив 100-дневную забастовку, пешком вместе с женами и детьми направились в город Консепсьон, чтобы во весь голос заявить о своих требованиях.

Пробуждаясь от многолетней политической спячки, на арену общественной борьбы властно вторгается крестьянство. Оно требует немедленного осуществления аграрной реформы. И тогда Луис Корвалан, прозорливый политический руководитель, сын бедной крестьянки, надевает излюбленную национальную одежду — пончо — и верхом на лошади объезжает самые отдаленные деревни. Он поднимается в горы, бывает на крайнем севере, на юге и в центральных районах страны.

Он говорит с крестьянами открыто и просто. Говорит не только о политике. Его интересуют виды на урожай, хватает ли семян, удобрений, не подвела ли погода...

Основываясь на глубоко научном изучении проблем национального сельского хозяйства, Луис Корвалан разрабатывает четкий курс партии, который привлекает к ней сердца и разум чилийских крестьян.

Студенты, интеллигенция, мелкие и средние торговцы и собственники, мужчины и женщины, молодежь и старики, все патриоты Чили осознают значение и необходимость создания единого антиимпериалистического, антимонополистического и антифеодалного фронта.

Символом союза самых различных классов и социальных слоев, различных идеологических воззрений — марксистов, христиан, социал-демократов, — знаменем их единства становится мужественный деятель, руководитель социалистической партии, сенатор и врач Сальвадор Альенде.

Луис Корвалан и коммунисты Чили считают, что, выступая на основе программы глубоких революционных преобразований и широкого союза политических и социальных сил, ядром которого будет рабочий класс, победу можно одержать уже на президентских выборах в 1970 году.

Так возникает коалиция Народного единства. Именно Луису Корвалану выпала почетная роль провозгласить единого кандидата на многотысячном митинге в Сантьяго. Он сказал историческую фразу:

— Кандидат на пост президента избран. Его имя — Сальвадор Альенде.

4 сентября 1970 года настал день победы. Выборы принесли триумф Народному единству и его кандидату Сальвадору Альенде. 3 ноября 1970 года Альенде вступает на пост президента Республики Чили. В торжественной церемонии, состоявшейся в здании национального конгресса, участвуют руководители и представители всех партий, которые входят в Народное единство. Среди них и Луис Корвалан, один из главных создателей политического курса, который привел к победе, один из авторов программы деятельности нового правительства, один из самых активных руководителей избирательной кампании.

Уже много написано об уроках и опыте Народного единства. О великих свершениях правительства Народного единства, о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться, о факторах, которые дали возможность фашизму сорвать этот эксперимент и устроить на земле Чили продолжающуюся и по сей день кровавую и трагическую бойню патриотов.

После сентябрьского переворота руководство Компартии Чили, находясь в подполье, обратилось к народу с многочисленными документами, в которых деятельность Народного единства была подвергнута глубокому анализу. Отмечая огромное историческое значение шагов, предпринятых Народным единством на протяжении трех лет, партия самокритично указывала на ошибки, допущенные правительством. Все это послужило и служит уроком, которым еще воспользуются наш народ и народы других стран.

С первых же дней создания правительства Народного единства и на протяжении трех лет до военно-фашистского переворота Луис Корвалан, коммунист — на митингах и на разного рода совещаниях, в беседах с Сальвадором Альенде — настойчиво указывали на необходимость проведения такой политики, которая вместе с осуществлением революционных преобразований способствовала бы укреплению власти Народного единства. Они требовали принять меры для того, чтобы сделать процесс перемен необратимым, чтобы открыть реальный путь к социализму.

Луис Корвалан призвал к борьбе с политическим сектанством, которое могло привести к изоляции рабочего класса, разъярил, что национализацию шахт, банков, монополий, аграрную реформу и другие революционные меры необходимо дополнять решительной перестройкой аппарата буржуазного государства, вооруженных сил...

27 сентября 1973 года во время повального обыска ищейки хунты схватили Луиса Корвалана на одной из конспиративных квартир.

Ему связали руки и привезли в помещение военного училища Сантьяго. Здесь десятки военных сбегались посмотреть на него. Они осыпали коммуниста оскорблениями. Корвалан оставался спокоен. С достоинством и презрением отвечал он фашистскому генералу Нило Флади, который пытался обвинить его в каких-то несуществующих преступлениях. «Преступниками и предателями являются те, кто, растоптав конституцию и воинскую присягу, совершил переворот, свергнул законное, избранное народом правительство», — сказал Корвалан, глядя в глаза палачам.

Уже в этот первый день своего ареста он превратился в обвинителя. Он начал новый этап своей борьбы.

И где бы потом он ни находился — в казарме военного училища, на острове Досон, в подвале Академии сухопутных войск, в концентрационных лагерях Ритоке и Трес-Аламос, — Генеральный секретарь Компартии Чили оставался верен своему долгу борца.

В концлагере Ритоке он узнал о новогоднем послании, которое направил ему Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев 31 декабря 1974 года.

1 мая 1975 года до него дошла весть о награждении международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

Это были отблески того яркого пламени солидарности, которое вспыхнуло на всех континентах, во всех уголках земли. Солидарности с борьбой чилийского народа против фашистской чумы.

В концлагере Трес-Аламос за колючей проволокой, под дулами пулеметов он встречает свое 60-летие.

В этот сентябрьский день народы мира снова и снова произносят его имя. Они требуют немедленного освобождения Луиса Корвалана, всех узников фашизма и капитала и выражают твердую уверенность в том, что солнце свободы, демократии и прогресса вновь засияет над героической, многострадальной, борющейся землей Чили.

Рисунки Леонида ТИШКОВА

Тышков

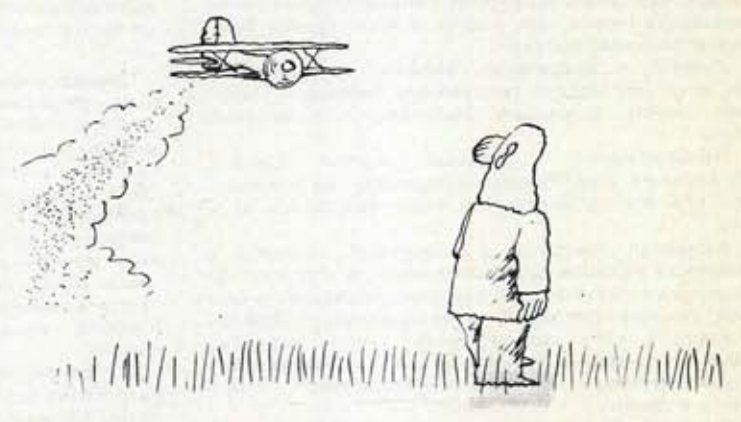

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

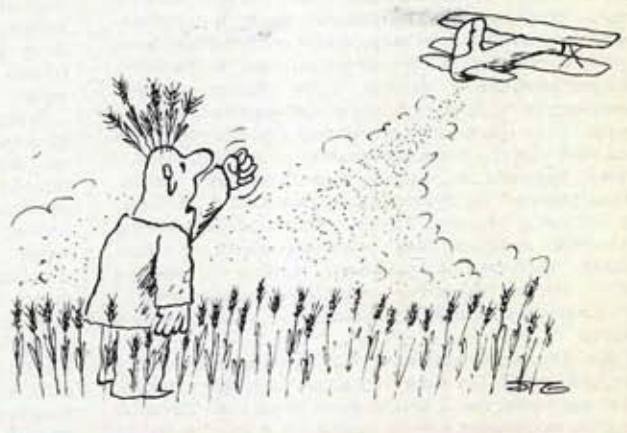

Рисунок Сергея ТЮНИНА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ОНИ СТАЛИ ПРЕТЕНДЕНТАМИ

С огромным интересом любители шахмат наблюдали за проходившими нынешним летом на Филиппинах и в Швейцарии межзональными турнирами, которые определили группу претендентов на мировое первенство. В этом номере «Смены» мы предлагаем вниманию читателей запоминающиеся фрагменты партий лауреатов первого, филиппинского межзонального форума.

На этой диаграмме изображена позиция после 24-го хода белых в поединке между молодым бразильским гроссмейстером Эрике-Коста Мекингом и чемпионом США гроссмейстером Уолтером Брауном. Игравший черными бразилец, несомненно, испытывает трудно-

сти, ибо его силы сковывает проникший в тыл неприятельский слон, поддержанный далеко продвинутой проходной пешкой. Поэтому решение пожертвовать качество с целью активизации фигур не только правомерно, но и необходимо.

24. ...Лс8:с7! 25. d6:c7 Фс6:c7 26. Фd1-c2 Лав-c8 27. f3-f4 Се5-d6 28. Фс2-c3 Се8-b5.

С двумя слонами бороться не легко, даже имея лишнее качество. Белые следующим ходом блокируют чернопольную диагональ, но в результате отдают противнику белопольную.

29. e4-e5 Сd6-c5 30. Ке2-g3 Сb5-c6 31. Лf1-e1?

Американец переоценивает свои шансы. Ему следовало удовлетвориться вероятной ничьей, незамедлительно возвратив благоприобретенное качество банальным путем—31. Ф:c4 Сb5 и т. д.

31. ...Фс7-b7 32. Фс3-c2 Сс5-b4 33. Ле1-e2 Сс6-d5 34. Кg3-e4 Сd5:e4 35. Фс2:e4 Фb7-d5! 36. Фе4-c2 Лсв-d8 37. h2-h3 Фd5-c5. В этом малоприятном для себя положении белые просрочили время на обдумывание, и им было зачтено поражение.

Перед вами ситуация, возникшая после 13-го хода черных в другой гроссмейстерской схватке— между нашим Львом Полуга-

евским и румыном Флорином Георгиу.

Советский шахматист (у него белые) осуществляет смелый прорыв в центре, связанный с жертвой пешки.

14. e4-e5! d6:e5 15. Kd4:c6 Сb7:c6 16. f4:e5 Кf6-d7.

Пешка «е5» оказывается «отравленной»: ее взятие повело бы черных к немедленному краху. Например, 16. ...Фe5? 17. Kd5! Фd6 18. К:f6+ gf 19. Фg4+ Крh8 20. Л:f6!, и черным впору сдаваться. Теперь же белые жертвой коня развивают опасное наступление.

17. Кс3-d5! e6:d5 18. с4:d5 Сс6-b7 19. d5-d6!

В атаке действовать нужно точно. Сыграв белые здесь 19. e6?, и после 19. ...fe 20. Фh5 Лf5! противник мог бы вполне наладить оборону своей рокировки.

19. ...Се7-g5 20. Фd1-h5 h7-h6 21. h2-h4! Фb8-c8 22. Сс2-f5 g7-g6 23. Фh5-e2!

Белые умело обходят замаскированную и коварную ловушку партнера: 23. С:g6! Кf6! 24. ef Фh3+ 25. Кpg1 Ф:g2x.

23. ...g6:f5 24. h4:g5 Сb7-e4?

Этот кажущийся естественным маневр терпит неудачу. Однако и другие продолжения, скажем, 24. ...Кс5 25. Лас1 Ке4 26. Л:c8 Кg3+ 27. Крh2 К:e2 28. Лс7!, не облегчили бы участи черных.

25. e5-e6! f7:e6 26. Фе2-h5 e6-e5 27. Фh5-g6+ Кpg8-h8 28. Фg6:h6+ Крh8-g8 29. Фh6-g6+ Кpg8-h8 30. Лf1-f4!, и перед лицом неотвратимого мата черные сложили оружие.

К такому положению после 17-го хода белых пришла гроссмейстерская дуэль между Властимилом Горттом (Чехословакия) и Эвгению Торре (Филиппины).

Поучительно проследить за тонким лавированием игравшего черными В. Горта. Он приковывает внимание соперника к нуждающейся в опеке изолированной центральной пешке, постепенно добиваясь ощутимого пространственного перевеса.

17. ...d6:e5! 18. f4:e5 Кf6-d5 19. Ch4:e7 Сb5:d3 20. Ld2:d3 Kd5:e7 21. Lh1-f1 0-0 22. Лf1-f4 Фb6-c5! 23. Фе1-e2.

Э. Торре заметил скрытый капкан находчивого партнера: 23. Фf2? Фе5 24. Ld7 Lfd8!, и белым становилось бы сразу тяжело.

23. ...Лf8-d8 24. Kd1-f2 a6-a5 25. Ld3:d8+ Лс8:d8 26. Kf2-d3 Фс5-c7 27. h2-h4 Ке7-d5!

Конечно же, белые заметно стеснены, и выбор ходов у них ограничен, но найди филиппинец лучший ответ 28. Лg4, он еще смог бы оказать упорное сопротивление. Теперь быстро наступает развязка.

28. Лf4-f2? a5-a4 29. Фе2-f3 a4-a3 30. g2-g4 a3:b2 31. Крb1:b2 Фс7-a7 32. Крb2-c1 Кf5-c3! 33. a4-a5.

Пикантно выглядят комбинация 33. Крd2 Ф:f2+! 34. Ф:f2 Ке4+, и черные остаются с лишним качеством.

33. ...h6-h5! 34. g5-g6! f7:g6 35. Фf3-c6? Ld8:d3, и белые сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19/VII 1976 г. А 00966. Подписано к печати 3/VIII 1976 г. Формат 70 x 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2041. Заказ № 2599. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

АЙ ЛАЗЗАТ!

Как прекрасно!

Слова Расула ГАМЗАТОВА
Перевод с аварского
Якова КОЗЛОВСКОГО
Музыка Алексея ЭКИМЯНА

Охваченно

Душо, весело

Приди же, милая, ко мне.
Зачем нам ждать прихода ночи?
Знай, что у сплетниц при луне
Еще старательнее очи.

Припев:
Дороги нету нам назад,
Теперь и вправду мы едины.
И шепчут: «Ай лаззат!» вершины,
И небо вторит: «Ай лаззат!»

Таких здесь не было времен,
Чтоб, возвратясь, как из разведки,
Двух не склоняли бы имен
На нашей улице соседки.

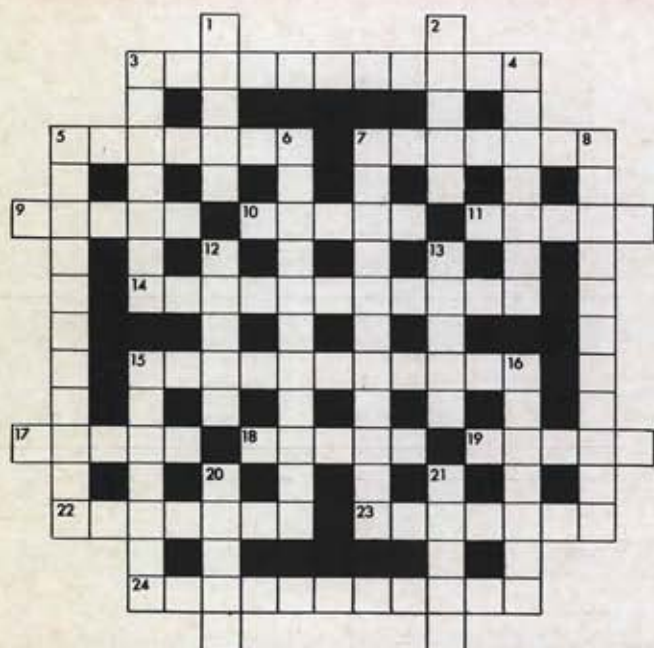
Припев.

Приди же, милая, приди
Туда, где снег летит с черешен.
Великий грех — не знать любви.
Верь: только любящий безгрешен!

Припев.

КРОССВОРД

Составил А. АХМАДЕЕВ,
пос. Шахсы, Башкирия

По горизонтали:

3. Краевой центр в СССР. 5. Пушной зверек. 7. Часть раковины некоторых моллюсков. 9. Промежуток времени работы на производстве. 10. Коренное население европейского государства. 11. Травянистое растение семейства мальвовых. 14. Советская писательница. 15. Газ. 17. Шеренга. 18. Английский полярный исследователь. 19. Конторский служащий в США и Англии. 22. Химический элемент. 23. Острова между Австралией и Малайским архипелагом. 24. Город в Пермской области.

По вертикали:

1. Часть стены, потолка, заполненные живописным или же барельефным изображением. 2. Трава, отросшая после укуса. 3. Советский космонавт. 4. Песня А. Колкера. 5. Толкователь текстов, явлений общественной жизни. 6. Русский ученый, основоположник эволюционной палеонтологии. 7. Отрасль сельского хозяйства. 8. Советская шахматистка. 12. Приток Москвы-реки. 13. Столица африканской республики. 15. Ряд цифр, слов, написанных один под другим. 16. Город на Сахалине. 20. Высшая цель, совершенство. 21. Специализированное хозяйство колхоза, совхоза.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 16

По горизонтали:

7. Качество. 8. Прогресс. 9. Литератор. 13. Беседка. 15. Реалист. 16. Архимед. 17. Поморье. 18. Ефремов. 19. Нерис. 20. Алмаз. 22. «Селькор». 24. Анемона. 26. Горилла. 27. Слесарь. 28. Варакушка. 31. Наливкин. 32. Трилогия.

По вертикали:

1. Макаренко. 2. Отливка. 3. Поле. 4. Алия. 5. Логопед. 6. Искусство. 10. Радиоприемник. 11. Местоимение. 12. Альметьевск. 14. Аргентина. 15. Ренессанс. 21. Индокитай. 23. «Огородник». 24. Алтайка. 25. Алексин. 29. Айни. 30. Унты.

**ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА «СМЕНУ»!**

СМЕНА

1977

Подписная цена
на год — 6 руб.

Цена одного
номера — 25 коп.

ОЧЕРКИ И РЕПОРТАЖИ
О МОЛОДОМ РАБОЧЕМ КЛАССЕ.

«ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ». Рубрика, посвященная воспитанию нравственности. Судьбы, конфликты, проблемы.

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ». Мы рассказали в 1976 году о композиторе Шостаковиче, строителе Бочкине, революционере Марти, выдающемся деятеле Чили Луисе Корваллане. О ком бы хотели вы прочесть очерки в этой серии в 1977 году? Рубрика «ЖЗЛ» — раздел, который ведется по заявкам читателей.

По заявкам читателей, по их «заказам» — рубрики «МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ» и «ЧЕМПИОНЫ О СЕБЕ».

Обсуждение острых вопросов: раздел «ПРОШУ СЛОВА!»

Рубрика «УРОКИ ЖИЗНИ» — диалоги выдающихся рабочих, общественных деятелей, писателей, режиссеров, актеров о важнейших трудовых, нравственных и эстетических завоеваниях нашего общества.

Международная программа «Смены»: специальные номера, посвященные братским союзам молодежи, материалы корреспондентов «Смены» о горячих точках планеты.

«Смене» обещали свои новые рассказы и повести Валентин Распутин, Аскольд Якубовский, Андрей Битов, Георгий Семенов, Акрам Айлисли, Нодар Думбадзе, новые стихи и поэмы — Леонид Мартынов, Эдуардас Межелайтис, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Евгений Винокуров, Василий Федоров, Эмилиян Буков. Остросюжетные романы и повести американского писателя Артура Хейли, братьев Аркадия и Георгия Вайнеров, Павла Шестакова, Юлиана Семенова.

СМЕНА